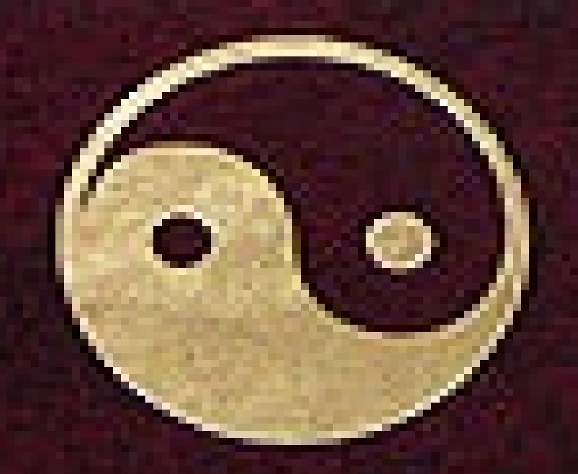
РЕНЕ ГЕНОН

ВОСТОК И ЗАПАД

Annotation

Книга "Восток и Запад", появившаяся в 1924 году, раскрывает перед нами суть позиции философа и метафизика Рене Генона (1886-1951). Фактически, все другие его исследования заданы темой этой книги.

Привлекательность позиции Р.Генона состоит в том, что с нее открывается безграничная панорама вариантов Единой Духовной Традиции, где каждая культура и каждая конкретная традиция обретают свое место.

Книга, созданная Р.Геноном более 80 лет назад, вызовет безусловный интерес у современного читателя своей небывалой актуальностью и злободневностью

РЕНЕ ГЕНОН

ВОСТОК И ЗАПАД

Т. Б. Любимова

КОНЕЦ МИРА — ЭТО КОНЕЦ ИЛЛЮЗИИ (ВСТУПЛЕНИЕ)

«Запад и Восток —
Всюду одна и та же беда.
Ветер равно холодит».

Басё

«Конец иллюзии» — такими словами завершается книга Р. Генона «Царство количества и знамения времени», в которой дан тончайший анализ истории духовного падения и сужения интеллектуального горизонта человечества. Но в этих словах нет никакого пессимизма, как это может показаться на первый взгляд. Иллюзия упадет как завеса, и перед нами предстанет новая Земля и новое Небо, начало времени, Эон, как называли его греки, Зерван, бог Времени, как величали его зороастрийцы. Книга, которую ты, дорогой читатель, держишь в руках, «Восток и Запад», раскрывает перед нами суть позиции этого замечательного философа и метафизика; фактически, все другие его исследования заданы темой «Востока и Запада».

Р. Генон поставил диагноз современной цивилизации еще до того, как признаки тяжкой болезни явно выступили на ее «лице», если можно так сказать, т.е. в ее культуре. Мы видим — и этого уже нельзя не видеть! — что цивилизация разрушает среду обитания

человека, а культура разоряет гармонию его душевного строя. Но современные цивилизация и культура лишь обнаружили катастрофические следствия тех далеких сдвигов в умах и поведении людей, которые произошли задолго до исторического времени. Как волна-убийца рождается далеко в океане и там она почти незаметна, но на берегу от нее нет спасения, так и незаметные для поверхностного наблюдателя смещения в сознании и культуре в отдаленном от нас времени, в конечном счете, вырастают до угрозы существованию самого человечества. Генон, правда, этот процесс деградации человечества описывает как раздробление и замутнение изначальной Единой Духовной Традиции; у него это похоже, скорее, на разветвление единого Древа Познания, чем на подводные течения в океане времени, но это не меняет сути: он отмечает и направление, и ускорение этого процесса.

Неужели, действительно, катастрофа человека и его земного дома стала уже неотвратимой? Об этом сейчас говорят многие, но сколь немногие это все же осознают!

Свирепое разграбление человеком природы, жестокость по отношению к себе подобным, да и не только к подобным, но и ко всему живому и неживому (хотя в мире нет ничего на самом деле неживого, ведь вся Земля есть единый живой организм), да и искаженное представление о самом себе, все это неизбежно ведет к гибели человека и самой Земли. Есть ли надежда на спасение? Может быть, как в рассказе у Э. По о низвержении в Мальстрем, где герой увидел возможность обратного движения из затягивающего водоворота — наверх, из бездны, также и человечество найдет неожиданный выход? Где же тот «бочонок», за который стоит ухватиться человечеству? Конечно, надеяться на существующие религии или на власть, правительства, на науку или философию здесь не приходится. Все эти формы социальной и культурной жизни не только не удерживали от «низвержения», но часто даже подталкивали в этом направлении, обеспечивали «прогресс», так сказать. И хотя сейчас любой социальный порядок немыслим без таких форм, а порядок во всяком случае лучше, чем просто хаос, но

все же наличный порядок как на Западе, так и на Востоке довольно скверный во многих отношениях. Не будем слишком углубляться в этот вопрос, о котором и без того много пишут и рассуждают, скажем только, что и здесь Р. Генон усматривает причину повсеместной деградации упомянутых форм в гораздо более глубоких и скрытых вещах, чем простые очевидные исторические факторы, наподобие разделения труда, разрушения локальных культур или увеличения рациональности в социальных отношениях. И такие скрытые от взора большинства современных философов «вещи» суть метафизические принципы. Ведь человек по самой своей природе метафизик, а значит и все, что с ним связано, без постижения этих принципов не будет, на самом деле, правильно понято. Наука ориентируется, в основном, на физику; это ее образец знания; человек как предмет науки есть, прежде всего, тело, правда, отличающееся от просто физического тела тем, что оно наделено психикой и, к тому же, вступает в социальные отношения, которые имеют свою историю. Она абстрагируется от человека как духовного существа, сводя духовное начало к психике и ее объективациям в религии или искусстве. Науки о духе, вопреки мнению неокантианцев и представителей философии жизни, суть противоречие в понятии, ибо дух не может быть ни объектом, ни предметом, он сам есть начало всяческих предметов и объектов. Знания о Духе и духовные знания могут быть чем угодно, но только не наукой. А человек есть то, что он знает. Об этом были прекрасно осведомлены «священные науки», ныне практически никому не доступные.

Современная наука нацелена не только на познание мира, но и на господство над природой, такова ее движущая сила. Поэтому быстрее всего развиваются те области науки, которые имеют практические выходы в технологию. Самые передовые технологии неизбежно связаны не с потребностями мирной, гармоничной жизни (которую сейчас весьма трудно вести по понятным причинам), а с войной, реальной или потенциальной. Война, говоря уже совсем определенно, является мотором цивилизации. Война и стремление к

господству — две неразрывно связанные между собой вещи.

Что же религия? Не есть ли это достойный противовес материализму науки? Ведь любая религия полагает человека существом духовным, говорит о невидимом, неведомом и до конца непознаваемом начале всего существующего, о Боге. В этом, конечно, честь ей и хвала, ведь она тем самым постоянно напоминает о едином истоке, о духовном принципе, лежащем в начале любой традиции и культуры. Но современные господствующие религии являются социокультурными институтами, и будучи организованными по законам, согласно которым строятся все социальные институты, они включены полностью в ненормальный строй социумов нашего времени. А строй этот (не зависимо от того, как он называется, демократия, автократия или еще как-нибудь) ненормален хотя бы потому, что в нем нет принципа иерархии, согласующего разные уровни духовного совершенства. Зато в нем есть псевдоиерархия, основанная на виртуальных вещах: фиктивном капитале (а капитал всегда по своей сути фиктивен, так как он есть «мертвое время»), на страхе и на обмане. Как сказал Шри Ауробиндо, сейчас миром правят двое из падших ангелов, «Лорд Обман и Лорд Смерть».

В силу того, что любой социо-культурный институт несет на себе печать всего социума, то и религия, волей-неволей проникаясь всем, что присуще данному социуму, сама впитывает в себя и многие его культурные стандарты, а не только задает их. Ведь, как говорили классики марксизма (иногда и враги Традиции умели выражать свою мысль очень метко): жить в обществе и быть свободным об общества — нельзя! Но дело даже не в том, что религия и, в частности, церковь подвержена всему, что царит в данном обществе, а в том, что она не может ответить на сегодняшние запросы души, а богословие старается скорее приспособиться к информационному и цивилизационному «взрыву», нежели указывать Путь для постижения мира и человека. Вот современная религия и гордится тем, что она почти не противоречит науке. Однако истинное согласование все частные культурные институты и формы могут

найти только на уровне метафизики.

Согласно концепции Р. Генона, религия несет в себе только отдельные элементы Традиции, причем, отдельные религии похожи на обрывки некогда единой картины, которую по ним уже невозможно восстановить, или на осколки большого зеркала, в которых отражается очень маленький кусочек пространства. Бессмысленно стараться их приладить друг к другу, тем более, что она, религия, опирается, главным образом, на чувство, а не на чистый интеллект. Согласие же в чувствах может быть только временным и даже, чаще всего, кратковременным.

Но и научная рациональность, ядро которой составляет рассудок, тесно связанный с эмпирическими данными, тоже не достигает чистого интеллекта (это не то же самое, что кантовские идеи разума, существующие только в модальности «как если бы», являющиеся единственно регулятивными идеями). В этом смысле, они обе, и наука, и религия, легко теряют из виду метафизические ориентиры.

В качестве социального института религия тоже рассматривает человека как объект (а не как субъект), но если для науки это объект теоретического рассмотрения, то для религии это, по преимуществу, объект контроля и управления, и управление осуществляется в расчете на чувства, и в первую очередь, чувство страха. При этом ни наукам, ни религия, как им кажется, не нуждаются ни в какой метафизике и прекрасно уживаются друг с другом, как и с остальными социальными институтами. Социум замещает всякую метафизику, он для всех и Бог, и царь! А социум насквозь пропитан господством к господству. И чем теснее сливается в «симфонии» институт религии с другими социальными установлениями (исполнительной властью, образованием, институтом собственности и другими социальными структурами), тем больше приходится ему, этому институту религии, опираться на чувство (под предлогом веры) вместо интеллекта, тем меньше в нем осознаются и принимаются всерьез метафизические принципы; говоря со всей определенностью, стремление к господству в социуме и метафизика

исключают друг друга.

Разумеется, и наука, и религия, и культура вообще, да и сам социум имеют свои метафизические основания, которые однако, все далее и далее уходят за горизонт осознаваемого. Эзотерическое ядро, а таковое было первоначально у всех социо-культурных установлений, оказывается скрытым не только от простого люда, но затмевается и от «избранных», причем, вполне объективно, самим состоянием мира, как будто все испили «сумасшедшей воды» из известной суфийской притчи.

Итак, если Запад не представляет себе другой перспективы своего существования, кроме той, в какой он себя поместил, то каков же Восток? Сохранил ли он ясный разум и нормальные, естественные отношения между людьми? Если иметь в виду географический восток, т.е. те страны, которые там расположены, то к настоящему времени уже трудно судить, насколько далеко эти страны отошли от исконной Традиции и переняли стиль жизни и мышления Запада. Генон верил, что Традиция там просто ушла вглубь, но не исчезла из жизни. Возможно, что для того момента, когда он писал об этом, дело обстояло именно так. Но сегодня, наверное, придется искать «Восток» уже в другом месте, в глубине своей собственной души, в своем собственном сердце, в том существе «самого себя», которое превосходит не только телесные, психические, социальные, национальные, религиозные определения и ограничения, но которое и самого себя постоянно превосходит. Да, Генон на самом деле никогда и не понимал Восток только в географическом смысле. Он понимал его именно как чисто духовный принцип.

Индусы называют наше время Кали-югой. Если в предыдущие эры (юги) люди жили долго и гармонично, отступления от нормы нарастали очень медленно, то теперь беззакония катятся неудержимой лавиной. В древнем памятнике «Вишну-дхарма» говорится о людях Кали-юги: «Продолжительность их жизни будет различной, но никто из них не будет знать, какова она, тогда как одни из них будут умирать зародышем, другие ребенком или

юношей. Искренне преданные благочестию будут умирать, не прожив долго, а те, кто совершает дурные поступки и отвергает религию, будут жить дольше. Цари станут шудрой и будут подобно хищным волкам отнимать у других все, что увидят. Таковы же будут деяния брахманов, и большинство их будут шудрой и грабителями». Так уже было в далекие времена, что уж говорить о современности! Но тогда еще помнили, что в еще более далекие времена люди жили долго, по тысяче лет, срок жизни был у всех одинаковый, не было ни ненависти, ни зависти, ни убийств. Все люди были брахманами. Но это было в начале времен, до начала известной нам истории, когда еще Духовная Традиция была единой и, главное, отнюдь не скрытой, а вполне даже явной.

В Древней Индии, которая, согласно Р. Генону, есть первый исторический образец Духовной Традиции, были запрещены ростовщичество, винопитие, супружеские измены и пр., для высших каст было запрещено самоубийство. То, что было запрещено для высших варн, нередко разрешалось для низших, так как им труднее «исполнять Дхарму»; так, только шудры могли пить вино, брать проценты (да и то, не больше 2%) и кончать жизнь самоубийством, если она, например, казалась им невыносимой. Зато им запрещалось изучать Веды! Это означало, что низшие касты не достигли достаточной ступени духовной квалификации, они не в силах исполнять божественные установления, не в силах побороть алчность, поэтому не могут не стремиться к богатству, и напротив, они не могут стремиться к освобождению, поэтому им запрещена также йога, так как занимаясь ею, они могут нарушить космическое равновесие. Иными словами, нельзя переворачивать естественную иерархию, это может повлечь за собой пагубные космические последствия.

Очевидно, что все эти представления коренным образом отличаются от современных, так что по понятиям традиционного человека наши современники оказываются в своем большинстве — шудры. Все брахманы и кшатрии выветрились за время предшествующей «свихнувшейся истории, рассказанной идиотом»

(по выражению Шекспира). И чем наглядней технический материальный прогресс, распространившийся на весь мир, как пандемия, тем явственней проступают черты деградации творца этого прогресса, его автора, т.е. человека. Но если возможна пандемия болезни и деградации, то значит, возможна и волна выздоровления, эпидемия здоровья, так сказать, причем здоровья не только телесного, но и всякого и во всех отношениях.

Но откуда же взялось это наваждение? В чем корень зла? Ни одна теодицея не смогла пока вразумительно объяснить нам это. Согласно Библии все пошло вкривь и вкось, потому что Каин убил Авеля. Но это дело темное, ведь если все творится по воле Бога, то он его убил за дело. Может быть, он хотел остановить беспощадное истребление животных, ведь Авель-то был пастухом, скотоводом, так сказать, резал овечек каждый божий день. С такой тактикой человечество, может быть, еще скорее погубило бы себя. А Каин ведь был вегетарианцем, выращивал деревья, строил жилища, города; Авелю просто не хотелось слишком уж напрягаться, наверное, ему легче было зарезать и съесть, чем выращивать деревья и ждать, когда же на них появятся плоды. Может быть, Каин убил его нечаянно, стукнул дубиной по голове (он ведь был земледельцем и обходился без холодного оружия), а у Авеля здоровье было ослаблено постоянным убийством животных, он упал и умер. А всю вину свалили на брата, но все же Бог взял Каина под свою защиту, поставил ему на лоб печать, чтобы его никто не трогал. Короче говоря, дело весьма темное. Ясно одно, что в этом сюжете отмечена тройная пагуба: гибнет жертва, разрушается целостность тонкого тела губителя (печать на лбу, т.е. оно, это тело, стало уязвимым) и наносится удар по информационно-энергетическому полю Земли (поэтому Земля стала взывать к Богу). Последствия очевидны. Трещина пошла по всей последующей культуре, начало убийства (равно овцы и человека; как живые существа они пред жизнью равны) как бы «свертывает» всепроницающее космическое начало любви, как от кислоты сворачивается молоко. Возникает потребность в специальных духовных практиках, снова и снова призывающих

убывающую космическую энергию, возникла потребность в религии, страсть к господству необходимость в принуждении.

Индуисты не указывают на какое-то одно роковое событие, вслед за которым все покатилось, как под горку. Они просто делят время на кальпы, махаюги, юги, причем, каждая юга короче и хуже предшествующей. И в каждой юге люди становятся все мельче, так что в последние времена они, вероятно, вообще все будут карликами, а срок жизни их становится все короче, так что эти карлики едва ли будут доживать до двадцати пяти лет. Но как бы то ни было, — указывать ли на какой-нибудь грех самого человека или просто ссылаться на ход событий, предопределение, судьбу или карму, — не становится понятней эта обреченность человечества быть таким, каково оно есть, а не таким, каким оно должно было бы быть согласно его же собственному идеалу.

Генон, в целом, стоит на точке зрения индуизма, но и в этом отношении рисует захватывающую картину развертывания событий: он представляет нам настоящую метафизику Времени, опираясь на концепцию мировых циклов. Сначала, по его идее, есть лишь только Время (разумеется, что речь идет о проявленном мире), затем оно начинает разворачиваться, постепенно раскрывая из себя пространство, затем идет материализация пространства, отвердение, можно так сказать; и в конце цикла наступает опять дематериализация. Согласно этой концепции получается, что все события укладываются в «завихрения» внутри таких циклов.

Естественно, что для каждой точки зрения существует и свой горизонт видения, охвата явлений и событий, существуют особые приемы для их объяснения. Современная мен тальность, в основном, ограничена прикладными целями и материалистическими представлениями о мире, и этот ее го ризонт принимается ею за границу мира, за ним для нее ни чего не существует, исходя из этого она и стремится объяснить загадку мира и тайну человека. В настоящее время получила широкое распространения теория пришельцев, она даже стала настоящей модой. Это они, оказывается, виноваты во всех наших бедах. Очень даже может быть! Но и их тоже

надо как-то объяснить, почему им дома не сидится и как они сами дошли до жизни такой. Довольно гладко и в то же время ярко, в технократическом духе повествует о пришельцах Алан Ф. Элфорд в книге «Боги нового тысячелетия». Эти «боги», из плоти и крови, согласно его теории, действовали у истоков человеческой истории и были, в сущности, ее авторами, правда, психология у этих «богов» получается какая-то слишком американская, точнее, англосаксонская: им, оказывается, нужны ресурсы, а на их планете этих ресурсов больше нет, они прибыли на Землю, создали себе при помощи генной инженерии из местных живых существ людей (другого объяснения внезапному появлению человечества на Земле автор не может себе представить, а тем более, объяснить те характерные особенности человека как вида, разительным и избыточным образом отличающие человека от остального животного мира) и стали использовать созданных, буквально сотворенных людей в качестве рабов для строительства своих замечательных технических сооружений, используемых в научных и космических целях. Эти загадочные сооружения всем известны, но им, действительно, никто еще не смог дать вразумительного объяснения: строительство пирамид в Гизе и изваяние Сфинкса, создание обсерватории в Стоунхенжде (действительно, зачем дикарям-людям в звериных шкурах с каменными топорами в руках нужны были столь совершенные астрономические сооружения?), строительство в Южной Америке загадочных сооружений и пирамид, статуи на острове Пасхи и многие другие сооружения, оставшиеся руины и воспоминания. Столь же необъяснимо внезапное возникновение весьма совершенных цивилизаций (например, в Шумере, а затем и в других местах) и столь же внезапная их гибель. Все это задумывали и реализовывали пришельцы с неизвестной планеты Нибиру, по теории этого автора. Он провел титаническую работу по согласованию множества исторических, фактических и «мифологических» сведений, ведь и в основе всякого мифа есть какое-то знание. Интересно, что эти «боги», совсем как современные властители, вели между собой войны за господство над странами (над людьми, в том

числе!). В этой теории, несмотря на отмеченную «проекцию» на «богов» типичной современной психологии, англосаксонской, в частности, которую Р. Генон считал образцом антитрадиционности, поставлен очень важный вопрос, пока в науке не нашедший решения. А именно, вопрос о скачкообразности, внезапности как эволюции человека, так и всего, что связано с его историей и культурой, со сменами цивилизаций. Ответ А. Ф. Элфорда вполне выдержан в духе позитивной науки, хотя его выводы и материал, на который он опирается, идут совершенно вразрез с устоявшимися мыслительными привычками в общепринятой, привычной антропологии.

Такова одна из самых складных теорий пришельцев на Земле. Иногда пришельцами называют необычных людей, таких как Иисус Христос, Мухаммад или Будда, опираясь на свидетельства об их замечательной жизни. Однако все же надо полагать, что посланники, коими с большим основанием можно считать таких людей, не есть, собственно говоря, пришельцы. Пришельцы преследуют свои цели, ничего общего с человечеством и Землей не имеющие, для них Земля — чужбина. Посланники же имеют своей целью напомнить человеку о Замысле Бога относительно него и мира, в котором он живет. Конечно, не надо думать, например, что заповеди Моисея относительно желания жены и осла ближнего, собственности и прочего и есть божественный Замысел. Это, действительно, напоминание для одичавших людей, но о том, что есть простые правила поведения, облегчающие жизнь.

Иными словами, посланники возможны лишь в том мире, который имеет духовное начало и в котором человек есть, в первую очередь, существо духовное. Пришельцы же могут обходиться и парадигмой материального мира. В мире «с пришельцами» духовное начало — гипотеза избыточная.

В любом случае, с такими персонажами, как посланники и пришельцы, связаны поворотные моменты в развитии человечества и его истории. А с метафизической точки зрения и те, и другие равны в своих правах на существование; они возможны как проводники того, что объемлет собою все те уровни бытия, представителями коих они

могут быть.

Однако существует классическая точка зрения, которая в философии и богословии получила названия телеологии, учения о целесообразности. Современная наука перелицевала этот старинный принцип и переименовала его в «антропный», согласно которому законы природы должны действовать так, чтобы могло возникнуть сознание, точнее говоря, мог бы возникнуть человек, обладающий сознанием, способным эти законы постигать. Возможно, что этот принцип следовало бы сформулировать более точно, но от этого его суть не меняется — сознание человека выполняет роль цели. Но можно расширить этот принцип и на место человека поставить, например, собаку, она тоже вполне успешно, хотя и по-своему, постигает эти законы, можно на место собаки поставить вообще любое существо. Тогда мы получаем классический телеологический принцип: в мире процессы протекают не только законосообразно, но и целесообразно; мы опускаем все тонкости обсуждения этого вопроса в философии, поскольку этот принцип невозможно ни доказать, ни опровергнуть, как и связанный с ним теологический принцип, т.е. утверждение существования Бога, можно только сказать, что существование Бога гораздо меньше нуждается в подтверждении и доказательстве, чем существование человека, который тщится такие доказательства выдвинуть.

Принцип целесообразности, признание того, что цель присуща не только сознанию и деятельности конкретного человека, но природе вообще, всему творению, все это придает и человеческим действиям, истории, культуре, цивилизации совершенно другое освещение. Ставится вопрос о смысле истории, о ее цели: вообще, только в свете этих принципов (телеологического и теологического) история и культура приобретают смысл. Тогда только есть основание считать каждого

человека целью в себе, уникальным, «штучным» творением Бога, и у этого уникального творения тоже неповторимая цель, которую никто во всей Вселенной не может достичь, кроме него. Индусы говорят: «Лучше плохо исполненная своя Дхарма, чем

хорошо — чужая». Обычно слово «Дхарма» переводят на русский словами «закон», «порядок», иногда даже «право». Генон в своем очерке «Размышления об индуизме» пишет, что этот санскритский термин происходит от корня, означающего «переносить, поддерживать, утверждать», и по своему смыслу восходит к слову «дхрува», означающее «полюс». Т. е. в этом термине явно присутствует символизм центра мира. Традиционные индуистские Писания приписывают человеческой жизни четыре типа целей: Артха, Кама, Дхарма, Мокша. Мокша, т.е. освобождение, находится по ту сторону проявленного мира, а Дхарма есть высшая цель проявленного мира, она непосредственно связана с духовной реализацией человека.

Если высшей целью человека является его духовная реализация и в мире царит не только законосообразность, но все в нем происходит целесообразно и даже целенаправленно, то тогда моменты «вмешательства» в историю, в становление цивилизаций и культур непонятных для человека сил, как бы он их не представлял себе и как бы он не объяснял их присутствие в своей жизни, обретает метафизическое измерение. Если «пришельцы» могут вызывать только недоверие и опасение (для них Земля — чужбина), то «посланники» вызывают некоторое сомнение, поскольку их послания всегда по непонятной причине переворачиваются их учениками и последователями и превращаются в нечто неузнаваемое; их сторонники и последователи к тому же непрестанно между собой воюют. В отличие от этого метафизическое измерение как бы раскрывает наш проявленный мир, создает в нем просвет, в этом измерении каждый может обратиться к самому сёбе как к центру мира, воспринимая окружающую его природу не как враждебную себе, а напротив, как содействующую. Но обратившись к самому себе, разве каждый не остается один на один с самим собой? Да, в себе он обретает спасение, Бога и исток жизни. Здесь нет и не может быть посредников. Что же тогда? Получается, что бесполезно изучать другие традиции, даже если среди своих, местных вариантов

традиции мы можем обрести лишь одни пустые скорлупы, оболочки, без живого духовного наполнения? Отнюдь нет! Ведь «другие» это те же самые мы, только мы себя в них не узнаем. Как только мы это постигаем, путь становится открытым, препятствия тают на глазах. Ведь человек больше, чем его мысль о самом себе, как о существе конечном, не напрасно его называют микрокосмом, аналогом Космоса. Причем, эта аналогия признается и на Востоке, и на Западе. И только как аналоги Вселенной люди могут быть уравнены, оставаясь каждый уникальным творением Бога.

Мы взяли в качестве эпиграфа прекрасно-скорбное стихотворение средневекового японского поэта Басё. Природа — вот то, отношение к чему, действительно, отличает Восток от Запада. Проникновенное, можно сказать, любовное к ней отношение, во всяком случае, более бережное на Востоке (когда–то!) и расчетливое, беспощадное — на Западе (сегодня!).

Майский дождь бесконечный.
Мальвы куда-то тянутся,
Ищут дорогу солнца.

Это тоже Басё. Или его же:

В сиянии луны
Ни одного в собрание не осталось
Прекрасного лица.

* * *

Конечно, если Природа воспринимается только как объект технологической деятельности и научного исследования, то и человек, как ее часть, может быть только таким же объектом. Но Природа не есть бессмысленный и мертвый объект. И на Западе было Духовная Традиция, и она проходит возь все века, с большей или меньшей полнотой обнаружила себя в тех или иных учениях, культурных формах. Без нее вообще всякое существование человека заглохло бы в кратчайшее время. Она просто «скрывается» от взора тех, кто не готов жить в согласии с ее принципами. Во всяком случае, среди доминирующего в западной ментальности антитрадиционализма или псевдотрадиционализма, только отношение к Природе, ее созерцание может дать новую надежду. Ведь Природа есть развертывающийся во времени проявленный Замысел Бога о человеке и его мире. Увидеть это непросто, но созерцание ее красоты, любование ею, проникновение ее музыкой есть путь к такому постижению. Природа как Замысел Бога, видимая и невидимая, ведомая и неведомая, грозная и милая, простая и бесконечно сложная, — вот истинный Восток и исток.

Чтобы закончить на светлой ноте мое небольшое предваряющее повествование, я хочу привести пример из современной поэзии, это стихи М. Лобановой. Они самодостаточны, как сама Природа; можно сказать, что они как искорки Востока на Западе:

Пылинка, бабочка, мимоза, недотрога,
Взгляд строгий искоса, завороженный — вдаль.
Забвенья хочется, но памяти дорога
Устроит исподволь покорство и печаль.
Пушинка легкая, соломка, Лорелея,
Пыльцою нежною затянется ваш след.
Не отыскать любви, парящая Психея:
Голубкой вырвется, бессмертья нет.
Тростинка хрупкая, березка, паутина,
Жемчужна морская, нежная звезда,

Застывшая мечта, загадка и картина,
Безмолвный трепет в жизни навсегда.

И еще одно, на тему времен года, традиционная и вечная тема искусства:

Густая зелень, вязкая листва —
взыскательною вязью. Перегнойно
пушиста тень. Шершавая пчела
тяжелоструйныйсад наполнит зноем.
Слепящий трепет огненных столбцов
забитмедвяной пылью до свеченья.
Дурман жасминный, блики бубенцов,
слезящихся в малиновом забвеньи.
Сирень заманит в пропасти. Куста
провал-расцвет, ликуя, застывает.
Крапивы ненасытен рост. Проста
рябина, в четках ртутно полыхает.
Косноязычна речь, но шелест трав
в причудливом сливается гуденье
с оранжевой сосной, и смысла сплав
загадоченв слоистом наслоенье.
Незримо ландышевый воск отлит
в зубцах, отточенных легко, до дрожи.
Рисунок прутьев ива повторит
в чешуйках, почках, отслоеньях кожи.
Природа — тайна, форма и печать.
Закон чеканной плотью облекает:
пыльце дано средь завязи молчать,
но плод в соцветье губы раскрывает.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редьярд Киплинг однажды написал эти слова: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и они никогда не сойдутся». В этой простой фразе чувствуется вся досада завоевателя, который понимает, что те, кого он считал побежденными и покоренными, носят в себе нечто такое, на что он не может иметь никакого влияния. Как случилось, что у поборника британского империализма в Индии вырвалось такое признание бессилия и уныния? Может быть в этом следует видеть эхо личной неудачи, но для нас это неважно, нас гораздо больше интересует, правда ли то, что он сказал. Конечно, видя современное состояние вещей, было бы очень соблазнительно с ним согласиться; однако, если бы мы придерживались такого мнения, если бы мы думали, что никакое сближение невозможно и никогда не будет возможным, мы не стали бы писать эту книгу.

Может быть, больше, чем кто-нибудь другой, мы осознаем всю ту дистанцию, которая разделяет Восток и Запад, в особенности, современный Запад; ведь в нашем "Общем введении к изучению индуистских доктрин» мы особенно настаивали на различиях до такой степени, что некоторые могли подумать о каком-то преувеличении с нашей стороны. Тем не менее, мы убеждены, что не сказали ничего такого, что не было бы совершенно точным; и в то же время мы рассматривали (в нашем заключении) условия интеллектуального сближения, которое, оставаясь достаточно далеким, все же кажется нам возможным. Если, следовательно, мы восстаем против ложных уподоблений, которыми соблазняются западные исследователи, то потому что они не являются незначительным препятствием, противостоящим этому сближению; когда исходят из ошибочной концепции, результаты часто идут наперекор поставленной цели. Отказываясь видеть вещи такими, какими они являются, и признавать определенные отличия, неустранимые в настоящее время, обрекают себя на совершенное

непонимание восточного склада ума и лишь продляют и усугубляют недоразумения, тогда как надо стремиться прежде всего их рассеять. Пока западный человек будет воображать себе, что существует только один тип человечества, что есть только одна «цивилизация» с разными ступенями развития, никакое согласие не будет возможным. Истина состоит в том, что существует множество цивилизаций, развертывающихся в очень разных направлениях, и что современная западная цивилизация обнаруживает черты, которые делают из нее довольно своеобразное исключение. Никогда не следует говорить о превосходстве или приниженности в абсолютном смысле, не уточняя того, в каком отношении вещи рассматриваются, когда их хотят сравнить, даже допуская, что они действительно сравнимы. Не существует цивилизаций, превосходящих другие цивилизации во всех отношениях, потому что невозможно для человека сразу и в равной степени применять свои способности во всех направлениях, и потому что существуют направления развития, которые представляются поистине несопоставимыми. Тем не менее, допустимо думать, что можно наблюдать определенную иерархию, и что вещи интеллектуального порядка, например, значат гораздо больше, чем вещи материального порядка; если это так, то цивилизация, которая кажется более низкой в одном отношении, будучи неоспоримо выше в другом отношении, вновь окажется ущербной в целом, какова бы ни была внешняя видимость; таков случай западной цивилизации, если ее сравнивать с цивилизациями восточными. Мы хорошо знаем, что такой способ рассмотрения шокирует большинство западных людей, потому что он противоречит всем их предубеждениям. Но они, оставив в стороне всякий вопрос о превосходстве, могут, по крайней мере, предположить, что вещи, которым они придают самое большое значение, не обязательно всех людей интересуют в той же мере, и что некоторые даже могут их считать совершенно ничтожными и что интеллект можно засвидетельствовать иначе, нежели конструируя машины. Это уже было бы кое-что, если бы европейцы дошли до такого понимания и вели бы себя соответственно; их отношения с

другими народами несколько изменились бы и весьма выгодным для всего мира образом.

Но это только самая внешняя сторона вопроса: если бы западные люди признали, что совсем не обязательно всем пренебрегать в других цивилизациях только на том основании, что они отличаются от их собственной, то больше ничего не помешало бы им изучать эти цивилизации как должно, мы хотим сказать: без предвзятой дискредитации и несправедливой враждебности; и тогда некоторые при этом изучении, возможно, сразу бы заметили все то, чего им самим не хватает, в особенности, с чисто интеллектуальной точки зрения. Естественно, мы полагаем, что для достижения хотя бы в некоторой степени истинного понимания духа различных цивилизаций требуется нечто другое, нежели работа простой эрудиции; разумеется, не все способны к такому пониманию, но если найдутся хотя бы и некоторые (а это возможно, несмотря ни на что), то этого может быть достаточно, чтобы рано или поздно привести к неоценимым результатам. Мы уже отмечали ту роль, которую могла бы сыграть интеллектуальная элита, если ей удастся конституироваться в западном мире, где она бы действовала наподобие «фермента», чтобы подготовить и направлять в наиболее благоприятную сторону умственную трансформацию, которая неизбежно произойдет, хотят того или нет. Впрочем, некоторые начинают смутно чувствовать, что все не может продолжать идти в том же направлении, и начинают даже говорить о возможной «несостоятельности» западной цивилизации, чего всего несколько лет назад никто не осмеливался делать; но истинные причины, вызывающие эту несостоятельность, как представляется, от большинства все еще в значительной мере ускользают. Поскольку это как раз те же самые причины, которые одновременно и мешают всякому согласию между Востоком и Западом, то из их понимания можно извлечь двойную выгоду: работать над подготовкой этого согласия, а также постараться отвратить катастрофы, угрожающие Западу по его же собственной вине; эти две цели связаны гораздо теснее, чем можно было бы полагать. Следовательно, не было бы

напрасной и чисто негативной критикой объявить о западных ошибках и иллюзиях, как мы это и предлагаем сделать в первую очередь, для этого есть очень глубокие причины; к тому же, мы не вкладываем в это никакого «сатирического» умысла, слишком мало согласующегося с нашим характером; если кто-нибудь допускает что-то в этом роде, то он сильно ошибается.

Со своей стороны, мы бы предпочли вовсе не заниматься этой неблагодарной работой и ограничиться экспозицией определенных истин и никогда не обращать внимания на ошибочные интерпретации, которые только усложняют и запутывают вопросы без всякой надобности; но мы вынуждены учитывать эти обстоятельства, поскольку, если мы не начнем расчистку территории, все, что мы сможем сказать, рискует остаться непонятым. К тому же, даже там, где кажется, что мы только удаляем заблуждения или отвечаем на возражения, мы, тем не менее, можем при случае показать то, что имеет по-настоящему позитивное значение; например, показать, почему некоторые попытки сближения Востока и Запада потерпели неудачу, не позволит ли это, по контрасту, предвидеть те условия, при которых подобное предприятие могло бы быть успешным? Мы надеемся также, что наши намерения не поймут неправильно; и если мы не стремимся замаскировать трудности и препятствия, если мы, напротив, на них останавливаемся, то потому, что их надо прежде всего знать, чтобы сгладить их или преодолеть. Мы не можем задерживаться на рассмотрении чего-то слишком второстепенного, спрашивать о том, что нравится или не нравится каждому; рассматриваемые нами вопросы крайне серьезны, даже если ограничиваться тем, что мы можем назвать внешними аспектами, т. е. тем, что не касается чисто интеллектуального порядка.

На самом деле, мы не собираемся здесь предпринимать ученое изложение, и то, что мы скажем, вообще будет доступно большему числу людей, чем та точка зрения, которую мы представили в нашем «Общем введении в изучение индуистских доктрин». Эта работа написана вовсе не для нескольких «специалистов»; и если ее

заглавие вводит в этом отношении в заблуждение, то потому что эти вопросы обычно являются достоянием эрудитов, которые изучают их, на наш взгляд, несколько отталкивающим и неинтересным образом. Наша установка совершенно иная: для нас речь идет, по существу, не об эрудиции, но о понимании, что совершенно отлично от этого; наибольшие шансы встретить возможность глубокого и широкого понимания имеются не среди «специалистов», отнюдь нет; и за редким исключением, не на них надо рассчитывать, чтобы сформировать ту интеллектуальную элиту, о которой мы говорили. Возможно, кто-то нашел предосудительным, что мы нападаем на эрудицию или, скорее, на опасность от злоупотребления ею, хотя мы тщательно воздерживаемся от всего того, что могло бы иметь полемический характер; одна из причин, по которой мы делаем это, состоит в том, что именно эта эрудиция с ее специальными методами отвращает от определенных вещей как раз тех, кто в наибольшей степени был бы способен их понять. Многие люди, видя, что речь идет об индуистских доктринах и тотчас же вспоминая о работах некоторых ориенталистов, говорят себе: «это не для нас»; однако, думая так, они очень ошибаются, и возможно, что им не потребовалось бы много усилий, чтобы обрести знания, которых самим этим ориенталистам не хватает и всегда будет не хватать; эрудиция это одно, а реальное знание это другое, и если они не всегда несовместимы, то они совсем не обязательно солидарны. Конечно, если бы эрудиция соглашалась держаться вспомогательного ранга, нормально ей соответствующего, нам нечего бы было возразить, потому что она тем самым перестала бы быть опасной и могла бы даже приносить некоторую пользу; в этих пределах мы охотно признаем ее относительную ценность. Есть случаи, когда «исторический метод» законен, но ошибка, против которой мы восстаем, состоит в том, что его считают применимым ко всему и желают извлечь из него что-то другое, чем то, что он действительно может дать. Полагаем, что в другом месте[1] и при этом без малейшего насилия над собой, мы показали, что способны, когда

надо, применять этот метод, как и любой другой, и этого должно быть достаточно, чтобы показать непредвзятость нашей точки зрения. Каждый вопрос следует трактовать согласно методу, соответствующему его природе; Запад же нам обычно показывает именно характерный феномен смешения различных порядков и различных областей. Вообще, надо уметь находить для каждой вещи ее место, ничего другого мы не утверждаем; поступая так, поневоле замечаешь, что есть вещи, которые могут быть лишь вторичными и подчиненными по отношению к другим, вопреки «эгалитарной» мании некоторых из наших современников; именно поэтому эрудиция, даже там, где она значима, всегда будет представлять для нас только средство и никогда цель саму по себе.

Эти некоторые объяснения показались нам необходимыми по многим причинам: прежде всего, мы пытались сказать то, что думаем, насколько можно более четко, и навсегда покончить со всяким непониманием, если оно возникает, несмотря на наши предосторожности, что почти неизбежно. Признавая, в основном, ясность нашего изложения, нам, все же, иногда приписывали намерения, которых у нас никогда не было; у нас будет здесь случай рассеять некоторые двусмысленности и уточнить некоторые пункты, ранее, возможно, недостаточно разъясненные. С другой стороны, разнообразие сюжетов, которые мы разбираем в наших исследованиях, вовсе не мешает единству концепции, господствующему в них, и мы даже специально стремимся подтвердить это единство, которое могло бы остаться незамеченным теми, кто рассматривает все слишком поверхностно. Эти исследования так тесно связаны между собой, что по многим пунктам, которые мы здесь будем рассматривать, мы будем вынуждены ссылаться (для уточнения) на дополнительные указания, находящиеся в других наших работах; но мы это делаем только там, где это нам показалось совершенно необходимым, в остальных случаях мы удовольствуемся общим замечанием, чтобы не надоедать читателю слишком многочисленными ссылками. В этом же ряду мы еще должны отметить, что если кое-где мы не придаем выражению

нашей мысли собственно теоретического облика, то это не значит, что мы постоянно не вдохновляемся теориями, истинность которых мы поняли: именно изучение восточных учений позволило нам увидеть ошибки Запада и ложность большинства идей, имеющих хождение в современном мире; именно там и только там мы нашли то, чему Запад не предложил нам ни малейшего эквивалента, что нами уже отмечалось.

В этой, как и в других работах, у нас нет никаких претензий исчерпать все вопросы, которые мы собираемся рассматривать; как нам кажется, нас нельзя упрекнуть, что мы не все включили в одну книгу, что было бы, впрочем, совершенно невозможно. Может быть, мы сможем вновь обратиться к тому, что здесь только обозначено, и более полно объяснить это в другом месте, если позволят обстоятельства; это может внушить кому-нибудь мысли, очень выгодным для них образом восполняющие те размышления, которые мы сами не могли предоставить. Некоторые вещи интересно отмечать по ходу дела даже тогда, когда о них не распространяются, и мы не думаем, что лучше обходить их молчанием; но зная умственный склад некоторых людей, мы считаем себя обязанными предупредить, что в этом не следует видеть ничего экстраординарного. Мы слишком хорошо знаем то, чего стоят так называемые «тайны», которыми так часто злоупотребляют в наше время и которые таковы только потому, что те, кто о них говорит, сами ничего в них не понимают; истинные тайны невыразимы по самой своей природе. Мы не хотим, однако, этим сказать, что всякую истину в равной мере всегда надлежит высказывать и что нет таких случаев, когда настоятельно необходимы некоторые оговорки по причине уместности или из-за вещей, которые публично представлять было бы скорее опасно, чем полезно; но это встречается только в определенных планах познания, в общем, достаточно ограниченных, и кроме того, если нам придется иногда упоминать вещи такого рода[2], мы не преминем категорически заявить то, что есть, не вводя никогда никаких химерических

запретов, выдвигаемых писателями некоторых школ по любому случаю либо для того, чтобы провоцировать любопытство читателей, либо просто для того, чтобы скрыть свои личные затруднения. Нам совершенно чужды такие уловки, равно как и чисто писательские вымыслы; мы предполагаем говорить только то, что есть, в той мере, в которой мы это знаем, и так, как мы это знаем. Мы не можем говорить все, что мы думаем, потому что это увело бы нас слишком далеко от нашей темы, а также потому что мысль всегда превосходит границы выражения, в которые стремятся ее заключить; но мы всегда говорим только то, что действительно думаем. Вот почему мы будем считать, что наши намерения искажаются, когда нам приписывают не то, что мы действительно говорим, или когда за сказанным хотят открыть неведомо какую скрытую и замаскированную мысль, к тому же, совершенно воображаемую. Напротив, мы будем всегда признательны тем, кто сообщит нам моменты, требующие, как им кажется, более полного разъяснения, и мы постараемся впоследствии удовлетворить их; но пусть они постараются подождать, когда у нас будет возможность это сделать, пусть они не спешат делать заключения на основании недостаточных данных и, в особенности, пусть воздержаться от создания какой-нибудь доктрины, ответственной за несовершенства и пробелы нашего изложения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЗАПАДНЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Глава I.
ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПРОГРЕСС

Западная цивилизация предстает в истории как настоящая аномалия: из всех более или менее нам известных, эта цивилизация является единственной, развивавшейся в чисто материальном направлении, и это чудовищное развитие, начало которого совпадает с тем, что принято называть Ренессансом, фатально сопровождалось, как это и должно было быть, соответствующей интеллектуальной регрессией; мы не говорим «эквивалентной», потому что речь здесь идет о двух порядках, между которыми нельзя усмотреть никакой общей меры. Эта регрессия дошла до такой степени, что сегодня западные люди уже не знают, что такое чистая интеллектуальность, они даже и не подозревают, что она может существовать; отсюда их презрение не только к восточным цивилизациям, но даже к европейским Средним векам, дух которых от них почти полностью ускользает. Как сделать понятным интерес к чисто спекулятивному познанию для людей, для которых интеллект есть только средство воздействия на материю и ее подчинения практическим целям, а что касается науки в том узком смысле, как они ее понимают, то она ценится в той мере, в какой она способна привести к промышленному применению? Мы ничего не преувеличиваем; стоит только посмотреть вокруг себя, чтобы понять, что таков склад ума огромного большинства наших современников; обзор философии, начиная с Бэкона и Декарта, может лишь подтвердить эти утверждения. Мы напомним только, что Декарт ограничил интеллект разумом, которому он приписал в качестве единственной роли, признаваемой им метафизической, служить основанием физики, а сама эта физика была по существу предназначена, согласно его мысли, подготовить учреждение прикладных наук, механики, медицины и морали, таков последний предел человеческого знания, признаваемый им; а разве утверждаемые им тенденции не

характерны для развития современного мира? Отрицать или игнорировать всякое чистое и сверхрациональное познание — не означает ли это открыть путь, который логически должен привести, с одной стороны, к позитивизму и агностицизму, которые принимают участие в самом узком ограничении интеллекта и его предмета, а с другой, ко всем сентименталистским и волюнтаристским теориям, которые стремятся найти в инфрарациональном то, что разум им дать не может. Действительно, тот, кто в наши дни намеревается выступать против рационализма не в меньшей степени принимает отождествление интеллекта в целом с одним только разумом и верит, что он есть только чисто практическая способность, не способная превзойти область материи; г-н Бергсон писал буквально вот что: «Интеллект, рассматриваемый в его изначальном проявлении, есть способность производить искусственные предметы, особенно, орудия для создания орудий (sic), и бесконечно разнообразить их изготовление»[3]. И еще: «Интеллект, когда он больше не действует на грубую материю, следует привычкам, усвоенным в этом действии; он продолжает применять формы неорганической материи. Он создан для работы такого рода. Только этот тип работы полностью его удовлетворяет. Именно это он выражает, говоря, что только он приводит к различению и ясности»[4]. В этих чертах без труда узнается, что не сам интеллект здесь имеется в виду, а только картезианская концепция интеллекта, что сильно отличается друг от друга; рядом с предрассудком разума, «новой философией», как называют ее сторонники, существует другой, еще более грубый, в определенном смысле, предрассудок жизни. Рационализм, не способный возвыситься до абсолютной истины, по крайней мере, оставлял существовать относительную истину; современный интуитивизм понижает эту истину до только лишь представлений чувственной жизни, со всем тем, что в ней есть неустойчивого и постоянно меняющегося; наконец, прагматизм заканчивает тем, что исключает само понятие истины, отождествляя ее с полезностью, что просто приводит к ее устранению. Хотя мы немного это

схематизируем, но ничего не искажаем, и каковы бы ни были промежуточные фазы, фундаментальные тенденции именно таковы, как мы только что сказали; прагматисты, дойдя до конца, оказываются самыми подлинными представителями западной современной мысли; что значит истина в мире, устремления которого, будучи исключительно материальными и чувственными, а не интеллектуальными, находят всяческое удовлетворение в производстве и морали, двух областях, где, действительно, прекрасно обходятся без познания истины? Без сомнения, до этой крайности дошли не фазу и многие европейцы возражают, что они совсем не таковы; но мы в первую очередь здесь имеем в виду американцев, находящихся на более «продвинутой» стадии той же самой цивилизации, если можно так сказать: умственно, так же как и географически, современная Америка поистине есть «Дальний Запад»; и Европа, несомненно, последует развертыванию последствий, заключающихся в современном состоянии вещей, если ничто не остановит этого.

Но самое необычное, может быть, это претензия сделать из этой ненормальной цивилизации образец любой Цивилизации, рассматривать ее как «цивилизацию» по преимуществу, считать, что только она заслуживает этого наименования. И как дополнение к этой иллюзии, вера в «прогресс», рассматриваемый не менее абсолютным образом и отождествляемый в самой своей сущности с материальным развитием, вбирает в себя любую деятельность современного Запада. Любопытно отметить, как быстро достигают распространения и признания некоторые идеи, если они, конечно, отвечают общим тенденциям определенной среды и определенной эпохи; так происходит с идеями «цивилизации» и «прогресса», которые столь многие охотно считают универсальными и необходимыми, тогда как они, на самом деле, суть совсем недавнее изобретение, которое еще и сегодня три четверти человечества постоянно игнорируют или не придают им значения. Г-н Жак Бэнвиль отметил, что «если слово *цивилизовать* с тем значением, которое мы ему придаем сегодня, встречается уже у многих авторов

XVIII века, то слово *цивилизация* встречается только у экономистов непосредственно предшествующей этому эпохи Революции. Литтре цитирует пример, взятый у Тюрго. Литтре, который просмотрел всю нашу литературу, не смог подняться в прошлое дальше. Таким образом, слово цивилизация существует не более полутора века. В конце концов, оно вошло в Академический словарь только в 1835 г., менее ста лет тому назад… В античности, которой мы все еще живем, также не было термина для передачи того, что мы понимает под цивилизацией. Если это слово дали бы для перевода на латинский язык, то юный ученик оказался бы в замешательстве… Жизнь слов не является независимой от жизни идей. Слово цивилизация, без которого наши предки прекрасно обходились, может быть, потому, что они имели нечто большее, распространилось в XIX веке под влиянием новых идей. Научные открытия, развитие промышленности, торговли, благосостояния и достатка создали нечто вроде энтузиазма и даже профетизма. Концепция бесконечного прогресса, появившаяся во второй половине XVIII века, способствовала убеждению человеческого рода в том, что он вошел в новую эру, эру абсолютной цивилизации. Сегодня совсем забытому, продуктивному утописту Фурье, мы обязаны наименованием современного периода цивилизации и отождествлению цивилизации с новым веком… Цивилизация, следовательно, это степень развития и совершенствования, которую достигли европейские народы к XIX веку. Этот термин, всеми принятый, хотя никем лично не определенный, охватывал одновременно и материальный и моральный прогресс, соотносимые и связанные друг с другом, неотделимые один от другого. Цивилизация, будучи, в конечном счете, европейской, была патентом, выданным европейским миром самому себе»[5]. Мы сами думаем точно также; мы намеренно привели эту цитату, хотя она и несколько длинна, чтобы показать, что не одни мы так думаем.

Таким образом, обе идеи, «цивилизации» и «прогресса», так тесно связанные между собой, датируются лишь второй половиной

XVIII века, т. е. эпохой, которая, кроме всего прочего, увидела также и рождение материализма[6]; они распространялись и популяризировались в особенности социалистами утопистами в начале XIX века. Надо признать, что история идей позволяет иногда делать довольно поразительные выводы и показать истинную цену некоторых фантазий; и особенно она это позволяет тогда, когда она делается и изучается как должно, не фальсифицируется тенденциозными интерпретациями, как обычная история, и не ограничивается эрудицией и исследованиями разных малозначительных деталей. Подлинна история может быть опасной для определенных политический интересов; мы вправе спросить, не по этой ли причине здесь официально навязываются определенные методы, при исключении всех других: сознательно или нет но априори отвергают все то, что позволяет многое ясно увидеть. Так формируется «общественное мнение». Но вернемся к двум идеям, о которых мы только что говорили, и уточним, что, указывая их ближайший исток, мы имели в виду только то абсолютное и иллюзорное значение, по нашему мнению, которое им чаще всего придают сегодня. Что же касается относительного смысла, тоже присущего этим словам, то это другое дело, а так как этот смысл совершенно законен, то можно сказать, что речь здесь идет об идеях, которые родились в определенный момент; не важно, каким образом они были выражены, если термин удобен, то причину несоответствий в его употреблении не обязательно видеть в недавнем его создании. Сами же мы утверждаем, что существуют многие и различные «цивилизации»; довольно трудно точно определить этот сложный ансамбль элементов разных порядков, образующий то, что называют цивилизацией, но тем не менее, каждый хорошо знает, что под этим следует понимать. Мы даже не думаем, что надо пытаться заключить в одну жесткую формулу общие черты всякой цивилизации или особые черты какой-то определенной цивилизации; это несколько искусственный подход, и мы очень остерегаемся этих узких рамок, которые нравятся систематическому

уму. Так же, как существуют «цивилизации», также в ходе развертывания каждой из них или в ходе некоторых более или менее ограниченных периодов этого развертывания ее «прогрессы», относящиеся не ко всему без разбора, той или другой определенной области; в целом, говорить, что цивилизация развивается в определенном направлении, есть только некий способ выражения; но раз есть «прогрессы», а также есть и «регрессы», и иногда оба они происходят одновременно в разных областях. Мы настаиваем, таким образом, что все это крайне относительно; если хотят понимать эти слова в абсолютном смысле, то они вовсе не соответствуют никакой реальности; в этом случае они представляют те новые идеи, которые в ходу едва лишь последние полтора века и только на Западе. Конечно, «Прогресс» и «Цивилизация» с большой буквы — это может произвести замечательный эффект в некоторых фразах, столь же пустых, сколь и напыщенных, весьма пригодных для того, чтобы произвести впечатление на толпу, для которой слово служит не столько для выражения мысли, сколько возмещает ее отсутствие; в этом качестве оно играет самую важную роль в арсенале формул, используемых современными «правителями» для того, чтобы исполнить особую работу коллективного внушения, без которого специфически современная ментальность долго существовать не может. В этом отношении мы не думаем, что когда-нибудь достаточно ясно отмечалась поразительная аналогия, представляющая собой воздействие оратора и гипнотизера (а его воздействие того же порядка, что и укротителя); по ходу дела, мы привлекаем внимание психологов к этому предмету исследования. Несомненно, власть слов уже проявлялась в другие времена, как и в наше; но чему нет похожих примеров, так это гигантской коллективной галлюцинации, которая привела часть человечества к тому, что самые пустые химеры стали приниматься бесспорную реальность; среди самых опасных, может быть, из всех идолов современного духа и те, против которых мы сейчас выступаем.

Нам надо еще раз вернуться к генезису идеи прогресса, скажем, бесконечного прогресса, чтобы поставить вне обсуждения те

специальные и ограниченные прогрессы, существование которых мы вовсе не собираемся оспаривать. У Паскаля можно найти первые следы этой идеи, примененной, впрочем, только к одной точке зрения: известен пассаж[7], где он сравнивает человечество с «одним и тем же человеком, который все время продолжает существовать и который постоянно продолжает учиться в течение веков» и где он демонстрирует антитрадиционный дух, который является одной их характерных особенностей современного Запада, заявляя, что «те, кого мы называем древними, являются, поистине, новичками во всем» и таким образом их мнения имеют очень малый вес; по крайней мере, в этом отношении у Паскаля был предшественник, потому что Бэкон уже говорил то же самое: Antiquitas sculi, juventus mundi (Древние века, молодость мира). Легко увидеть неосознанный софизм, на котором основывается такая концепция: этот софизм состоит в предположении, что человечество в целом следует непрерывному и однолинейному развитию; это в высшей степени «упрощенческий» взгляд, находящийся в противоречии со всеми известными фактами. В действительности, в любую эпоху история нам показывает независимые друг от друга, часто даже расходящиеся цивилизации, некоторые из которых рождаются и развиваются, в то время как другие впадают в декаданс и умирают, или же внезапно уничтожаются в каком-нибудь катаклизме; новые цивилизации совсем не всегда наследуют древним. Кто, например, осмелится серьезно утверждать, что современный западный человек воспользовался, пусть не прямо, большей частью знания, аккумулированного халдеями или египтянами? В конце концов, нет надобности подниматься так далеко в прошлое, поскольку есть науки, которые культивировались в Средние века в Европе и о которых в наши дни нет ни малейшего представления. Если хотят сохранить представление о «коллективном человеке», рассматриваемом Паскалем (которого он называл очень неподходящим образом «универсальным человеком»), то надо было бы сказать, что есть периоды, когда он узнает, а есть периоды, когда

он забывает, или даже лучше, когда он что-то узнает, то он забывает что-то другое; но реальность еще более сложна, потому что всегда были и есть существующие одновременно цивилизации, которые взаимно не проникают друг в друга и игнорируют друг друга: такова и сегодня, как никогда, ситуация западной цивилизации по сравнению с цивилизациями восточными. Источник иллюзии, выраженной Паскалем, попросту говоря, таков: западные люди, начиная с Возрождения, привыкли считать себя наследниками и продолжателями исключительно греко-романской античности и не признают или систематически игнорируют все остальное; мы это называем «классическим предрассудком». Человечество, о котором говорил Паскаль, начинается с греков, продолжается с римлянами; затем, в его существовании есть перерыв, соответствующий Средним векам, в котором он мог видеть, как и все в XVII веке, только период сна; наконец, наступило Возрождение, т. е. пробуждение этого человечества, состоящего, начиная с этого момента, из ансамбля европейских народов. Такова странная ошибка, свидетельствующая о крайне ограниченном умственном горизонте и состоящая в том, что часть принимают за целое; можно было бы показать ее влияние во многих областях: психологи, например, обычно ограничивают свои наблюдения только одним человеческим типом, а именно, современным западным, и необоснованно расширяют применение полученных таким образом результатов, стараясь вывести из них характеристики человека вообще, безо всякого исключения.

Важно отметить, что Паскаль рассматривал пока еще только интеллектуальный прогресс в тех границах, в которых он сам и его эпоха понимали интеллектуальность; а уже к концу XVIII века у Тюрго и Кондорсе появилась идея прогресса для всех сфер деятельности; и эта идея была тогда настолько далеко не общепринятой, что, например Вольтер постарался поднять ее на смех. Мы не можем и мечтать представить здесь полную историю всех модификаций этой идеи, пережившей XIX век, и тех псевдонаучных сложностей, в нее привнесенных, когда под именем «эволюции» ее стали применять не только к человечеству, но ко всем

живым существам вообще. Эволюционизм, несмотря на множество более или менее значительных разногласий, стал настоящей официальной догмой: его изучают как закон, запрещенный для обсуждения, хотя в реальности он есть не более, чем самая необоснованная и произвольная из всех гипотез; тем более это относится к концепции человеческого прогресса, которая оказывается здесь простым частным случаем. Но прежде, чем так получилось, произошло много превратностей, и даже среди самих сторонников прогресса имеются такие, которые не могли не высказать достаточно серьезные ограничения: Огюст Конт, который начал как ученик Сен-Симона, допускал бесконечный прогресс по длительности, но не по распространению; для него шествие человечества должно представлять собою кривую, имеющую асимптоту, к которой она бесконечно приближается, но никогда не достигает ее, таким образом, амплитуда возможного прогресса, т. е. дистанция между современным и идеальным состояниями, представленная этой кривой по отношению к асимптоте, непрестанно убывает. Нет ничего легче, чем оказать смешения, лежащие в основании фантастической теории, которой Конт дал имя «закона трех стадий» и главное в которой состоит в предположении, что единственной целью всякого возможного познания является объяснение естественных феноменов; как Бэкон и Паскаль, он сравнивал древних с детьми, тогда как другие, в более близкую нам эпоху, думают, что они поступают лучше, сравнивая их с дикими животными, называя их «примитивными», мы же их рассматриваем, напротив, как выродившихся[8]. С другой стороны, некоторые, не найдя ничего лучше констатации вершин и провалов в том, что им известно из истории человечества, дошли до разговоров о «ритме прогресса»; может быть было бы проще и логичнее при таких обстоятельствах больше вообще не говорить о прогрессе, но поскольку любой ценой желают сохранить современную догму, то предполагают, что «прогресс» все же существует как конечный результат всех частных прогрессов и регрессов. Эти ограничения и

разногласия должны навести на размышления, но они, кажется, остаются незамеченными; различные школы не могут между собой договориться, но соглашаются в том, что следует принять прогресс и эволюцию, без чего, вероятно, не будет предоставляться право на качество «цивилизованности».

Следует отметить еще и другое: если спросить, каковы направления так называемого прогресса, о которых сегодня чаще всего идет речь и к которым все другие, как представляется, сводятся, по мысли наших современников, то можно заметить, что их всего два, «материальный прогресс» и «моральный прогресс»; только их г-н Жак Бенвиль упоминал как составляющие общераспространенной идеи «цивилизации», и с достаточным основанием, как мы думаем. Конечно, некоторые еще говорят об «интеллектуальном прогрессе», но это выражение для них, по существу, синоним «научного прогресса» и применятся оно прежде всего к экспериментальным наукам и их приложениям. Здесь, следовательно, видна та деградация интеллекта, которая привела к отождествлению его с самым ничтожным и самым узким из всех его применений, т. е. воздействию на материю с целью одной только практической пользы; так называемый «интеллектуальный прогресс», в конечном счете, есть не более чем сам «материальный прогресс», а если интеллект есть только это, то надо согласиться с определением, которое ему дал г-н Бергсон. По правде говоря, большинство современных западных людей не понимают, что интеллект есть нечто другое; он сводится для них даже не к разуму в картезианском смысле, а к самой ничтожной части этого разума, к его самым элементарным операциям, к тому, что всегда находится в тесной связи с чувственным миром, из которого они делают единственное и исключительное поле его деятельности. Для тех, кто знает, что есть нечто другое, что продолжает придавать словам их истинное значение, это вовсе не «интеллектуальный прогресс», о котором могла бы идти речь в наше время, но как раз напротив, упадок или даже лучше сказать, интеллектуальный закат; и поскольку есть поистине несовместимые пути развития, то такова именно расплата

за «материальный прогресс», единственный, существование которого в ходе последних веков является реальным фактом: если угодно, научный прогресс, но в крайне узком значении, и прогресс промышленный, в еще большей степени, чем прогресс научный. Материальное развитие и чистая интеллектуальность поистине взаимно противоположны; кто углубляется в одном, неизбежно удаляется от другого; впрочем, довольно ясно, что мы здесь говорим об интеллектуальности, а не о рациональности, так как область разума является, в некотором роде, только посредником между областью чувств и областью высшего интеллекта: если разум и получает отблеск последнего, даже когда он его отрицает и считает себя высшей способностью человеческого существа, то вырабатываемые им понятия всегда извлекает из чувственных данных. Мы хотим сказать, что общее, т. е. собственный предмет ума и, следовательно, предмет науки, которая есть его произведение, если и не принадлежит само чувственному порядку, происходит тем не менее от индивидуально воспринимаемого чувствами; можно сказать, что он вне чувственного, но и не выше его; трансцендентно только универсальное, т. е. предмет чистого интеллекта, перед взглядом которого само общее просто составляет часть индивидуального. В этом фундаментальное отличие метафизического от научного познания, что мы в более полном виде представили в другом месте[9]; и если мы здесь его упоминаем, то потому что полное отсутствие первого и беспорядочное распространение второго представляют собою самые поразительные черты западной цивилизации в ее современном состоянии.

Что касается концепции «морального прогресса», то она представляет другой господствующий элемент современной ментальности, мы имеем в виду сентиментальность; присутствие этого элемента совершенно не вынуждает нас изменить свое суждение о том, что западная цивилизация является полностью материальной. Мы хорошо знаем, что некоторые хотят противопоставить область чувств области материи, сделать из

развития одной как бы противовес нашествию другой и принять в качестве идеала постоянное, насколько возможно, равновесие между двумя этими взаимодополняющими элементами. Такова, по сути, мысль интуитивистов, которые, ассоциируя нерасторжимо интеллект с материей, стремятся его преодолеть с помощью инстинкта, довольно плохо определенно; и еще больше это относится к прагматистам, для которых понятие пользы, предназначенное заменить понятие истины, предстает одновременно и в материальном и в моральном аспектах; и здесь мы также видим, до какой степени прагматизм выражает специфические тенденции современного мира и, в особенности, англосаксонского мира, представляющего собой его типичную часть. Фактически, материальность и сентиментальность отнюдь не противостоят друг другу, они не могут даже друг без друга обходиться и оба совместно достигают своего самого крайнего развития; мы имеем доказательство этому в Америке, где, как мы имели случай отмечать в нашем исследовании о теософии и спиритизме, рождаются и с невероятной легкостью распространяются самые худшие «псевдо-мистические» экстравагантности, одновременно с тем, как индустриализм и страсть к «делам» дошли до степени, граничащей с безумием; когда все обстоит таким образом, то это уже не равновесие между двумя тенденциями, это уже два неравновесия, которые добавляются друг к другу и вместо того, чтобы компенсировать друг друга, взаимно друг друга отягощают. Причину этого явления легко заметить: там, где интеллектуальность сведена до минимума, совершенно естественно, что сентиментальность берет верх; впрочем, она и сама по себе очень близка к материальному порядку: нет ничего в области психологии, что в большей степени зависело бы от организма, и вопреки г-ну Бергсону, чувство, а не интеллект представляется нам больше связанным с материей. Мы хорошо понимаем, что на это могут ответить интуитивисты: интеллект, как они его понимают, связан с неорганической материей (именно картезианский механизм и его производные имеются ими в виду); чувство же связано с живой материей, которая, как им

представляется, занимает более высокую ступень на лестнице существования. Но, неорганическая или живая, это всегда материя, и речь при этом всегда идет о чувственных вещах; решительно невозможно для современной ментальности и философии ее представляющей, освободиться от этого ограничения. Строго говоря, если учесть, что есть двойственность тенденций, то надо связать одну с материей, а другую с жизнью, и это различение действительно может послужить для классификации главных суеверий нашей эпохи достаточно удовлетворительным образом; но, повторяем, все это одного и того же порядка и не может в действительности разъединяться; эти вещи расположены на одном и том же уровне, а не сопоставлены иерархически. Таким образом, «морализм» наших современников есть только необходимое дополнение их практического материализма[10]; было бы полной иллюзией выставлять одну тенденцию в ущерб другой, потому что, будучи необходимо солидарными друг с другом, они развиваются одновременно и в том же самом направлении, которое принято называть «цивилизацией».

Мы только что увидели, почему концепции «материального прогресса» и «морального прогресса» неразделимы и почему вторая почти так же постоянно, как и первая, удерживает столь значительное место в занятиях наших современников. Мы оспариваем вовсе не существование «материального прогресса», а только его важность: мы утверждаем, что он не стоит того, чтобы ради него терпеть убыток с интеллектуальной стороны, и придерживаться другого мнения значит полностью игнорировать подлинную интеллектуальность; но что же надо думать о реальности «морального прогресса»? Об этом вопросе нельзя дискутировать серьезно, потому что в этой сентиментальной области все является делом индивидуальных оценок и предпочтений; каждый будет называть «прогрессом» то, что согласуется с его собственными склонностями, и в результате, нет оснований предпочитать один другому. Только те могут быть довольны настоящим положением

дел, чьи стремления находятся в гармонии с тенденциями их времени, и они по своему это выражают, говоря, что их эпоха представляет собою прогресс по сравнению с предшествующей; но часто это удовлетворение своих сентиментальных устремлений является весьма относительным, потому что события разворачиваются не всегда в согласии с их желаниями, вот почему они предполагают, что прогресс будет продолжаться в течение будущих эпох. Иногда факты приносят опровержение тем, кто убежден в современной реальности «морального прогресса», следуя наиболее распространенным концепциям по этому поводу; но они отделываются тем, что немножко меняют свои идеи об этом или относят реализацию своего идеала в более или менее отдаленное будущее; но и они могли бы выйти из затруднения, говоря о «ритме прогресса». Впрочем, что еще проще, они обычно стараются забыть об уроках опыта; таковы неисправимые мечтатели, которые при каждой новой войне не преминут пророчествовать, что эта война будет последней. По сути, вера в бесконечный прогресс есть самая наивная и самая грубая из всех форм «оптимизма»; каковы бы ни были ее модальности, она всегда по своей сущности сентиментальна, даже когда речь идет о «материальном прогрессе». Когда нам возражают, что мы сами признаем его существование, то мы отвечаем, что мы его признаем только в тех границах, в которых о нем свидетельствуют факты, и что мы ни в коем случае не соглашаемся с тем, что он должен или может бесконечно продолжаться; к тому же, поскольку он нам не кажется чем-то наилучшим в мире, вместо того, чтобы называть его прогрессом, мы предпочли бы называть его просто развитием; слово «прогресс» неудобно не само по себе, а из-за идеи «ценности», которую ему почти неизбежно приписывают, Это замечание вызывает другое: все же некая реальность, скрывается за мнимым «моральным прогрессом» или, если угодно, поддерживает его иллюзию; эта реальность есть развитие сентиментальности, которая, оставляя всякие вопросы об оценке, действительно существует в современном мире, так же неоспоримо, как развитие промышленности и торговли

(мы уже говорили, почему они друг без друга не обходятся). Это развитие, чрезмерное и ненормальное, по нашему мнению, не преминет показаться прогрессом тем, кто ставит сентиментальность превыше всего; возможно, скажут, что говоря о простых предпочтениях, как мы только что делали, мы заранее лишаем права их опровергнуть. Но ничего подобного: то, что мы говорили, относится к чувству и только к чувству в его вариациях от одного индивида к другому; если же речь идет о том, чтобы найти чувству, рассматриваемому вообще, его истинное место по отношению к интеллекту, то дело обстоит совершенно иначе, потому что здесь есть обязательная для соблюдения иерархия. Современный мир, собственно, перевернул естественные отношения различных порядков; еще раз повторим, сокращение интеллектуального порядка (и даже отсутствие чистой интеллектуальности), преувеличение материального и сентиментального порядков, все это остается и все это создает из современной западной цивилизации аномалию, чтобы не сказать, чудовищность.

Вот так все выглядит, когда не имеют предубеждений; и именно так все видят самые авторитетные представители восточных цивилизаций, которые не привносят никакого предвзятого мнения, так как предвзятое мнение есть всегда нечто сентиментальное, а не интеллектуальное, а их точка зрения является чисто интеллектуальной. Если же западные люди с некоторым трудом понимают это отношение, то потому что они неисправимо склонны судить других по тому, что они есть сами и приписывать им свои собственные интересы, так же как и приписывать свой образ мысли и вовсе даже не отдавать себе отчет в том, что могут существовать другие интересы и другой образ мысли, настолько узок их собственный умственный горизонт; отсюда следует их полное непонимание всех восточных концепций. Обратное не верно: восточные люди, когда представляется случай и когда они посчитают нужным, почти не испытывают затруднений для того, чтобы вникнуть и понять специальные познания Запада, так как они привыкли к крайне обширным и глубоким умозрениям, а ведь кто

может больше, может и меньше; но вообще, они не стремятся предаваться работе, способной подвергнуть их опасности потерять из виду или пренебречь тем, что для них существенно, ради того, что они полагают незначительным. Западная наука представляет собою анализ и рассеяние; восточное познание есть синтез и концентрация; у нас еще будет случай к этому вернуться. Как бы то ни было, то, что на Западе называют цивилизацией, другие предпочитают называть, скорее, варварством, потому что здесь как раз отсутствует существенное, т. е. принцип высшего порядка; по какому же праву западные люди хотят навязать всем свои собственные оценки? Впрочем, не следует забывать, что они представляют собою лишь меньшинство во всем ансамбле земного человечества; конечно, это замечание о числе ничего, в наших глазах, не доказывает, но оно должно произвести некоторое впечатление на людей, которые изобрели «всеобщее избирательное право» и верят в его достоинство. И здесь тоже они заняты только тем, что находят удовольствие в утверждении воображаемого превосходства, которое они себе приписывают, но эта иллюзия обманывает только их самих; однако, самое ужасное, это их страсть к прозелитизму: за «морализирующими» предлогами у них скрывается дух завоевательства, именем «свободы» они хотят принудить весь мир им подражать! Самое удивительное, что в своем самодовольстве они искренне воображают, что обладают «престижем» у всех народов; а поскольку их опасаются, как опасаются грубой силы, то они думают, что их обожают; но будет ли человек, которому грозит опасность быть раздавленным снежной лавиной, уважать или восхищаться этим? Единственное впечатление, которое механические изобретения, например, производят на большую часть восточных людей, это впечатление глубокого отвращения; все это им кажется гораздо более тягостным, чем полезным, и если они оказываются вынужденными принять некоторые необходимые обстоятельства современной эпохи, то с надеждой когда-нибудь от них избавиться; это не интересует их и никогда не будет на самом деле их интересовать. То, что западные люди называют прогрессом, то для

восточных людей есть только изменение и нестабильность; потребность в изменении, столь характерная для современной эпохи, в их глазах есть отметка низшей ступени проявления: тот, кто постиг состояния равновесия, уже не испытывает этой потребности, так же как тот, кто обладает знанием, уже ничего больше не ищет. В этих условиях трудно, разумеется, договориться, потому что одни и те же факты дают место обеим сторонам для диаметрально противоположных интерпретаций; что было бы, если бы восточные люди тоже захотели, по примеру западных, навязать им свое видение мира? Но пусть успокоятся, нет ничего более противного их природе, чем пропаганда; такие заботы им совершенно чужды; без проповеди «свободы» они позволяют другим думать то, что они хотят; и даже то, что о них думают, им совершенно безразлично. Они просят, по сути, только чтобы их оставили в покое; но как раз это и отказываются им предоставить западные люди, которые пришли к ним домой, что не надо забывать, которые вели себя таким образом, что даже самые мирные люди вправе быть этим раздосадованы. Таким образом, мы здесь присутствуем, фактически, при ситуации, которая не может бесконечно длиться; есть только одно средство для западных людей стать приемлемыми: необходимо, если использовать обычный в колониальной политике язык, чтобы они отказались от «ассимиляции» и практиковали «ассоциацию», причем во всех областях; но уже одно это требует от них определенного изменения их ментальности и понимания хотя бы некоторыми из них той идеи, которую мы здесь представляем.

Глава II.
СУЕВЕРИЕ НАУКИ

Среди других притязаний, современная западная цивилизация считает себя также в высшей степени «научной»; хорошо было бы несколько уточнить это слово, чего обычно не делают, так как наши современники придают таким словам некую мистическую власть, независимо от их смысла. «Наука» с большой буквы, так же, как «Прогресс» и «Цивилизация», как «Право», «Справедливость», «Свобода», является одной из тех сущностей, для которых лучше не искать определения и которые рискуют утратить весь свой престиж, как только их начинают исследовать более тщательно. Все так называемые завоевания, которыми так гордится современный мир, сводится к громким словам, за ними вообще нет ничего или стоит очень мало: мы бы сказали, что это коллективное внушение, иллюзия и она не может быть спонтанной, чтобы ее разделяли столько индивидов и чтобы она сохранялась так, как она это делает; возможно, когда-нибудь мы постараемся осветить эту сторону вопроса. Но в настоящий момент речь идет, главным образом, не об этом; мы только утверждаем, что современный Запад верит в идеи, о которых мы только что сказали, если можно только это назвать идеями, и что это верование им подходит. На самом деле, это не идеи, потому что многие из тех, кто произносит эти слова с наибольшим убеждением, не мыслят при этом ничего определенного, что могло бы им соответствовать; по существу, в большинстве случаев это только выражение, можно даже сказать персонификация более или менее смутных сентиментальных устремлений. Это настоящие идолы, божества некой «светской религии», которая, несомненно, четко не определяется и которой не может быть, но тем не менее она обладает весьма реальным существованием: это не религия в собственном смысле слова, а то, что претендует заменить ее и больше заслуживает названия «контр-

религии». Первый исток такого состояния дел восходит к самому началу современной эпохи, когда антитрадиционный дух непосредственно проявился через провозглашение «свободного исследования», т. е. отсутствие в теоретическом плане всякого высшего, по отношению к индивидуальным мнениям, принципа. Из этого должна была фатально последовать интеллектуальная анархия: отсюда бесконечное множество религиозных и псевдорелигиозных сект, философских систем, нацеленных прежде всего на оригинальность, научных теорий, сколь эфемерных, столь и претенциозных; тем не менее, над невероятным хаосом господствует некое единство, поскольку ведь существует специфически современный дух, из которого все это происходит, но единство, в целом, совершенно негативное, потому что это есть, собственно говоря, отсутствие принципа, выражающееся безразличием по отношению к истине и заблуждению, которое получило название, начиная с XVIII века, «терпимости». Пусть нас правильно поймут: мы вовсе не собираемся порицать практическую терпимость, существующую по отношению к индивидам, а только теоретическую, выражающуюся в отношении к его идеям и в признании за ними всеми одних и те же прав, что логически должно вести к радикальному скептицизму; впрочем, мы не можем не констатировать, что, как и все пропагандисты, радетели терпимости, в действительности, очень часто самые нетерпимые люди. Здесь возникает особая ирония: те, кто хотел перевернуть все догмы, создали для себя, мы не хотим сказать новую догму, а скорее карикатуру на догму, которую им удалось навязать большей части западного мира; так, под предлогом «освобождения мышления», установились самые химерические верования, никогда раньше не встречавшиеся, в форме тех различных идолов, некоторые из которых мы только что назвали.

Из всех суеверий, повторяемых как раз теми, кто хвалится по любому поводу, что выступает против «суеверий», именно «наука» и «разум», кажутся, на первый взгляд, не основывающимися на сентиментальности; но нередко рационализм есть только

замаскированный сентиментализм, как это слишком хорошо подтверждает страсть, привносимая его сторонниками, ненависть, демонстрируемая ими по отношению ко всему тому, что противоречит их тенденциям или превосходит их понимание. Впрочем, в любом случае, раз рационализм соответствует сокращению интеллектуальности, то естественно, что его развитие будет идти в паре с развитием сентиментализма, как мы уже объяснили в предыдущей главе; тем не менее, каждая из этих двух тенденций может быть конкретно представлена определенными индивидами или течениями мысли, а по причине более или менее систематически несовместимых выражений, в которые им приходилось облекаться, между ними мог даже быть видимый конфликт, скрывающий от поверхностных наблюдателей их глубокую солидарность. Современный рационализм, в целом, начался с Декарта (несколько предшественников имелось и в XVI веке), его путь можно проследить через всю современную философию, равно как и в собственно научной области; современная реакция интуитивизма и прагматизма на этот рационализм показывает нам пример одного из этих конфликтов, и, тем не менее, мы видели, что г-н Бергсон полностью принимает картезианское определение интеллекта: вопрос ставится не о его природе, а только о его главенстве. В XVIII веке тоже был антагонизм между рационализмом энциклопедистов и сентиментализмом Руссо; они, однако, в равной степени послужили подготовке революционного движения, что показывает, как прекрасно эти тенденции включаются в негативное единство антитрадиционного духа. Если мы сближаем этот пример с предыдущим, то это не значит, что мы находим у Бергсона какую-нибудь политическую подоплеку; но мы не можем не напомнить об использовании этих идей в определенных синдикалистских кругах, особенно в Англии, но и в других кругах того же рода «сциентистский» дух в почете больше, чем когда-либо. Представляется, что одна из великих хитростей «правителей» современной ментальности состоит в том, чтобы одновременно или альтернативно способствовать одной или другой из двух упомянутых

тенденций, следуя обстоятельствам времени, устанавливая определенную дозировку между ними, с помощью уравновешивающей игры, которая соответствует, конечно, больше политическим, чем интеллектуальным занятиям; конечно, эта хитрость может быть не всегда произвольной и мы не сомневаемся в искренности какого-то конкретного ученого или философа, но они чаще всего являются мнимыми «правителями» и сами могут быть управляемыми, не замечая этого ни в малейшей степени. Более того, то, как они используют свои идеи, не всегда отвечает их собственным намерениям, и было бы ошибочно делать их непосредственно ответственными или упрекать их в том, что они не предвидели определенные более или менее далекие последствия; но достаточно того, чтобы эти идеи были согласованы с одной из этих тенденций, о которых мы говорили, для того чтобы их можно было использовать в только что указанном смысле; а поскольку Запад погружен в состояние интеллектуальной анархии, то все происходит так, как если бы речь шла о том, чтобы извлечь из самого беспорядка, и из того, что мечется в хаосе, все, что возможно для реализации строго определенного плана. Мы не хотим настаивать на этом сверх меры, но очень трудно не возвращаться к этому время от времени, так как мы не можем предположить, чтобы целая раса просто-напросто была бы поражена чем-то вроде безумия, длящегося в течение многих веков, должно ведь что-то придавать значение современной цивилизации, несмотря ни на что; мы не верим в случай и убеждены, что каждый, кто придерживается другого мнения, свободен отказаться от этого хода рассуждений.

Теперь же, разделив две главные тенденции современного состояния умов, чтобы лучше изучить их, и оставляя в данный момент в стороне сентиментализм, к которому мы вернемся позже, мы можем спросить следующее: что в точности значит «наука», к которой так привязаны на Западе? Один индус, крайне сжато резюмируя то, что думают все восточные люди, имевшие возможность с ней познакомиться, очень справедливо охарактеризовал ее в таких словах: «Западная наука есть незнающее

знание»[11]. Сближение двух этих терминов вовсе не является противоречием, вот что он хочет сказать: это, конечно, знание, обладающее, если угодно, некоторой реальностью, потому что оно значимо и эффективно в некоторой относительной области; но это знание непоправимо ограниченное, незнающее существенного, знание, которое лишено принципа, как и все то, что органически входит в состав современной западной цивилизации. Наука, как ее понимают наши современники, есть исключительно изучение феноменов чувственного мира, и это изучение предпринимается и проводится таким образом, что она не может быть связана, и мы на этом настаиваем, ни с каким принципом высшего порядка; решительно игнорируя все, что ее превосходит, она, действительно, становится полностью независимой в своей области, это правда, но эта независимость, которой она так гордиться, и есть само это ограничение. Более того, она доходит до отрицания того, чего она не знает, потому что это единственное средство не признаваться в этом незнании; или если она не осмеливается формально отрицать, что может существовать нечто, превосходящее ее власть, то она, по крайней мере, отрицает, что это может быть каким бы то ни было способом познано, а это приводит к тому же; она претендует охватить все возможное познание. С предубеждением, часто неосознанным, «сциентисты» воображают, как и Огюст Конт, что человеку никогда не предлагается другого предмета познания, кроме объяснения естественных явлений; мы говорим о неосознанном предубеждении, так как они, очевидно, не способны понять, что можно идти дальше, мы их упрекаем не за это, а только за претензию отказывать другим в обладании и использовании способностей, отсутствующих у них самих: скажем, слепые, которые отрицают если не существование света, то, по меньшей мере, существование чувства зрения на том только основании, что они его лишены. Утверждать, что есть не просто неизвестное, но даже «непознаваемое», следуя слову Спенсера, и делать из интеллектуального недуга границу, которую никому не позволено

пересекать, этого уже нигде никогда не встречалось; и тем более никогда не видели людей, которые из утверждения незнания делают программу и символ веры, открыто принимают ее как знак так называемого учения под именем «агностицизма». Но они, как легко заметить, не являются и не хотят быть скептиками; если бы это было так, то в их позиции была бы определенная, оправдывающая ее логика; но они, напротив, являются самыми восторженными верующими в «науку», самыми горячими поклонниками «разума». Скажут, что достаточно странно создавать из него подлинный культ и ставить его надо всем и в то же время провозглашать, что он существенно ограничен; действительно, это несколько противоречиво, но мы констатируем это, не беря на себя труд объяснять; такая позиция указывает на склад ума, вовсе нам не свойственный, и не нам оправдывать противоречия, присущие «релятивизму» во всех его формах. Мы тоже говорим, что разум ограничен и относителен; но мы далеки от того, чтобы сказать это и об интеллекте, по отношению к которому мы рассматриваем разум как один из его низших разделов, в интеллекте же мы видим другие возможности, неизмеримо превосходящие возможности разума. В целом, современные люди или, по крайней мере, некоторые из них охотно соглашаются признать свое незнание, а рационалисты нашего времени делают это еще более охотно, чем их предшественники, но только при условии, что никто не имеет права знать то, чего сами они не знают; будет ли это ограничение того, что существует или же радикальное ограничение познания, это всегда является проявлением духа отрицания, столь характерного для современного мира. Этот дух отрицания есть не что иное, как систематический дух, так как система есть, по существу замкнутая концепция; некогда его отождествляли с духом самой философии, в особенности, начиная с Канта, который, желая заключить всякое познание в сфере относительного, осмелился специально заявить, что: «Философия есть не инструмент расширения познания, но дисциплина его ограничения»[12], это вынуждает сказать, что главная функция

философов состоит в навязывании всем узких границ своего собственного понимания. Вот почему современная философия заканчивает тем, что подменяет само познание «критикой» или «теорией познания»; и поэтому для многих ее представителей она желает быть не более, чем только «научной философией», т. е. простой координацией самых общих результатов науки, область которой признается единственной, доступной интеллекту. Философия и наука в этих условиях уже больше не должны различаться, и говоря по правде, с того времени, как существует рационализм, они могут иметь только один и тот же предмет, они представляют один и тот же порядок познания, они оживляются одним и тем же духом: тем, что мы называем не научным духом, а «сциентистским».

Мы должны немного остановиться на последнем различении: мы хотим отметить, что не видим ничего плохого самого по себе в развитии определенных наук, но находим чрезмерным приписываемое ему значение; это всего лишь весьма относительное знание, но все же знание, и вполне законно, чтобы каждый применял свою интеллектуальную активность к предметам, пропорциональным его собственным склонностям и имеющимся в распоряжении средствам. Мы отвергаем исключительность, мы можем даже сказать, сектантство тех, кто, опьяненные развитием, полученным этими науками, отказываются допустить существование чего-либо помимо них, и утверждают, что всякое умозрение, чтобы быть значимым, должно подчиняться специальным методам, которые сами эти науки применяют, как если бы эти методы, созданные для изучения определенных объектов, должны быть универсально применимыми; то, что они понимают на самом деле под универсальностью, является чем-то крайне ограниченным, что вовсе не превосходит область случайного. Но эти «сциентисты» очень удивились бы, если бы им сказали, даже не выходя за пределы их области, что есть множество вещей, которые никогда не могут быть достигнуты их методами и которые, тем не менее, могут быть предметом наук, совершенно отличных от известных им, но не менее

реальных, а часто и более интересных во всех отношениях. Представляется, что современные люди произвольно выбирают в области научного познания некоторое число разделов, в изучении которых они упорствуют, исключая все остальное и представляя дело так, как если бы остального и вовсе не существовало; совершенно естественно, а совсем не удивительно или странно, что культивируемым ими частным наукам они придают гораздо большее развитие, чем это могли бы сделать люди, не придающие им такой важности, которые даже почти совсем об этом не заботятся или, во всяком случае, занимаются совсем другими вещами, более серьезными для них. В особенности, мы имеем в виду здесь значительное развитие экспериментальных наук, область, в которой, очевидно, современный Запад отличается и в которой никто не думает оспаривать его превосходство, впрочем, мало завидное для восточных людей, поскольку оно должно быть куплено ценой забвения всего того, что кажется им на самом деле достойным интереса; тем не менее, мы не побоимся утверждать, что есть науки, даже экспериментальные, о которых современный Запад не имеет ни малейшего представления. Такие науки существуют на Востоке, и среди них те, которые мы называем «традиционными науками»; такие были и на самом Западе в Средние века и они имели сходные черты; некоторые из этих наук, давая повод и практическому, бесспорно эффективному применению, действуют методами исследования, совершенно чуждыми европейским ученым наших дней. Здесь не место продолжать эту тему далее; но по крайней мере, мы должны объяснить, почему мы говорим, что некоторые познания научного порядка имеют традиционную основу и в каком смысле мы ее понимаем; однако именно это вынуждает нас показать еще раз и более ясно, чем мы до сих пор это делали, то, что составляет недостаток западной науки.

Мы говорили, что одной из особых черт этой западной науки является претензия быть полностью независимой и автономной; и эта претензия может поддерживаться, если систематически игнорируют всякое познание высшего порядка по отношению к

научному познанию, или, более того, если его полностью отрицают. Над наукой в необходимой иерархии познания находится метафизика, которая является чисто интеллектуальным и трансцендентным познанием, тогда как наука, по самому своему определению, есть только рациональное познание; метафизика, по существу, сверх рациональна, необходимо, чтобы она была таковой, иначе ее вообще не существует. Однако рационализм состоит не просто в утверждении, что разум кое-что значит, оспаривать это могут только одни скептики, а в утверждении, что ничего нет над ним, следовательно, что невозможно никакое познание помимо научного; таким образом, рационализм с необходимостью предполагает отрицание метафизики. Почти все современные философы—рационалисты, более или менее явно, в более или менее ограниченном смысле; у тех же, кто таковыми не являются, встречается только сентиментализм и волюнтаризм, которые не менее антиметафизичны, поскольку если и предполагается что-нибудь помимо разума, то это ищут под ним, вместо того, чтобы искать над ним; истинный интеллектуализм настолько же далек от рационализма, как, может быть, и от современного интуитивизма, но в точности в противоположном направлении. В этих условиях, если современный философ намеревается заниматься метафизикой, то можно быть уверенным, что то, чему он дает такое название, не имеет абсолютно ничего общего с истинной метафизикой, и это действительно так; мы не можем дать этому иного имени, кроме «псевдо–метафизики», и если там и встречаются иногда ценные размышления, то они относятся просто к научному уровню. Следовательно, полное отсутствие метафизического познания, отрицание всякого другого познания, кроме научного, произвольное ограничение самого научного познания некоторыми частными областями при исключении других, таковы основные черты современного мышления в собственном смысле слова; вот до какой степени дошло на Западе интеллектуальное падение с того времени, когда он сошел с нормального для остального человечества пути.

Метафизика есть познание принципов универсального порядка,

от которого все зависит с необходимостью, прямо и непосредственно; итак, там, где метафизика отсутствует, всякому, продолжающему существовать познанию, в какой бы сфере оно ни осуществлялось, поистине, не хватает принципа, и если оно чего-то достигает в своей независимости (не по праву, а по факту), то гораздо больше оно теряет по глубине и значимости. Вот почему западная наука, можно так сказать, вся на поверхности; распыляясь в бесконечном множестве фрагментарных знаний, теряясь в бесчисленных деталях фактов, она ничего не узнает из истинной природы вещей, которую она объявляет недоступной, чтобы оправдать свое бессилие в этом отношении; поэтому ее заинтересованность гораздо более практического плана, чем умозрительного. Если иногда и делаются попытки унификации этого крайне аналитического знания, то они остаются чисто искусственными и всегда основываются на более или менее случайных гипотезах; поэтому они рушатся одна за другой, и представляется, что ни одна научная теория любого объема не способна длиться максимум более полувека. Наконец, западная идея, согласно которой синтез есть как бы результат и завершение анализа, является совершенно ошибочной; истина состоит в том, что анализ никогда не может дойти до синтеза, достойного этого имени, поскольку это вещи совсем не одного и того же порядка; в природе анализа продолжаться бесконечно, если область, в которой он осуществляется, подвержена такому расширению без всякого продвижения в приобретении общего видения всей этой области; и с еще большим основанием, он совершенно не эффективен для воссоединения с принципами высшего порядка. Аналитический характер современной науки претворяется в бесконечно растущее число «специальностей», об опасности чего даже Огюст Конт не мог не заявить; эта специализация, восхваляемая некоторыми социологами под именем «разделения труда», есть, наверняка, лучшее средство приобрести «интеллектуальную близорукость», которая, как представляется, составляет часть квалификации, требуемой от совершенного «сциентиста», и без которой сам

«сциентизм» не может состояться. Поэтому «специалисты», как только они покидают свою область, демонстрируют, в основном, невероятную наивность; нет ничего легче, чем внушить им что-либо, и по большей части, успех имеют самые несуразные теории, лишь бы их называли «научными»; самые произвольные гипотезы, как, например, гипотеза эволюции, принимают тогда вид «закона» и считаются доказанными; если этот успех оказывается лишь временным, то ее бросают, чтобы тут же найти что-то другое, что всегда принимается с той же легкостью. Ложные синтезы, в которых высшее стараются извлечь из низшего (странный перенос демократической концепции), могут быть всегда только гипотетическими; напротив, истинный синтез, исходящий из принципов, причастен также и их достоверности; но, разумеется, для этого надо исходить из истинных принципов, а не из простых философских гипотез, подобно Декарту. В целом, наука, не признавая принципы, отказываясь иметь к ним отношение, лишается самой высокой гарантии, которую она могла бы получить, и самого надежного направления, которое могло бы быть ей придано; ценным в ней остается только познание деталей, и как только она хочет подняться на одну ступень, то становится шаткой и сомнительной. Другое следствие того, что мы только что сказали об отношении анализа и синтеза, состоит в том, что развитие науки, как ее понимают современные люди, реально не расширяет свою область: сумма частичных знаний может бесконечно расти внутри этой области не через углубление, а через деление и подразделение, идущие все дальше и дальше; поистине, это наука материи и множества. Впрочем, даже тогда, когда есть реальное расширение, что может происходить в исключительных случаях, то это будет всегда на одном и том же уровне, и из-за этого такая наука будет не способна подняться выше; конституированная как она есть, она отделена от принципов пропастью, которую ей ничто не может не то, чтобы помочь преодолеть, но хотя бы в самой малой степени уменьшить.

Когда мы говорим, что даже экспериментальные науки имеют

на Востоке традиционную основу, то мы хотим сказать, что, в противоположность тому, что имеет место на Западе, они всегда связанны с определенными принципами; они никогда не теряются из виду, а сами по себе случайные вещи считаются достойными изучения только в качестве последствий и внешних проявлений чего-то, принадлежащего другому порядку. Конечно, метафизическое и научное познание не перестают от этого глубоко различаться; но между ними нет абсолютного разрыва, подобного отмечаемому в современном состоянии научного познания на Западе. Чтобы привести пример на самом же Западе, можно рассмотреть расстояние, отделяющее точку зрения античной космологии и космологии Средних веков от точки зрения физики, как ее понимают современные ученые; никогда до настоящего времени изучение чувственного мира не рассматривалось как самодостаточное; никогда наука этой меняющейся и мимолетной множественности на самом деле не признавалась достой ной имени познания, если не находилось средства ее связать в той или иной степени с чем-то стабильным и постоянным. Согласно древней концепции, продолжающей существовать на Востоке, любая наука считалась ценной не столько сама по себе, сколько в той мере, в какой она своим особым образом и в определенном порядке вещей отражала высшую, неизменную истину, к которой с необходимостью причастно все то, что обладает какой-нибудь реальностью; а так как черты этой истины каким-то образом укоренены в идее традиции, то всякая наука также проявляется как продолжение самого традиционного учения, как одно из его приложений, вторичных и, несомненно, случайных, вспомогательных и несущественных, составляющих познание более низкого уровня, если угодно, но тем не менее, все еще истинное познание, потому что оно сохраняет связь с высшей ступенью, т. е. с познанием чисто интеллектуального порядка. Как видно, эта концепция ни за что не стала бы приспосабливаться к грубому натурализму факта, который заключает наших современников в одной только области случайного,

и даже более узко, в одном только разделе этой области [13]; а так как восточные люди не меняют из-за этого своих убеждений и не могут этого делать, не отрицая принципов, на которых основывается вся их цивилизация, то оба типа ментальности кажутся решительно несопоставимыми; но поскольку именно Запад меняется и, к тому же, меняется без конца, то, может быть, настанет такой момент, в который его ментальность, наконец, изменится в благоприятном направлении и откроется более благоприятное понимание, тогда эта несовместимость испарится сама по себе.

Мы полагаем, что достаточно показали, до какой степени оправдана оценка западной науки восточными людьми; при этих условиях, кое-что может объяснить безграничное восхищение и суеверное уважение, предметом которого является наука: а именно то, что она находится в совершенной гармонии с нуждами чисто материальной цивилизации. Действительно, ведь речь не идет о незаинтересованном умозрении; умы, все заботы которых обращены во вне, заняты приложениями, которым наука дает место, и прежде всего, практического и утилитарного порядка; «сциентистский» дух приобрел свое развитие, главным образом, благодаря механическим изобретениям. Именно эти изобретения, начиная с XIX века, вызвали настоящий психоз энтузиазма, потому что они, казалось, имели целью рост материального благосостояния, открыто являющийся главным стремлением современного мира; однако не догадываясь об этом, создают все больше новых потребностей, которые не могут удовлетворить, так что даже с этой, весьма относительной точки зрения, прогресс есть нечто весьма иллюзорное; однажды вступив на этот путь, больше уже не могут остановиться, все время нужно что-то новое. Но как бы то ни было, именно эти приложения, смешиваемые с самой наукой, создают ей доверие и престиж; это смешение, которое может происходить только у людей, не знающих, что такое чистое умозрение, даже в плане науки, стало настолько обычным, что, если открыть любую публикацию, то там всегда можно встретить под именем «науки» то, что должно, собственно

говоря, называться «промышленностью»; тип «ученого» в представлении наибольшего числа людей, это инженер, изобретатель или конструктор машин. Что касается научных теорий, то они извлекают пользу из этого состояния ума, мало того, они его порождают; и если те, кто менее всего способен их понять, принимают они на веру и воспринимают как настоящую догму (и они тем легче обольщаются, чем меньше понимают), то потому, что они считают их, справедливо или нет, действующими заодно с этими практическими изобретениями, которые кажутся им столь чудесными. Говоря по правде, эта солидарность гораздо более кажущаяся, чем реальная; гипотезы, более или менее несостоятельные, не значат ничего для этих приложений и открытий, мнение о полезности которых может различаться, но которые, в любом случае, имеют достоинство быть чем-то эффективным; и наоборот, все то, что может быть реализовано в практическом плане, никогда не сможет доказать истину какой-либо гипотезы. Наконец, говоря более общим образом, никогда нельзя предоставить собственно экспериментальной верификации гипотезы, так как всегда можно найти множество теорий, которыми те же самые факты будут объясняться в равной степени хорошо; можно устранять некоторые гипотезы, когда замечают, что они находятся в противоречии с фактами, но оставшиеся продолжают быть только гипотезами и больше ничем; этим путем никогда нельзя достичь достоверности. Для людей, которые приемлют только грубые факты, для которых нет другого критерия истины, кроме «опыта», понятого исключительно как констатация чувственных феноменов, не возникает вопроса, продвигаться ли так же дальше или действовать иначе, тогда остаются только две возможные позиции: совершенно примириться с гипотетическим характером научных теорий и отказаться от всякой достоверности ради простой чувственной очевидности; или же не признавать этот гипотетический характер и слепо верить всему тому, чему учат от имени «науки». Первая позиция, разумеется, более интеллектуальная, чем вторая (учитывая границы «научного» интеллекта), это позиция тех некоторых, менее

наивных, чем остальные, ученых, которые отказываются быть обманутыми своими собственными гипотезами и гипотезами своих коллег; во всем, что не касается непосредственной практики, они приходят к более или менее полному скептицизму или, по меньшей мере, к пробабилизму: это «агностицизм», приложимый уже не только к тому, что превосходит научную область, но и распространяющийся на сам научный порядок; и покидают они эту негативную позицию только через более или менее сознательный прагматизм, заменяя, как у Анри Пуанкаре, рассмотрение истинности гипотезы рассмотрением ее удобства; не есть ли это признание непоправимого невежества? Между тем, вторая позиция, которую можно назвать догматической, с большей или меньшей искренностью поддерживается другими учеными, но, в особенности, теми, кто считает себя обязанным защищать нужды образования; всегда казаться уверенным в себе и в том, что говорится, скрывать трудности и сомнения, никогда ничего не произносить в форме предположения, таково самое легкое средство заставить принять себя всерьез и приобрести авторитет, когда имеют дело с публикой, в основном, некомпетентной и неспособной к различению, обращаются ли при этом к ученикам или же хотят заняться популяризацией. Естественно, что эта установка принимается (и на этот раз, бесспорно, более искренно) теми, кто это образование получает; это также позиция тех, кого называют «широкой публикой», а «сциентистский» дух во всей своей полноте, с его особой слепой верой, можно отметить у людей, которые обладают лишь полузнанием, в той среде, где царит состояние умов, часто квалифицируемое как «начальное», хотя оно и не является исключительно достоянием ступени, носящей это название.

Мы только что произнесли слово «популяризация»; это тоже нечто совершенно особое в современной цивилизации, и здесь можно увидеть один из главных факторов того состояния духа, которое мы пытаемся в настоящий момент описать. Это одна их форм, в которой воплощается странная потребность в пропаганде, оживляющей западный дух, что можно объяснить только

преобладающим влиянием элементов сентиментальности; никакое интеллектуальное рассмотрение не оправдывает прозелитизм, который восточные люди считают только доказательством невежества и непонимания; это две совершенно разные вещи: просто представлять истину, как ее понимают, заботясь только о том, чтобы ее не исказить, или же, напротив, изо всех сил заставлять других разделять свои собственные убеждения. Сами пропаганда и популяризация возможны только в ущерб истине: претендовать на то, чтобы сделать ее «доступной для всех» без исключения, с необходимостью, означает деформировать и ущемлять ее, так как невозможно предположить, чтобы все люди были одинаково способными понимать все, что угодно; это не вопрос более или менее обширного образования, это вопрос «интеллектуального горизонта», а это не то, что может изменяться, это присуще самой природе каждого человеческого индивида. Химерический предрассудок «равенства» вступает в противоречия с самыми точно установленными фактами в интеллектуальном порядке так же, как и в порядке физическом; это отрицание всякой естественной иерархии и снижение всякого познания до уровня ограниченного обыденностью рассудка. Больше не предполагают ничего такого, что превосходило бы обычное понимание, и действительно, научные и философские концепции нашего времени, несмотря на их претензии, по сути, являются самой жалкой посредственностью; значительно преуспели только в том, чтобы устранить все, что может быть несовместимым с заботами популяризации. Хотя некоторые могут это утверждать, но создание какой бы то ни было элиты не согласуется с демократическим идеалом; последний требует распределения совершенно одинакового образования среди индивидов, одаренных самым неравным образом, самыми разными способностями и темпераментом; несмотря на все, нельзя помешать тому, чтобы это образование производило все еще весьма различные результаты, но все это противоположно намерениям тех, кто его установил. В любом случае, такая система обучения есть самая несовершенная из всех, а неосмотрительная диффузия любых

познаний всегда скорее вредна, чем полезна, так как она может приводить, обычно, только к состоянию беспорядка и анархии. Именно такой диффузии противостоят методы традиционного образования, которые существуют повсюду на Востоке, где всегда будут убеждены скорее в неуместности «всеобщего обязательного образования», чем в его предполагаемой благотворности. Знания, которые может в своем распоряжении иметь западная публика, ничего трансцендентного в себе не имеют; они еще больше сокращаются в популярной литературе, представляющей самые низшие аспекты и даже их в искаженном виде, чтобы еще больше все упростить; такие работы услужливо настаивают на самых фантастических гипотезах, смело выдавая их за доказанные истины и сопровождая их нелепыми декламациями, которые так нравятся толпе. Полунаука, приобретенная таким чтением или образованием, все элементы которого заимствованы в учебниках того же достоинства, еще более пагубны, чем простое невежество; было бы лучше ничего не знать из всего того, что накапливается в уме, загроможденном ложными, часто неискоренимыми идеями, в особенности, когда они внушены в самом раннем возрасте. Незнающий, по крайней мере, сохраняет возможность узнать, если представится случай; он может обладать естественным «здравым смыслом» и в соединении с обычным осознанием своей некомпетентности, ему будет его достаточно, чтобы избежать множества глупостей. Человек, получивший полуобразование, напротив, почти всегда имеет деформированный склад ума, и его уверенность в своем знании придает ему такую самонадеянность, что он воображает себя способным говорить обо всем без разбора; он это делает кстати и некстати, и с тем большей легкостью, чем более он некомпетентен: для того, кто ничего не знает, все кажется таким простым!

Но даже оставляя в стороне нелепости популяризации в собственном смысле слова и рассматривая западную науку в ее тотальности и в ее наиболее подлинных аспектах, очевидно все же, что претензия, которую заявляют представители этой науки, что все,

безо всякого исключения могут ее изучить, является все-таки знаком очевидной посредственности. В глазах восточных людей то, изучение чего не требует никакой особой квалификации, не может иметь большой ценности и никогда ничего поистине глубокого содержать не будет; и, действительно, западная наука является совершенно внешней и поверхностной; чтобы охарактеризовать ее, вместо «незнающего знания» мы охотнее и почти в том же смысле будем говорить «профанное знание». С этой точки зрения, как и с других, философия на деле не отличается от науки;: иногда ее пытались определить как «человеческую мудрость»; это правда, но при условии принятия того, что она есть только это, только чисто человеческая мудрость, в самом узком значении этого слова, без обращения к какому-нибудь элементу высшего плана разума; чтобы избежать всякой двусмысленности, мы ее также называем «профанным знанием», но это вынуждает сказать, что она, по сути, вовсе никакая не мудрость, что она является только ее иллюзорной видимостью. Мы здесь не будем останавливаться на последствиях этого «профанного» характера всякого современного западного знания; но чтобы еще раз показать, до какой степени это знание поверхностно и фиктивно, мы укажем, что используемые методы обучения имеют своим следствием почти полное замещение интеллекта памятью: на всех ступенях образования от учеников требуют аккумулировать познания, а не ассимилировать их; они занимаются, в основном, вещами, изучение которых не требует никакого понимания; идеи заменяются фактами, а эрудиция обычно принимается в качестве реальной науки. Чтобы поддержать или дискредитировать ту или иную ветвь познания, тот или иной метод, достаточно провозгласить, что он является или не является «научным»; то, что официально считается «научными методами», суть приемы самой неинтеллектуальной эрудиции, в наибольшей мере исключающей все то, что не является поиском фактов ради них самих, вплоть до самых малозначительных деталей; следует отметить, что именно «писатели» больше всех злоупотребляют этим наименованием. Престиж «научной» этикетки, даже когда она ничем

большим, чем этикетка, не является, это триумф исключительно «сциентистского» духа; разве не дает нам основания говорить о «суеверии» науки то почтение, которое внушает толпе (включая так называемых интеллектуалов) использование обычного слова?

Естественно, «сциентистская» пропаганда осуществляется не только внутри, под двойной формой «обязательного образования» и популяризации; она также свирепствует и во вне, как и все другие варианты западного прозелитизма. Везде, где водворяются европейцы, они желают распространять так называемые «блага образования», всегда следуя одним и тем же методам, без малейшей попытки приспособления и не спрашивая себя, не существует ли уже там какой-нибудь другой вид обучения; все, что исходит не от них, должно считаться за ничто, за недействительное; «равенство» не позволяет различным народам и различным расам иметь свой собственный склад ума; к тому же, главное «благодеяние», ожидаемое от этого обучения теми, кто его навязывает, это, вероятно, всегда и повсюду разрушение традиционного духа. «Равенство», столь дорогое для западных людей, сводится, когда оно исходит от них, к одному только единообразию; все остальное, в нем заключающееся, не становится предметом экспорта и касается только отношений западных людей между собой, так как они считают себя несравненно выше других людей, среди которых они не делают никакого различия: к самым варварским неграм и к самым утонченным восточным людям они относятся почти одним и тем же образом, потому что они в равной мере находятся вне единственной «цивилизации», имеющей право на существование. Поэтому европейцы ограничиваются, в основном, преподаванием самых элементарных их всех своих познаний; не трудно вообразить себе, как должны их оценивать восточные люди, которым даже самое возвышенное из этих познаний кажется отличающимся как раз своей узостью и печатью довольно грубой наивности. А так как народы, которые имеют свою собственную цивилизацию, оказываются неподдающимися этому столь превозносимому образованию, тогда как народы без культуры переносят его гораздо более покорно, то

западные люди не далеки от того, чтобы считать вторых выше первых; они отдают дань уважения, по крайней мере, относительного, тем, кого они считают способным «возвыситься» до их уровня, хотя бы это было после нескольких веков режима «обязательного начального образования». К несчастью, то, что западные люди называются «возвыситься», те, кого это касается, назвали бы «падением»; именно так думают все восточные люди, даже если они этого не говорят и предпочитают, как это чаще всего и бывает, закрыться в полном пренебрежения молчании, оставляя западному тщеславию свободно интерпретировать свою позицию, как им будет угодно, настолько это их мало интересует.

Европейцы имеют столь высокое мнение о своей науке, что верят в ее неотразимый престиж и воображают, что другие народы должны впадать в восторг перед самыми их незначительными открытиями; это состояние духа, которое их приводит к особому пренебрежительному отношению, не является совершенно новым, мы находим довольно занятный пример его уже у Лейбница. Известно, что этот философ создавал проект того, что он называл «универсальной характеристикой», т. е. чего-то вроде обобщенной алгебры, приложимой к понятиям любого порядка, вместо того, чтобы распространяться только на количественные понятия; эта идея, впрочем, была ему внушена некоторыми авторами Средних веков, а именно, Раймондом Луллием и Тритемием. Однако в ходе исследований, осуществляемых им для подготовки и реализации этого проекта, Лейбницу пришлось заняться значением идеографических знаков, которые составляют китайскую письменность, и в особенности, символических фигур, образующих основу И-Цзина; посмотрим, как он их понимал: «Лейбниц, — говорит г-н Кутюра, — верил, что он нашел в своем двоичном счислении (счисление, которое использует только знаки 0 и 1 и в котором он видел образ творения ex nihilo) интерпретацию знаков Фу-Си, китайских мистических символов такой древности, о которой европейские миссионеры и сами китайцы не имеют представления… Он предложил использовать эту интерпретацию для

распространения в Китае веры, рассчитывая, что она способна дать китайцам высокую идею европейской науки и показать ее согласованность с почитаемыми и священными традициями китайской мудрости. Он присоединил эту интерпретацию к докладу о своей бинарной арифметике, отосланному в Парижскую Академию Наук»[14]. Вот что мы читаем в тексте, о котором идет речь: «Действительно поразительным в этом счете (бинарной Арифметике) является то, что эта Арифметика с помощью 0 и 1, оказывается, включает в себя тайну линий древнего Царя и Философа, именуемого Фу-Си, о котором говорят, что он жил более четырех тысяч лет тому назад[15] и которого китайцы рассматривают как основателя их Империи и наук. Там есть много линейных фигур, которые ему приписываются; они все воспроизводятся в этой Арифметике; здесь достаточно отметить фигуру восьми Кова (Cova)[16], как их называют, и которая является фундаментальной, к ней присоединяется объяснение, которое это выявляет, если только отметить, что целая линия означает единицу или 1, а разорванная линия означает ноль или 0. Китайцы утратили значение Кова или начертаний Фу-Си, возможно, более тысячи лет назад и сделали на них комментарии, в которых они ищут не знаю какой отдаленный смысл, так что необходимо, чтобы истинное объяснение пришло к ним теперь от европейцев. Вот как: почти два года тому назад я послал Р. П. Буве (R. P. Bouvet), знаменитому французскому иезуиту, который живет в Пекине, мой способ счета при помощи 0 и 1. И ему этого было достаточно для признания, что это ключ к фигурам Фу-Си. Итак, написав мне 14–го ноября 1701г., он прислал мне большую таблицу этого Князя Философа, которая содержит 64 фигуры[17] и больше не оставляет сомнения в истинности нашей интерпретации, так что можно сказать, что этот св. отец расшифровал загадку Фу-Си с помощью того, что я ему сообщил.А так как эти фигуры являются, возможно, самым древним памятником науки в мире, то это восстановление их смысла после столь огромного интервала прошедшего времени кажется тем более удивительным… И эта

согласованность дает мне большую уверенность в глубине размышлений Фу-Си. Так как то, что нам теперь кажется легким, вовсе таковым не было в те отдаленные времена… Однако, как в Китае верят, что Фу-Си является также автором китайских письменных знаков, хотя сильно изменившихся со временем, то его опыт с арифметикой позволяет сделать вывод, что можно было бы найти еще что-нибудь значительное, касающееся цифр и идей, если бы смогли откопать основание китайской письменности, тем более, что в Китае верят, что учреждая ее, он имел в виду числа. Р. П. Буве много внес в продвижение этой точки зрения и весьма во многом преуспел. Однако я не знаю, было ли когда-нибудь в китайской письменности достоинство, сходное с тем, которое необходимо должно быть в (Универсальной) Характеристике, которую я предлагаю. То, что любое рассуждение, которое можно извлечь из понятий, сможет быть извлечено из их обозначений, подобно подсчету, явится одним из самых важных средств помощи человеческому духу»[18]. Мы сочли нужным основательно воспроизвести этот любопытный документ, который позволяет определить, к чему может привести рассуждение того, кого мы, тем не менее считаем самым «интеллектуальным» из всех современных философов: Лейбниц был заранее убежден, что его «характеристика», которую, впрочем, он никогда не определял (и сегодня «логики» продвинулись не дальше), не может не быть выше китайской идеографии; и самое замечательное, что он думал польстить Фу-Си, приписывая ему «арифметический опыт» и первенство в идее своей маленькой игры в счисление. Мы, кажется, видим при этом улыбку китайцев, если им представить эту несколько ребяческую интерпретацию, которая очень далека от того, чтобы дать им «высокую идею европейской науки», но способна дать им возможность оценить ее реальное значение весьма точно. Истина состоит в том, что китайцы никогда не «утрачивали значение» или, скорее, значения символов, о которых идет речь; но они не считают себя обязанными объяснять их первому встречному, в особенности,

если они считают это напрасным трудом; Лейбниц же, говоря «я не знаю, какой отдаленный смысл», в конечном счете признается, что он там ничего не понял. Именно эти смыслы, тщательно сохраняемые традицией (комментаторы лишь верно ей следуют), и образуют «истинное объяснение», впрочем, в них нет ничего «мистического»; но может ли быть дано лучшее доказательство непонимания, чем принять метафизические символы за «чисто числовые обозначения»? Метафизические символы, вот, в действительности, 0 такое «триграммы» и «гексаграммы», синтетическое представление теорий, способных получать неограниченное развитие, а также способных к разнообразным адаптациям, если вместо того, чтобы оставаться в области принципов, их захотят применить к тому или иному определенному порядку. Лейбниц очень сильно бы удивился, если бы ему сказали, что его арифметическая интерпретация также имеет место среди тех смыслов, которые он отбросил, не узнав их, но только это место в совершенно вспомогательном и подчиненном ряду; эта интерпретация сама по себе не является ошибочной и совершенно совместима со всеми другими, но она неполна и недостаточна, даже незначительна, когда ее рассматривают изолированно, и может получить значение только в силу соответствия по аналогии, которое связывает низшие смыслы с высшим, в согласии с тем, что мы говорили о природе «традиционных наук». Высший — это чисто метафизический смысл; все остальное суть лишь более или менее важные различные, но всегда несущественные приложения: может быть и арифметическое приложение, как и неопределенное множество других, как, например, есть логическое приложение, которое могло лучше подойти для проекта Лейбница, если бы он с ним был знаком, как есть социальное приложение, являющееся основанием конфуцианства, как есть астрономическое приложение, единственное, которое удалось постичь японцам[19], есть даже приложение для гадания, которое китайцы рассматривают, впрочем, как одно из самых низших из всех и которое они оставляют

практиковать скитающимся жонглерам. Если бы Лейбниц вступил в прямой контакт с китайцами, то они, может быть объяснили бы ему (но понял бы он?), что те же самые цифры, которыми он пользовался, могли символизировать идеи гораздо более глубокого порядка, чем математические идеи, и что по причине такого символизма числа играли не меньшую роль в образовании идеограмм, чем в выражении пифагорейских учений (это показывает, что подобные вещи не были неизвестны западной античности). Китайцы даже могли бы принять обозначения через 0 и 1 и взять эти «чисто численные знаки» для того, чтобы символически представить метафизические идеи *инь* и *ян* (которые, однако, не имеют ничего общего с концепцией творения ex nigilo), имея все же достаточное основание предпочесть представление, исполненное «линиями» Фу-Си, как более адекватное, непосредственный предмет которого находится в метафизической области. Мы развернули этот пример, потому что он ясно показывает разницу, существующую между философским систематизмом и традиционным синтезом, между западной наукой и восточной мудростью; не трудно понять на этом примере, который для нас также имеет ценность символа, на чьей стороне оказывается непонимание и узость видения[20]. Лейбниц, претендуя на лучшее, чем у самих китайцев, понимание китайских символов, является настоящим предшественником ориенталистов, у которых, в особенности, у немцев, есть та же претензия по отношению ко всем концепциям и всем восточным учениям и которые отказываются хоть немного учитывать мнения законных представителей этих учений: мы уже цитировали случай Дойссена (Deussen), вообразившего, что он объяснил Шанкарачарья индусам, интерпретируя его через идеи Шопенгауэра; и здесь проявляется та же самая ментальность.

Мы должны по этому поводу сделать последнее замечание: западные люди, которые так дерзко выставляют напоказ по любому случаю убежденность в своем собственном превосходстве и превосходстве своей науки, напрасно называют восточную мудрость

«горделивой», как это иногда делают некоторые из них под тем предлогом, что она совершенно не подчиняется привычным для них ограничениям и потому что они не могут выносить того, что их превосходит; в этом один из недостатков посредственности и именно это образует основу демократического духа. На самом деле, гордость есть нечто совершенно западное; впрочем, и смирение тоже, и как бы ни казалось это парадоксальным, между этими двумя противоположностями имеется довольно прочная солидарность: это пример двойственности, которая доминирует надо всем сентиментальным порядком, и свойственный ей характер моральных концепций дает этому самое поразительное доказательство, так как понятия добра и зла существуют только в самой этой оппозиции. На деле, гордость и смирение равным образом чужды и безразличны восточной мудрости (мы могли бы даже сказать просто мудрости, без эпитетов), потому что она, по сути, чисто интеллектуальна и полностью свободна от всякой сентиментальности; она знает, что человеческое бытие есть сразу нечто гораздо большее и гораздо меньшее, чем это думают западные люди, по крайней мере, сегодняшние, и она также знает, что оно есть как раз то, чем оно должно быть, чтобы занимать место, предназначенное ему в универсальном порядке. Человек, мы хотим сказать, человеческая индивидуальность, не имеет никакого привилегированного или исключительного положения в каком бы то ни было смысле; он находится не высоко и не низко на лестнице существ; он представляет в иерархии существований, как и другие, одно состояние среди бесконечного числа других, многие из которых по отношению к нему высшие, а многие — низшие. В этой связи нетрудно заметить, что смирение сопровождается определенным родом гордости: так, когда на Западе хотят иногда унизить человека, то находят средство приписать ему одновременно важность, которой он реально лишен, по крайней мере, как индивидуальность; возможно, что это пример того неосознанного лицемерия, которое в той или иной степени неотделимо от всякого «морализма» и в котором восточные люди обычно видят одну их специфических черт

западного человека. К тому же, смирение не всегда является этим противовесом, отнюдь нет; у большого числа западных людей встречается настоящее обожествление человеческого разума, восхищающегося самим собой либо прямо, либо через посредство науки, которая есть его произведение; это самая крайняя форма рационализма и «сциентизма», но таково их самое естественное завершение и, в итоге, самое логичное. Действительно, когда ничего помимо этой науки и помимо этого разума не известно, то можно питать иллюзию об их абсолютном превосходстве; когда ничего высшего по отношению к человечеству не известно, и даже более конкретно, по отношению к тому типу человечества, которое представляет современный Запад, можно испытывать искушение обожествить его, особенно, когда к этому примешивается сентиментализм (мы уже показали, что он весьма совместим с рационализмом). Все это является лишь неизбежным следствием того незнания принципов, которое мы объявили главным пороком западной науки; и вопреки возражениям Литтре, мы не думаем, что Огюст Конт заставил позитивизм хоть сколько-нибудь изменить направление, намереваясь учредить «религию Человечества»; этот особый «мистицизм» есть всего лишь опыт слияния двух характерных для западной цивилизации тенденций. Мало того, существует даже материалистический псевдомистицизм: нам известны люди, заявляющие (даже когда у них нет никакого рационального мотива быть материалистами), что они его разделяют исключительно потому, что «прекраснее делать добро» без надежды на какую-нибудь возможную компенсацию. Эти люди, на ментальность которых «морализм» оказывает столь могущественное влияние (а их мораль, хотя и называется «научной», не перестает быть, по сути, чисто сентиментальной), естественно, исповедуют «религию науки»; а поскольку это, на самом деле, может быть только «псевдорелигией», то гораздо справедливее, по нашему мнению, называть ее «суеверием науки»; верование, покоящееся только на незнании (пусть даже «ученом») и на пустых предубеждениях, не может рассматриваться иначе, чем вульгарное

суеверие.

Глава III.
СУЕВЕРИЕ ЖИЗНИ

Западные люди часто упрекают восточные цивилизации, среди прочего, в их неизменности и стабильности, которые кажутся им отрицанием прогресса, и мы охотно согласимся, что они таковыми и являются; но чтобы в этом видеть недостаток, надо верить в прогресс. Для нас, это свойство указывает на причастность к неподвижности принципов, на которые они опираются, и в этом один из существенных аспектов идеи традиции; современная цивилизация в высшей степени изменчива именно потому, что ей не достает принципа. Однако не следует думать, что стабильность, о которой мы говорим, доходит до исключения всякого изменения, что было бы преувеличением; но она всегда сводит изменение лишь к приспособлению к обстоятельствам, чем принципы никоим образом не бывают задеты, и что, напротив, может строго из них выводиться, пусть даже их рассматривают не самих по себе, а в виду определенного приложения; вот почему, кроме метафизики, которая является самодостаточной в силу познания принципов, существуют всякие «традиционные науки», которые охватывают порядок возможных существований, включая сюда и социальные установления. Тем более не следует смешивать неизменность с неподвижностью; недоразумения такого рода часто встречаются среди западных людей, потому что они обычно не способны отличать понимание от воображения, а их дух не способен освободиться от чувственных представлений; это очень четко видно у таких философов, как Кант, который, тем не менее, не может причисляться к разряду «сенсуалистов». Неподвижное есть не то, что противоположно изменению, а то, что его превосходит, так же, как и «сверх–рациональное» не есть «иррациональное»; надо остерегаться тенденции располагать вещи в оппозициях и искусственных антитезах, с помощью интерпретации одновременно

«упрощенческой» и систематизирующей, которая происходит, главным образом, от неспособности идти дальше и разрешать видимые контрасты в гармоническом единстве истинного синтеза. Но все-таки верно, что в рассматриваемом отношении, как и во многих других, реально есть оппозиция между Востоком и Западом, по крайней мере, при современном состоянии вещей: существует расхождение, но надо не забывать, что это расхождение является односторонним и не симметричным, оно представляет собою как бы ветвь, отделяющуюся от ствола; именно одна только западная цивилизация, следуя в направлении, принятом ею в ходе последних веков, удаляется от восточных цивилизаций до такой степени, что, кажется, между ними уже нет никакого общего элемента, никакой общей грани для сравнения, никакой общей территории для взаимопонимания и согласия.

Западный человек, а современный, в особенности (мы все время говорим именно о нем), главным образом, предстает как меняющийся и непостоянный, как бы обреченный на безостановочное движение и бесконечную суету; в целом, это состояние существа, которое не может обрести равновесия, но, не будучи в состоянии это сделать, отказывается признать, что это само по себе возможно или хотя бы только желательно, и доходит до того, что кичится своей неспособностью. Именно эту изменчивость, в которой он заключен и в которой он находит удовольствие, от которой вовсе не требуется чтобы она вела к какой-нибудь цели, потому что он ухитряется ее осуществлять ради нее самой, он как раз и называет «прогрессом», как если бы было достаточно идти в каком угодно направлении, чтобы уверенно продвигаться вперед; но к чему продвигаться, он и не думает себя спрашивать об этом; а рассеяние во множественности, являющееся неизбежным следствием этой изменчивости без цели и без принципа, и даже его единственным следствием, реальность которого не может быть оспорена, он называет «обогащением»: это еще одно слово, вызывающее грубо материалистический образ, совершенно типичное и представительное для современной ментальности. Потребность во

внешней активности, дошедшая до такой степени, склонность к напряжению ради него самого, независимо от результатов, достижимых с его помощью, все это совсем не естественно для человека, по крайней мере, нормального, согласно той идеи, которая всегда и повсюду об этом создавалась; но это стало чем-то естественным для западного человека, может быть под действием привычки, названной Аристотелем второй природой, но, главным образом, той атрофии высших способностей, которая необходимо соответствует интенсивному развитие низших элементов: тот, у кого нет никакого средства избавиться от суеты, может только ею и удовлетвориться тем же самым способом, каким интеллект, ограниченный рациональной активностью, находит ее возвышенной и великолепной; чтобы в замкнутой сфере чувствовать себя полностью непринужденно, какова бы она ни была, не надо себе представлять, что может что-нибудь существовать и вне нее. Стремления западного человека, единственного из всех типов людей (мы не говорим здесь о дикарях, о которых нельзя сказать, чего они придерживаются), обычно строго ограничены чувственным миром и его зависимостями, под которыми мы понимаем весь сентиментальный порядок, а также большую часть рационального порядка; конечно, есть и похвальные исключения, но мы здесь можем рассматривать лишь общераспространенный и господствующий склад ума, который поистине характерен для данного места и времени.

В самом интеллектуальном порядке или, скорее, в том, что от него осталось, следует отметить странный феномен, который является лишь частным случаем только что нами описанного: это страсть к поиску, принимаемому за самодостаточную цель, без всякой заботы когда-нибудь достичь какого-то решения; тогда как другие люди ищут, чтобы найти и чтобы знать, западный человек наших дней ищет, чтобы искать; евангельские слова: Qimrite et invenietis (Ищите и обрящете) есть для него мертвая буква во всей силе этого выражения, потому что он называет «мертвым» то, что составляет окончательное завершение, а «живым» то, что есть только

бесплодная деятельность. Болезненная страсть к исследованию, настоящее «умственное беспокойство», без конца и без выхода, особенно явно в современной философии, большая часть которой представляет собою лишь серию совершенно искусственных проблем, которые существуют только потому, что они плохо поставлены, которые рождаются и продолжают существовать только из-за тщательно поддерживаемых двусмысленностей; проблемы неразрешимые, раз они таким способом сформулированы, но их вовсе и не стремятся разрешить; весь смысл их существования состоит в бесконечной подпитке споров и дискуссий, которые ни к чему не ведут и не должны ни к чему вести. Замещать таким образом познание исследованием (мы уже в этой связи отмечали столь замечательное заблуждение «теории познания»), означает просто отказаться от собственного предмета интеллекта, и при этих условиях становится хорошо понятно, что некоторые в результате доходят до устранения самого понятия истины, так как истина может быть понята только как завершение, которого должно достичь, а они вовсе не хотят завершения своего исследования; следовательно, это не может быть чем-то интеллектуальным, даже если понимать интеллект в самом широком смысле слова, не в самом высоком и не в самом чистом; если мы могли говорить о «страсти к исследованию», то потому что, действительно, речь идет о вторжении сентиментальности в ту область, для которой она должна оставаться чуждой. Разумеется, мы не протестуем против самого существования сентиментальности, являющейся естественным фактом, а только против ненормального и незаконного ее расширения; надо уметь ставить каждую вещь на свое место и там ее оставлять, но для этого требуется понимание универсального порядка, которое ускользает от западного мира, где закон составляет беспорядок; отвергать сентиментализм еще не означает отрицать сентиментальность, равно как отвергать рационализм не значит отрицать разум; сентиментализм и рационализм одинаково являются ошибками, хотя для современного Запада они являются двумя сторонами одной альтернативы, из которой он выйти не способен.

Мы уже говорили, что чувство крайне близко к материальному миру; не случайно язык тесно связывает чувственное (le sensible) и чувствительное (le sentimental), но если не следует доходить до их смешения, то все-таки они представляют собой две модальности одного и того же порядка вещей. Современный дух почти исключительно повернут во вне, в сторону чувственной области; чувство кажется ему внутренним и в этой связи он нередко старается противопоставить его ощущению; но все это очень относительно, а истина состоит в том, что «интроспекция» психологии сама схватывает только феномены, т.е. внешние и поверхностные модификации бытия; поистине, внутренней и глубокой является только высшая часть интеллекта. Это может показаться удивительным для тех, кто, как современные интуиционисты, знают только низшую часть интеллекта, представленную чувственными способностями и разумом в той мере, в какой он прилагается к чувственным объектам, его даже считают более внешним, чем чувство; но по сравнению с трансцендентным интеллектуализмом восточных людей, интуитивизм и рационализм находятся на одном и том же уровне и в равной степени останавливаются на внешней стороне бытия, вопреки иллюзиям, в соответствии с которыми та или другая из этих концепций надеется постичь что-нибудь из его внутренней природы. По существу, речь никогда при этом не идет о том, чтобы выйти за пределы чувственных вещей; разногласие касается только используемых методов достижения этих вещей, манеры, согласно которой надлежит рассматривать, того из разнообразных аспектов, который следует сделать более очевидным: мы можем сказать, что одни предпочитают настаивать на стороне «материи», а другие на стороне «жизни». Таковы, в действительности, ограничения, непреодолимые для западной мысли: греки были неспособны освободиться от формы; современные люди кажутся неспособными освободиться от материи, а когда они пытаются это сделать, то в любом случае не могут выйти за область жизни. Жизнь, так же как и материя, а тем более форма, все это суть только особые условия существования чувственного

мира; следовательно, все это находится на одном и том же уровне, как мы только что сказали. Современный Запад, за редким исключением, принимает чувственный мир в качестве единственного объекта познания; пусть он отдает предпочтение тому или другому из условий этого мира, пусть он изучает его с той или иной точки зрения, проходя его в каком угодно направлении, но область, в которой он осуществляет свою умственную активность, все равно остается той же самой; если кажется, что эта область простирается дальше или ближе, то она никогда не заходит слишком далеко, разве что только чисто иллюзорно. Впрочем, со стороны чувственного мира имеются различные продолжения, которые все еще принадлежат к той же ступени универсального существования; в зависимости от рассмотрения того или иного условия среди тех, что определяют этот мир, можно иногда достичь того или иного продолжения, все равно оставаясь замкнутым в специальной и определенной области. Когда г-н Бергсон говорит, что интеллект своим естественным объектом имеет материю, то он ошибочно называет интеллектом то, о чем он хочет говорить, и делает он это потому, что ему неизвестно то, что является подлинно интеллектуальным; но он, по сути, прав, если он имеет в виду под этим ошибочным наименованием только самую низшую часть интеллекта или, более точно, то применение, которое из него делают на современном Западе. Что касается него, то он, в основном, свое внимание уделает жизни: известно, какую большую роль в его теориях играет «жизненный порыв» и смысл, который он придает тому, что он называет восприятием «чистой длительности»; но жизнь, какую бы ценность ей ни приписывали, все равно неразделимо связана с материей, и это все тот же мир, но рассмотренный здесь согласно «органицистской» и «виталистской» концепции, иначе говоря, согласно «механической» концепции. Когда в устройстве этого мира предпочтение отдают витальному элементу над материальным, то естественно, что чувство берет верх над так называемым интеллектом; интуиционисты с их «духовным переворотом», прагматисты с их «внутренним опытом» просто

взвывают к темным силам инстинкта и чувства, которые они принимают за саму основу бытия, и когда они доводят до конца свою мысль или, скорее, свою тенденцию, то они приходят, как Уильям Джеймс, к решительному возвещению превосходства «подсознательного», самым невероятным образом переворачивая естественный порядок, о котором всегда свидетельствовала история идей.

Жизнь, рассматриваемая сама по себе, есть всегда изменение, непрестанная модификация; поэтому понятно, что она гипнотизирует дух современной цивилизации, для которой изменение тоже является самой яркой чертой, заметной с первого взгляда, даже если ограничиваются самым поверхностным исследованием. Когда таким образом оказываются замкнутыми в жизни и в концепциях, прямо к ней относящихся, то ничего не могут узнать о том, что ускользает от изменения, о трансцендентном и неподвижном порядке, порядке универсальных принципов; они, следовательно, больше не имеют никакого возможного метафизического познания, и мы все время приходим к констатации этого, как неизбежного последствия любой характеристики современного Запада. Мы говорим здесь скорее об изменении, нежели о движении, потому что первое их этих двух понятий более широкое, чем второе: движение есть только физическая или, лучше сказать, механическая модальность изменения, оно из тех понятий, которые имеют в виду другие несводимые к ней модальности, оставляя за ними даже более «витальный», в собственном смысле, характер, за исключением движения, понятого в обычном смысле, т. е. как простое изменение ситуации. Кроме того, здесь не следует преувеличивать некоторые оппозиции, становящиеся таковыми только с более или менее ограниченной точки зрения: таким образом, механическая теория, по определению, есть теория, претендующая все объяснить через материю и движение; но расширяя, насколько возможно, идею жизни, можно в нее включить и само движение, и тогда сразу становится заметным, что так называемые противоположные или антагонистические теории, по

сути, гораздо более равноценны, чем это хотели бы допустить их сторонники соответственно[21]; здесь нет ничего, как с той, так и с другой стороны, кроме большей или меньшей узости видения.Как бы то ни было, концепция, предстающая как «философия жизни», тем самым есть, с необходимостью, «философия становления»; мы хотим сказать, что она заключена в становлении и не может из него выйти (становление и изменение синонимы), что приводит к размещению всей реальности в этом становлении, к отрицанию того, что вне него и по ту сторону от него что-то существует, поскольку систематический дух так создан, что хочет заключить в свои формулы всю тотальность Универсума; и в этом также есть определенное отрицание метафизики. Таков эволюционизм во всех своих формах, начиная с самых механических концепций, включая грубый «трансформизм», и вплоть до теорий такого типа, как у г-на Бергсона; ничто другое, помимо становления, в них не находит места, и, кроме того, рассматривается более или менее ограниченный раздел в нем. Эволюция, в общем и целом, это только изменение плюс иллюзия относительно смысла и качества этого изменения; эволюция и прогресс суть одно и то же, с небольшими отличиями, но сегодня чаще предпочитают первое из этих двух слов, потому что в нем находят более «научный» оборот; эволюционизм является как бы производным этих двух больших суеверий, одно суеверие науки, а другое – жизни, а его успех создает как раз то, что рационализм и сентиментализм оба находят в нем свое удовлетворение; разнообразные пропорции, в которых комбинируются эти две тенденции, способствуют разнообразию форм, в которые облекается эта теория. Эволюционисты полагают изменение повсюду, даже вплоть до самого Бога, если они его принимают: так, г-н Бергсон представляет себе Бога как «центр, откуда фонтанируют миры. Он не есть некая вещь, но непрерывность фонтанирования»; и специально добавляет: «Бог, определенный таким образом, ничего завершенного не имеет, он есть непрекращающаяся жизнь, действие, свобода»[22]. Итак, именно эти идеи жизни и действия составляют у наших

современников настоящую манию и переносятся в область, которую хотят видеть умозрительной; на деле, это упразднение умозрения в пользу действия, которое наводняет и впитывает все. Эта концепция Бога в становлении, который является только имманентным, но не трансцендентным, а также концепция истины (что то же самое), тоже в становлении, и являющейся только чем-то вроде идеального предела, эти концепции совсем не являются исключением в современном мышлении; прагматисты, принявшие идею ограниченного Бога прежде всего ради «моральных» мотивов, не являются ее первыми изобретателями, так как то, что считается эволюционирующим, с необходимостью должно быть понято как ограниченное. Прагматизм, по самому своему определению, считает себя, прежде всего, «философией действия»; его более или менее признаваемый постулат состоит в том, что человек имеет потребности только практического порядка, потребности одновременно материальные и сентиментальные; следовательно, это упразднение интеллектуальности; но если дело обстоит так, то почему все еще хотят создавать теории? Это мало понятно; прагматизм как и скептицизм, от которого он отличается только своим отношением к действию, если он желает быть последовательным, должен ограничиваться простой мысленной установкой, которая даже не может стремиться к логическому доказательству, не опровергая самою себя; но, несомненно, весьма трудно удерживаться строго в этих условиях. Человек, сколь ни был бы он интеллектуально павшим, не может помешать себе, по крайней мере, размышлять, хотя бы для того, чтобы отрицать разум; впрочем, прагматисты его не отрицают, как скептики, но они хотят его свести к чисто практическому использованию; они пришли после тех, кто хотел свести весь интеллект к разуму, но не отказывал ему в теоретическом использовании, и в этом еще одна ступень еще большего упадка. Есть даже пункт, в котором отрицание прагматистов заходит еще дальше, чем чистых скептиков: последние не оспаривали, что истина существует вне нас, а только то, что мы ее можем достичь; прагматисты, в подражание некоторым греческим

софистам (вероятно, не принимавшимся всерьез), доходят до того, что устраняют саму истину.

Жизнь и действие тесно связаны; область одной есть также область и другого, и в этой ограниченной области помещается вся западная цивилизация, и сегодня больше, чем когда-либо. Мы уже в другом месте говорили, как рассматривают восточные люди ограничения действия и его последствий и противопоставляют, в этой связи, познание действию: дальневосточная теория «недеяния», индуистская теория «освобождения», такие вещи совершенно недоступны для обыкновенной западной ментальности, для которой непостижимо, как можно мечтать освободиться от действия и при этом прекрасно преуспевать в нем. К тому же действие обычно рассматривается только в самых внешних его формах, соответствующих, собственно говоря, физическому движению: отсюда эта растущая потребность в скорости, эта лихорадочная дрожь, столь характерная для современной жизни; действовать ради удовольствия действовать, это может быть названо только суетой, ведь и в самом действии можно наблюдать определенные степени и делать определенные различения. Нет ничего легче, чем показать, насколько это несовместимо со всем тем, что представляют собою размышление и концентрация, а, следовательно, с основными средствами всякого истинного познания; здесь же можно найти только триумф рассеяния при самой крайней экстериоризации; только окончательные руины интеллектуальности могут еще оставаться, если вовремя ничего не будет противопоставлено этим гибельным тенденциям. К счастью, чрезмерность зла может произвести реакцию, сами физические опасности, присущие столь ненормальному развитию, могут, в конце концов, внушить спасительную осторожность; наконец, раз область действия заключает в себе только весьма ограниченные возможности (какова бы ни была их видимость), то это развитие не может продолжаться бесконечно, и силою вещей, рано или поздно произойдет изменение направления. Но в настоящий момент мы не можем рассматривать возможности сколько-нибудь отдаленного будущего; мы

рассматриваем современное состояние Запада, и то, что мы здесь видим, хорошо подтверждает, что материальный прогресс и интеллектуальный упадок держаться друг друга и сопровождают друг друга; мы не беремся решать, что есть причина, а что следствие, тем более что речь идет о сложном ансамбле, в котором отношения между элементами чередуются и взаимно дополняют друг друга. Не стремясь подняться к истокам современного мира и к тому способу, каким могла установиться свойственная ему ментальность, что было бы необходимо для окончательного решения вопроса, мы можем сказать следующее: обесценивание и ослабление интеллектуальности должно уже было произойти, чтобы материальный прогресс смог приобрести такое большое значение и чтобы перейти определенные пределы; но раз это движение началось, то занятость материальным прогрессом вбирает в себя мало помалу все способности человека, интеллектуальность все еще продолжает постепенно ослабляться до того состояния, в котором мы ее сегодня видим, а может быть и дальше, хотя это весьма трудно себе представить. Напротив, экспансия сентиментальности вовсе не исключается материальным прогрессом, потому что они, по сути, одного и того же порядка; пусть извинят нас за то, что мы часто к этому возвращаемся, потому что это необходимо для понимания происходящего вокруг нас. Экспансия сентиментальности, производящая, соответственно, регресс интеллектуальности, будет тем более чрезмерной и беспорядочной, что она не встретит ничего, что могло бы ее сдержать или ею действенно управлять, так как эту роль не может исполнять «сциентизм», который, как мы видели, сам далек от того, чтобы остаться незараженным сентиментализмом и который обладает лишь ложной видимостью интеллектуальности.

Одним из самых замечательных симптомов доминирования, приобретенного сентиментализмом, является то, что мы называем «морализмом», это ярко выраженная тенденция всё соотносить с заботами морального порядка или же всё остальное ему подчинять, в особенности, то, что считается принадлежащим к области интеллекта. Сама по себе мораль есть нечто совершенно

сентиментальное; она представляет собою точку зрения настолько относительную и случайную, насколько это только возможно, которая, впрочем, всегда была свойственна Западу; но, собственно говоря, «морализм» есть преувеличение этой точки зрения, произошедшее в сравнительно недавнее время. Мораль, какое бы ей ни придавали основание и какую бы важность ей ни приписывали, есть и может быть только правилом действия; для людей, которые ничем кроме действия не интересуются, очевидно, она должна играть главную роль, и тем более ей придают эту роль, что соображения такого порядка могут создавать иллюзию мышления в период интеллектуального упадка; это объясняет рождение «морализма». Аналогичное явление уже возникло к концу греческой цивилизации, но не достигло, кажется, тех размеров, которое оно приняло в наше время; фактически, начиная с Канта, почти вся современная философия проникнута «морализмом», что позволяет сказать, что она дает преимущество практике по отношению к умозрению, рассматривая эту практику, к тому же, под особым углом; эта тенденция доходит до своего полного развития в той философии жизни и действия, о которой мы говорили. С другой стороны, мы отмечали навязчивую идею даже у самых отъявленных материалистов того, что называют «научной моралью», представляющую ту же самую тенденцию; пусть ее называют научной или философской, в соответствии со вкусом каждого, но это всегда только выражение сентиментализма, и это выражение даже не изменяется заметным образом. Действительно, любопытно то, что моральные концепции в определенной социальной среде исключительно похожи друг на друга, претендуя при этом основываться на различных и даже противоположных соображениях; это хорошо показывает искусственный характер теорий, с помощью которых каждый старается оправдать практические правила, постоянно наблюдаемые вокруг себя. В результате, эти теории представляют собой просто особые предпочтения тех, кто их формулирует и адаптирует, а нередко, и партийный интерес, вовсе им не чуждый: в качестве подтверждения нам достаточно привести

тот способ, которым «светская мораль» (научная или философская, не важно) противопоставляется религиозной морали. В конце концов, раз точка зрения морали является исключительно социальной, то вторжение политики в подобную область не должно удивлять сверх меры; это может быть менее шокирующим, чем использование для сходных целей теорий, претендующих на чистую научность; но, в конце концов, разве сам «сциентистский» дух не был создан для того, чтобы служить интересам определенной политики? Мы сильно сомневаемся, чтобы большинство сторонников эволюционизма были свободны от всякой задней мысли такого рода; возьмем другой пример, так называемая «наука о религии» представляется в гораздо большей степени полемическим инструментом, чем серьезной наукой; здесь, в особенности, рационализм выступает под маской сентиментализма, о чем мы упоминали выше.

Вторжение «морализма» можно заметить не только у «сциентистов» и философов; в этом отношении, следует также отметить вырождение религиозной идеи, которое можно констатировать в бесчисленных сектах, исходящих от протестантизма. Это единственные религиозные формы, являющиеся специфически современными, они характеризуются прогрессирующей редукцией доктринального элемента в пользу морального или сентиментального; это явление есть особый случай общего сокращения интеллектуальности, не случайно эпоха Реформации является той же самой, что и Возрождение, т. е. как раз началом современного периода. В некоторых ответвлениях современного протестантизма доктрина доходит до своего полного распада, а так как параллельно культ сводится почти на нет, в результате остается один только моральный элемент; «либеральный протестантизм» есть только «морализм» с религиозной этикеткой; уже нельзя сказать, что это религия в строгом смысле этого слова, потому что из трех элементов, входящих в определение религии, остается только один. В этих границах, это уже нечто вроде специального философского мышления; в конце концов, ее

представители и сторонники «светской морали», называемой также «независимой», понимают друг друга, в общем, достаточно хорошо, бывает даже, что они открыто солидаризируются между собой, это показывает, что они осознают свое реальное родство. Чтобы обозначить такого рода вещи, мы охотно используем слово «псевдорелигия»; мы применяем то же самое слово ко всем «неоспиритуалистическим» сектам, которые рождаются и процветают, особенно, в протестантских странах, потому что они следуют тем же самым тенденциям и тому же состоянию духа: религия замещается религиозностью через подавление интеллектуального элемента (или полное его отсутствия, если речь идет о новых изобретениях), т. е. простым сентиментальным стремлением, более или менее смутным и бессознательным; эта религиозность относится к религии почти так же, как тень к телу. Можно в этом узнать «религиозный опыт» Уильяма Джеймса (который осложняется обращением к «подсознательному»), а также «внутреннюю жизнь» в том смысле, который ей придают модернисты, так как модернизм есть не что иное, как попытка ввести в католицизм ту самую ментальность, о которой идет речь, попытка, которая разбивается о силу традиционного духа, для которого католицизм на современном Западе является, по видимому, единственным убежищем, помимо индивидуальных исключений, которые могут существовать всегда, вне всякой организации.

Протестантизм свирепствует с максимальной интенсивностью именно среди англосаксонских народов, и там же утверждается в самых крайних и грубых формах вкус к действию; как мы говорили, эти две вещи тесно связаны друг с другом. К тому же, эти народы, из-за своей крайне практической ментальности и своей неспособности ко всякому умозрительному познанию, воплощают в себе наибольшую степень духа современной цивилизации. Мы отметим, что именно здесь родились почти все демократические и гуманитарные идеи; есть особая ирония в общепринятом мнении, представляющем англичан как народ, существенным образом привязанный к традиции, тот, кто так думает, просто смешивает

традицию с обычаем. Легкость, с которой злоупотребляют некоторыми словами, поистине необыкновенна: некоторые дошли до того, что называют «традициями» народные навыки или даже привычки совсем недавнего происхождения, без смысла и значения; что касается нас, то мы отказываемся давать это имя тем внешним формам, которые соблюдаются более или менее машинально, что нередко просто является суеверием в этимологическом смысле слова; истинная традиция заключена в духе народа, расы или цивилизации и основания ее крайне глубоки. Англосаксонский дух, в действительности, крайне антитрадиционен, почти так же, как германский дух, родственный ему, но, может быть, в несколько отличной манере, так как в Германии доминирует, скорее, «сциентистская» тенденция; однако, повторим еще раз, было бы искусственным полностью разделять эти две тенденции, представляющие собой две стороны современного духа и в разных пропорциях встречающиеся среди всех западных народов. Сегодня кажется, что «моралистская» тенденция берет верх почти везде, тогда как еще несколько лет назад более явным было доминирование «сциентистской» тенденции; но что выигрывается одной, не обязательно теряется для другой, потому что они совершенно согласованы, и несмотря на всякие колебания, их общая ментальность связывает их достаточно тесно: в ней есть место одновременно для всех тех идолов, о которых мы говорили раньше. В настоящее время происходит нечто вроде кристаллизации различных элементов вокруг идеи «жизни» как центра и всего, что с ней связано, так же как она происходила вокруг идеи «науки» в XIX веке, а в XVIII вокруг идеи «разума»; мы здесь говорим об идеях, но лучше бы мы сказали просто о словах, так как именно гипноз слов осуществляется здесь во всей своей полноте. То, что иногда называют «идеологией» с пренебрежительным оттенком (встречаются, несмотря ни на что, и такие, кто ею не обманут), есть, собственно, одно лишь пустословие; в этой связи, мы можем взять слово «суеверие» в его этимологическом смысле, о котором мы только что упоминали; оно означает вещь, существующую для самой

себя, но утратившую истинный смысл своего существования. Действительно, единственный смысл существования слов заключается в выражении идей; приписывать ценность словам самим по себе, независимо от идей, не подводя никакой идеи под эти слова, позволяя им влиять одним только их звучанием, это поистине суеверие. «Номинализм», в его различных степенях, есть философское выражение этого отрицания идеи, которую стремятся заменить словом или образом; смешивая понятие с чувственным представлением, они реально допускают его замену на последнее; в той или иной форме он крайне распространен в современной философии, тогда как раньше это было только исключением. Это очень показательно; надо только добавить, что номинализм всегда солидарен с эмпиризмом, т. е. с тенденцией относить к опыту, и более специально, к чувственному опыту, начало и конец всякого познания: мы всегда находим отрицание всего истинно интеллектуального как общий элемент в основании всех этих тенденций и всех этих мнений, потому что здесь, действительно, корень всех умственных искажений, и это отрицание заключено (под видом необходимой предпосылки) во всем том, что приводит к искажению понятий современного Запада.

Мы до сих пор представляли в целом современное состояние западного мира, рассматриваемого с точки зрения ментальности; с этого надо было начинать, потому что все остальное от этого зависит; не бывает важного и длительного изменения, которое не произошло бы сначала в наиболее распространенном типе ментальности. Утверждающие противоположное являются жертвами очень современной иллюзии: видя только внешние проявления, они принимают действия за причину и охотно верят, что то, что они не видят, не существует; то, что называют «историческим материализмом», или тенденция все сводить к экономическим фактам, является замечательным примером этой иллюзии. Состояние вещей стало таковым, что факты этого порядка, действительно, приобрели в современной истории важность, которую они никогда не имели в прошлом; но все же их роль не является и никогда не

будет исключительной. К тому же, не надо обманываться, «правители», известные и неизвестные, хорошо знают, чтобы действовать эффективно, надо, прежде всего, создавать и поддерживать потоки идей и псевдоидей, и они в этом не ошибаются; даже тогда, когда эти потоки чисто негативны, они, по своей природе, все равно ментальны; именно в уме людей сперва должно пустить ростки то, что затем будет реализовываться вовне; даже чтобы устранить интеллектуальность, надо прежде всего внушить умам ее несуществование и повернуть их активность в другом направлении. Мы вовсе не из тех, кто считает, что идеи непосредственно управляют миром; этой формулой тоже много злоупотребляли, и большинство из тех, кто ее использует, совсем не знают, что такое идея, даже если они и не смешивают ее вообще со словом; другими словами, это чаще всего лишь «идеологи», и худшие мечтатели из «моралистов» принадлежат как раз к этой категории: от имени химер, называемых «правом» и «справедливостью» и ничего общего не имеющих с истинными идеями, они оказали на недавние события слишком пагубное влияние, последствия которых слишком тяжело ощущаются, чтобы было необходимо еще на этом настаивать; но в подобных случаях есть не только наивные люди, но и те, кто их ведет без их ведома, которые эксплуатируют их, пользуются ими в интересах, гораздо более практических. В любом случае, как мы только что сказали, важнее всего суметь поставить каждую вещь на ее истинное место: чистая идея не имеет никакого непосредственного отношения к области действия и не может иметь такого же прямого влияния на внешнее, какое осуществляет чувство; но идея все-таки есть принцип, с которого все должно начинаться, чтобы не быть лишенным всякого надежного основания. Чувство, если оно не ведется и не контролируется идеей, порождает только ошибки, беспорядок и темноту; речь не идет о том, чтобы устранить чувство, а о том, чтобы держать его в определенных границах, и то же относится ко всем другим обстоятельствам. Реставрация истинной интеллектуальности, пусть даже в рамках небольшой элиты (по крайней мере, вначале) кажется нам единственным

средством положить конец умственной путанице, царящей на Западе; только так могут быть рассеяны как пустые иллюзии, загромождающие умы наших современников, крайне смешные и необоснованные суеверия, так и все те суеверия, над которыми насмехаются кстати и некстати люди, желающие прослыть «просвещенными»; только таким образом можно обрести взаимопонимание с восточными народами. Действительно, все, что мы сказали, верно представляет не только нашу собственную мысль, не столь важную саму по себе, но и суждение (а это более достойно рассмотрения), которое Восток выносит относительно Запада, когда он соглашается заняться им иначе, чем противопоставлять его завоевательской деятельности то совершенно пассивное сопротивление, которое Запад не может понять, потому что оно предполагает внутреннюю власть, эквивалента которой у него нет и над которой никакая грубая сила не может взять верх. Эта власть находится по ту сторону жизни, она выше действия и всего того, что проходит, она чужда времени и есть как бы причастность к высшей неизменности; если восточный человек спокойно может переносить материальное доминирование Запада, то потому что он знает относительность временных вещей и потому что он носит в самой глубине своего бытия сознание вечности.

Глава IV.
ХИМЕРИЧЕСКИЕ УЖАСЫ И РЕАЛЬНЫЕ ОПАСНОСТИ

Западные люди, несмотря на высокое мнение о самих себе и о своей цивилизации, хорошо чувствуют, что их господство над остальным миром далеко не окончательно обеспечено, что она может оказаться во власти событий, которые невозможно предвидеть и еще менее помешать им. Единственно, чего они не хотят видеть, так это главную причину угрожающих им опасностей, коренящуюся в самом характере европейской цивилизации: то, что опирается только на материальный порядок, как в данном случае, может иметь только временный успех; изменение, которое является законом этой, по существу, нестабильной области, может иметь худшие во всех отношениях последствия, и с тем более молниеносной быстротой, чем больше будет приобретенная скорость; сама чрезмерность материального прогресса очень рискует закончиться каким-нибудь потрясением. Пусть подумают о непрестанном совершенствовании средств разрушения, о все более и более значительной роли, которую они играют в современных войнах, о мало утешительных перспективах, которые открывают в будущем некоторые изобретения, и пусть не пытаются отрицать такую возможность; в конце концов, машины, специально предназначенные для убийства, не являются единственной опасностью. К настоящему времени все дошло до того, что не надо большого воображения, чтобы представить себе Запад, заканчивающийся разрушением самого себя либо в результате гигантской войны, лишь слабую идею которой дает предыдущая война, либо из-за непредвиденного действия какого-то продукта, который при неловком обращении окажется способным заставить взлететь на воздух уже не завод или город, а весь континент. Конечно, еще можно надеяться, что Европа и даже

Америка остановятся на этом пути и опомнятся прежде, чем дойдут по нему до таких крайностей; менее значительные катастрофы могут быть для них полезным предупреждением и из-за страха, ими внушаемого, приведут к остановке этого головокружительного курса, который может вести только в бездну. Это возможно, в особенности, если к этому присоединится более сильное сентиментальное разочарование, способное в массах разрушить иллюзию «морального прогресса»; таким образом, крайнее развитие сентиментализма тоже сможет внести свой вклад в такой спасительный результат, надо только, чтобы Запад, предоставленный самому себе, нашел сам, в своей собственной ментальности, средства реагирования, которые рано или поздно понадобятся. Однако для современной цивилизации всего этого совершенно недостаточно, по крайней мере, в настоящий момент, для того, чтобы сообщить ей другое направление, а поскольку равновесие является почти нереализуемым в этих условиях, то все еще следует опасаться возвращения безусловного варварства, естественного последствия отрицания интеллектуальности.

Сколь ни были бы отдаленными эти предвидения, сегодня западные люди все еще убеждены, что прогресс, или то, что они так называют, может и должен продолжаться до бесконечности; создавая на свой собственный счет иллюзий больше, чем когда бы то ни было, они взяли на себя миссию продвинуть этот прогресс повсюду, навязывая силой потребность в нем тем народам, которые в их глазах, непростительно ошибаются, не принимая его с готовностью. Эта страсть к пропаганде, о которой мы уже упоминали, очень опасна для всего мира, но, прежде всего, для самого Запада, потому что она внушает страх и ненависть; дух завоевания никогда не заходил так далеко и никогда не облекался в лицемерные одеяния, присущие современному «морализму». Однако Запад забывает, что он не имел никакого исторического существования в ту эпоху, когда восточные цивилизации уже достигли своего полного развития[23]; со своими претензиями он кажется восточным людям ребенком,

который горд тем, что быстро приобрел некоторые первоначальные познания, но считает себя всезнающим и хочет обучать старцев, исполненных опыта и мудрости. Это был бы только довольно безобидный каприз, вызывающий только улыбку, если бы западные люди не имели в своем распоряжении грубую силу; то, как они ее используют, полностью меняет облик вещей, так как в этом как раз настоящая опасность для тех, кто охотно вступает с ними в контакт, а не в «ассимиляции», которую они совершенно неспособны реализовать, не будучи ни интеллектуально, ни даже физически достаточно квалифицированными для достижения этого. Действительно, европейские народы обладают самыми нестабильными этническими чертами, потому, конечно, что они сформированы из разнородных элементов и не образуют, собственно говоря, единую расу, они исчезают очень быстро, смешиваясь с другими расами; однако повсюду, где это смешение происходит, поглощаются всегда западные народы, они никогда не могут абсорбировать других. Что касается интеллектуальной точки зрения, то достаточно соображений, уже высказанных нами; цивилизация, без конца находящаяся в движении не имеющая ни традиции, ни глубокого принципа, очевидно, не может оказывать реального влияния на те цивилизации, которые обладают как раз всем тем, чего ей не хватает; и если обратное влияние больше не осуществляется, то только потому, что западные люди не способны понять то, что им чуждо: их непроницаемость в этом отношении есть не что иное, как низшая ментальная ступень, тогда как у восточных людей она исходит из чистой интеллектуальности.

Есть истины, которые необходимо с настойчивостью повторять и повторять, сколь ни были бы они неприятны для многих людей: все преимущества, которыми так хвалятся западные люди, являются чисто воображаемыми, за исключением одного только материального превосходства; оно весьма реально, этого никто не оспаривает и никто им, на самом деле, не завидует; несчастье в том, что им злоупотребляют. Для того, кто имеет смелость видеть вещи такими, каковы они суть, колониальное завоевание не может

основываться, как и любое другое завоевание при помощи оружия, ни на каком другом праве, кроме права грубой силы; пусть ссылаются на необходимость для народа, который считает, что ему у себя дома слишком тесно, расширить свое поле деятельности и пусть скажут, что это нельзя сделать иначе, как только за счет тех, кто слишком слаб, чтобы ему сопротивляться, нам нечего возразить и мы даже не видим, как можно помешать тому, чтобы такие вещи происходили; но пусть, по крайней мере, не претендуют на то, что их заставляют туда внедряться интересы «цивилизации», не имеющие с этим ничего общего. Это мы называем «моралистским» лицемерием: бессознательное среди широких масс, способных только кротко воспринимать идеи, внушаемые им, оно не должно быть таковым для всех в такой же степени, и мы не можем допустить, чтобы государственные деятели, в частности, сами были одурачены фразеологией, которую они используют. Когда некая европейская нация расправляется с какой-нибудь страной, пусть даже заселенной только по-настоящему варварскими племенами, нас никогда не заставят поверить, что они это делают ради чести и удовольствия «цивилизовать» этих бедных людей, которые вовсе их не просили предпринимать дорогостоящие экспедиции и разного рода труды; надо быть очень наивным, чтобы не понимать, что истинная побудительная причина совсем другая, что она в ожидании весьма ощутимых выгод. И какие бы предлоги ни провозглашались, речь прежде всего идет об эксплуатации страны, а часто также и ее обитателей, так как это будет несносным, если они продолжат жить, как им нравится, даже если это никого не стесняет; но поскольку слово «эксплуатировать» звучит плохо, то в современном языке оно называется «извлекать пользу» из страны: это одно и то же, но достаточно заменить слово, как это уже больше не шокирует общественную чувствительность. Естественно, когда завоевание произошло, европейцы дают полную свободу своему прозелитизму, потому что для них это настоящая потребность; каждый народ привносит сюда свой особый темперамент, одни это делают более грубо, другие с большей осторожностью, и последняя позиция, даже

когда она совсем не является результатом расчета, несомненно, самая коварная; мы, конечно, не хотели бы смешивать методы колонизации французов с методами немцев или даже англичан. Что касается достигаемых результатов, то всегда забывают, что цивилизации определенных народов не созданы для других, с отличной от них ментальностью; когда дело имеют с дикарями, то зло, возможно, не так велико, тем не менее, приспосабливая внешнюю сторону европейской цивилизации (а это про исходит весьма поверхностно), они, в основном, склонны имитировать худшие стороны, чем брать то, что там может быть хорошего. Мы не хотим останавливаться на этой стороне вопроса, мы его рассматриваем только попутно; важно то, что европейцы, оказываясь перед лицом цивилизованных народов, ведут себя с ними так, как если бы они имели дело с дикарями, и тогда они становятся по-настоящему невыносимыми; мы говорим не только о людях мало достойных, среди которых слишком часто рекрутируются колонисты и функционеры, мы говорим обо всех европейцах почти без исключения. Это странное умонастроение, в особенности, у людей, непрестанно говорящих о «праве» и «свободе», приводит их к отрицанию у других цивилизаций права на независимое существование; это все, о чем их просят чаще всего, что вовсе не кажется чрезмерным; есть восточные люди, которые даже приспособились бы к иностранной администрации, настолько они мало заботятся о материальных обстоятельствах; только тогда, когда нападают на их традиционные институты, европейское господство становится для них невыносимым. Но западные люди обвиняют, прежде всего, именно этот традиционный дух, потому что они тем больше его опасаются, чем меньше его понимают, будучи сами его лишены; люди этого типа инстинктивно боятся всего того, что их превосходит; все их попытки в этой связи всегда остаются напрасными, так как существует сила, о необъятности которой они даже не подозревают; но если их нескромность привлекает к ним определенные злоключения, то они должны винить только самих себя. В конце концов, непонятно, во имя чего они хотят обязать весь

мир интересоваться исключительно тем, что интересует их ставить экономические занятия на первый план или принимать тот политический режим, которому они отдают предпочтение и который, даже если предположить, что он наилучший для конкретных народов, вовсе не является таковым необходимо для всех; а самое необыкновенное то, что у них такие же претензии не только по отношению к народам, известным им, но также по отношению к тем, среди которых им не удалось внедриться и обосноваться, демонстрируя мнимое уважение к их независимости; фактически, они простирают свои претензии на все человечество в целом.

Если бы это было иначе, то вообще не было бы ни предубеждений, ни систематической враждебности по отношению к западным людям; их отношения с другими были бы нормальными отношениями между различными народами; принимая их такими, какими они являются, с присущими им достоинствами и недостатками и, возможно, сожалея, что с ними нельзя поддерживать по-настоящему интересные, чисто интеллектуальные отношения, но никто не стремился бы их изменить, так как восточные люди вовсе не занимаются прозелитизмом. Даже те из них, которые считаются самыми закрытыми для всего им чуждого, например, китайцы, без неприязни смотрели бы на то, как европейцы прибывали бы к ним индивидуальным образом, чтобы основаться у них ради занятий коммерцией, если бы они слишком хорошо не знали, имея печальный опыт, чему они подвергаются, предоставляя им свободу, какой последует вскоре ущерб от того, что вначале казалось самым невинным. Китайцы являются самым мирным из всех народов; мы говорим мирным, а не «пацифистским», так как они совсем не испытывают потребности создавать об этом напыщенные гуманитарные теории: война претит им, и всё. Если в этом есть слабость в некотором относительном смысле, то в самой природе китайской расы есть сила другого порядка, которая ее действие компенсирует и сознание которой, несомненно, вносит свой вклад в возможность такого мирного умонастроения: эта раса одарена такой

поглощающей способностью, что она всегда и с невероятной быстротой последовательно ассимилировала всех своих завоевателей; это хорошо доказывает история. При этих условиях, нет ничего более смешного, чем химерический ужас от «желтой угрозы», когда-то изобретенной Гийомом II, который даже символически ее изобразил в одной из своих картин с мистическими притязаниями, так как он развлекался живописью, чтобы занять свой досуг; надо совсем не знать восточных людей и быть неспособным понять, насколько им безразличны другие люди, чтобы вообразить себе, что китайский народ поднимется с оружием на завоевание Европы; китайское вторжение, если такое должно когда-нибудь произойти, может быть только мирным проникновением; во всяком случае, это не является неминуемой опасностью. Если бы китайцы имели воинственные намерения, они давно бы начали создавать мощную армию, вместо того, чтобы довольствоваться несколькими военными частями, набранными из разбойников в наказание за их преступления; а если бы они имели западный склад ума, то было бы достаточно тех отвратительных нелепостей, которые публично рассказывают о них по любому случаю, чтобы побудить их послать экспедицию в Европу; для вооруженной интервенции со стороны западных людей даже этого предлога не нужно, но восточных это оставляет совершенно равнодушными. По нашему мнению, еще ни разу не осмелились сказать правду о причинах событий, произошедших в 1900 году; вот они в нескольких словах: территория европейских миссий в Пекине была выведена из-под юрисдикции китайских властей; однако в помещениях немецкой миссии образовалось настоящее логово воров, клиентов лютеранской миссии, которые распространились по всему городу, грабили все, что могли и со своей добычей отступали в свое убежище, никто не имел права их преследовать; они были уверены в безнаказанности; население, наконец, вышло из себя и стало угрожать захватом территории миссии, чтобы расправиться со злодеями, находившимися там; немецкий посланник захотел противостоять этому и принялся выступать перед толпой, но достиг лишь того, что

был убит в драке; чтобы отомстить за эту обиду, безотлагательно была организована экспедиция, и что самое любопытное, все европейские страны, даже Англия, позволили вовлечь себя в это вслед за Германией; не иначе как призрак «желтой опасности» сыграл свою роль в этих обстоятельствах. Стоит ли говорить, что воюющие страны извлекли из своей интервенции значительную выгоду, в особенности, с экономической точки зрения; извлекли прибыль даже не государства: мы знаем лиц, которые заняли очень выгодные позиции для войны… в погребках дипмиссий; их не надо убеждать, что «желтая опасность» не является реальностью!

Но могут возразить, что если не китайцы, то японцы являются очень воинственным народом; это правда, но, прежде всего, японцы, происшедшие от смешения, в котором доминирует малайские элементы, на самом деле, не принадлежат к желтой расе. Вполне возможно, что Япония стремится осуществить свою гегемонию над всей Азией и организовать ее по-своему; но в таком предприятии она встретит такое же сопротивление, как и оказываемое по отношению к европейским народам, а может быть и еще большее. Действительно, китайцы ни к кому не испытывают такой враждебности, как к японцам, несомненно потому, что те, будучи их соседями, кажутся им особенно опасными; они противятся им, как человек, любящий свое спокойствие, противится тому, что угрожает его нарушить, но прежде всего, они их презирают. Японец, по существу, имитатор (китайцы, говорят «обезьяна»), он, бесспорно, отличается в копировании того, что делают другие; постоянно живя заимствованиями, следуя в течение долгого времени за Китаем, теперь он следует за Западом, что, может быть лучше согласуется с его беспокойным характером; этот народ представляет собою настоящую аномалию с восточной точки зрения. Только здесь есть так называемый западный «прогресс», приобретаемый с такой большой скоростью, что, думается, он мог бы послужить реализации той амбиции, о которой мы только что говорили; однако, превосходство в вооружении, даже соединенное с самыми замечательными качествами воинов, не всегда берут верх над

определенными силами иного порядка: это хорошо увидели японцы на Формозе, а Корея тем более не была для них безопасным владением. По существу, японцы легко оказывались победителями в войне, о которой большинство китайцев узнало только после ее окончания, потому что тогда им благоприятствовали некоторые элементы, враждебные маньчжурской династии, и они хорошо знали, что в свое время вмешаются некие иные влияния, чтобы помешать зайти делу слишком далеко. В такой стране, как Китай, многие военные и революционные события принимают совершенно другой вид в зависимости от того, смотрят ли на них издали или вблизи, удивительно, что расстояние их увеличивает: глядя из Европы, они кажутся значительными; в самом же Китае они сводятся к простым местным инцидентам.

Из-за оптической иллюзии того же рода западные люди придают чрезмерное значение деятельности небольших шумливых меньшинств, образованных из людей, которых их собственные соотечественники часто полностью игнорируют или, во всяком случае, не испытывают ни малейшего уважения. Мы имеем в виду тех некоторых индивидов, воспитанных в Европе или в Америке и встречающихся в большем или меньшем количестве во всех восточных странах, которые, потеряв из-за этого образования традиционное направление и забыв о своей собственной цивилизации, верят, что делают добро, афишируя самый крайний «модернизм». Эти «молодые» Востока, как они себя называют сами, чтобы лучше обозначить свои тенденции, никогда не смогут приобрести реального влияния у себя дома; иногда их используют без их ведома для той роли, о которой они и не подозревают, а это сделать тем легче, чем серьезнее они сами себя воспринимают; но бывает также, что, вновь вступая в контакт со своей расой, они мало помалу отрезвляются, отдают себе отчет в том, что их самомнение было вызвано невежеством, и заканчивают тем, что снова становятся восточными людьми. Эти группы людей представляют незначительные исключения, но поскольку они производят некоторый шум вовне, то они привлекают внимание западных

людей, которые, естественно, рассматривают их с симпатией, и которых они заставляют забыть о молчаливом большинстве, в глазах которых эти группы совершенно не существуют. Настоящие восточные люди совсем не стремятся, чтобы их знали заграницей; этим объясняются довольно странные ошибки; мы часто бываем поражены легкостью, с которой принимаются в качестве подлинных представителей восточной мысли некоторые писатели, лишенные компетенции и полномочий, иногда даже находящиеся на содержании европейских властей и выражающие почти только западные идеи; поскольку они носят восточные имена, то им охотно верят на слово, а так как сравнивать не с чем, то исходя из этого, всем их соотечественникам приписывают концепции и мнения, присущие только им самим и часто являющиеся антиподами восточному духу, разумеется, их продукция предназначена строго для европейской или американской публики, а на Востоке и о них никто и никогда не слышал.

Кроме индивидуальных, только что упомянутых исключений и коллективного исключения, представляемого Японией, материальный прогресс поистине никого не интересует в восточных странах, где в нем признают мало преимуществ и много неудобств; но в этом отношении существуют две различные позиции, которые могут даже показаться крайне противоположными, но исходят, тем не менее, из одного и того же духа. Одни ни за что не хотят слышать о так называемом прогрессе и замыкаются в позиции чисто пассивного сопротивления, продолжая себя вести так, как если бы он не существовал; другие предпочитают временно принять этот прогресс, рассматривая его как досадную необходимость, навязанную обстоятельствами на какое-то время, и принять его только потому, что они видят в инструментах, получаемых в свое распоряжении, средство более эффективного сопротивления западному господству, дабы ускорить его конец. Эти два течения существуют повсюду, в Китае, в Индии, в мусульманских странах; и если второе в настоящий момент, кажется, почти повсеместно берет верх над первым, но из этого не следует заключать, что существует

какое-то глубокое изменение в стиле бытия Востока; всякое различие сводится просто к вопросу уместности; не здесь может произойти реальное сближение с Западом, как раз наоборот. Восточные люди, которые хотят вызвать в своих странах промышленное развитие, позволяющее им с этого времени бороться с европейскими народами без ущерба для себя на той же самой территории, где те развертывают свою деятельность, восточные люди, повторим, не отказываются ради этого ни от чего-либо существенного для них в их собственной цивилизации; более того, экономическая конкуренция может стать еще одним источником конфликтов, если не установится согласие в иной области, на более высокой точке зрения. Однако небольшое число восточных людей пришли к следующей мысли: поскольку западные люди решительно невосприимчивы к интеллектуальности, то об этом не должно быть и речи; но, может быть, удастся установить, несмотря ни на что, с некоторыми народами Запада дружественные отношения) ограниченные чисто экономической областью. Это тоже оказывается иллюзией: там, где начинают договариваться о принципах, там все второстепенные трудности сглаживаются, или же никогда не удастся договориться ни о чем; и именно Западу следовало бы, если он это может, сделать первый шаг на пути действительного сближения, потому что все препятствия происходят от того непонимания, свидетельства которого он демонстрирует по сей день.

Надо только пожелать, чтобы западные люди, согласившись, наконец, видеть причину самых опасных недоразумений там, где она действительно есть, т. е. в них самих, освободились бы от этих смешных страхов, самым известным примером которых, несомненно, является «желтая опасность». Существует, также, обыкновение кстати и некстати размахивать пугалом «панисламизма»; несомненно, здесь опасения не лишены основания, так как мусульманские народы, занимая промежуточное положение между Востоком и Западом, обладают одновременно чертами и того и другого, и дух их гораздо более воинственный, чем у чисто восточных людей: но ничего не следует преувеличивать. Истинный

панисламизм прежде всего есть утверждение принципа, главным образом, теоретического характера; чтобы он принял форму политического требования, надо, чтобы европейцы совершили множество оплошностей; в любом случае, он ничего не имеет общего с любым «национализмом», который совершенно несовместим с фундаментальными понятиями ислама. В целом, во многих случаях (в особенности, мы имеем в виду Северную Африку), правильно понятой политики «ассоциации» полностью уважающей мусульманское законодательство и предполагающей полный отказ от всякой попытки «ассимиляции», возможно, было бы достаточно, что избежать опасности, если есть опасность; если подумать, например, какие выдвигаются условия для достижения натурализации во Франции, эквивалентной просто самоотречению (можно было бы привести множество тому примеров), то нельзя не удивиться, сколь часто встречаются здесь трудности и препятствия, которых легко можно было бы избежать при лучшем понимании ситуации; но, повторяем, именно это понимание совершенно отсутствует у европейцев. Не надо забывать, что мусульманская цивилизация является чисто традиционной, как и все восточные цивилизации; это вполне достаточная причина для того, чтобы панисламизм, в какую бы форму он ни облекался, никогда не слился бы с таким движением, как большевизм, как этого, кажется, опасаются плохо информированные люди. Мы не хотим здесь давать никакой оценки русскому большевизму, потому что очень трудно точно знать, как быть с этим; возможно, что реальность там очень сильно отличается от того, что об этом обычно говорят, и что она еще более сложна, чем противники и сторонники могут представить себе; но можно сказать с уверенностью, что это движение является по духу четко антитрадиционным, следовательно, целиком современным и западным. Смехотворно стремиться противопоставить западному духу германскую ментальность или даже русскую, нам неизвестно, какой смысл могут иметь слова для тех, кто поддерживает такое мнение, а тем более для тех, кто объявляет большевизм «азиатским»; в действительности, Германия, напротив, это одна из стран, в

которой западный дух дошел до крайней степени своего выражения: что касается русских, то даже если у них и есть некоторых черты восточных людей, то они все равно интеллектуально крайне далеки от них. Надо добавить, что под Западом мы понимаем также и иудаизм, который всегда осуществлял влияние только в этом направлении воздействие которого, может быть, не совсем чуждо формированию современной ментальности в целом; а как раз та доминирующая роль, которую играли в большевизме еврейские элементы, является для восточных людей, а, в особенности, для мусульман, веским мотивом, чтобы не доверять ему и держаться в стороне; мы не говорим здесь о нескольких агитаторах, типа «младотурков», которые являются, по своей сути, антимусульманами, а часто также евреями по своему происхождению и не пользуются ни малейшим авторитетом. В Индию тем более большевизм не может проникнуть, потому что он находится в оппозиции со всеми традиционными институтами, особенно, с институтом каст; с этой точки зрения, индусы не сделали бы никакого различия между его разрушительным действием и таким же действием, которое старались осуществить всеми средствами англичане; там, где одно потерпело поражение, другое тем более не удастся. Что касается Китая, все русское там, в основном, вызывает антипатию, к тому же, там традиционный дух не менее прочно установлен, чем на всем остальном Востоке; если некоторые вещи там легче переносятся в качестве временных, то это по причине силы усвоения, которая свойственна китайской расе и которая, даже из временного беспорядка позволяет, в результате, извлечь максимальные преимущества; наконец, не следует ради поддержания легенды невозможного и несуществующего согласия, ссылаться на присутствие в России банд наёмников, являющихся обычными разбойниками, от которых китайцы были бы счастливы избавиться в пользу своих соседей. Когда большевики рассказывают, что они получают сторонников своих идей среди восточных людей, то они самообольщаются и хвастают; истина состоит в том, что некоторые из восточных людей видят в России, большевистской или

нет, возможное вспомогательное средство против господства некоторых других западных сил; но большевистские идеи им совершенно безразличны, и даже когда они рассматривают соглашение или временный альянс как приемлемые в определенных обстоятельствах, то только потому, что они хорошо знают, что эти идеи никогда не смогут у них укорениться; если бы это было иначе, то они ни в малейшей степени не стали бы им потакать. Ведь принимают в качестве помощников для определенного действия тех людей, с которыми не имеют никаких общих мыслей, к которым не испытывают ни уважения, ни симпатии; для настоящих восточных людей большевизм, как и все, что идет с Запада, всегда будет только грубой силой; если эта сила может в определенный момент им сослужить службу, то они ее будут, несомненно, приветствовать, но можно быть уверенным, что как только она станет для них бесполезной, они примут все требуемые меры, чтобы она не стала вредоносной. Наконец, восточные люди, которые стремятся избежать западного господства, конечно, не согласились бы, ради достижения этого, попасть в условия, при которых они рисковали бы сразу же подпасть под другое западное господство; они бы ничего не выиграли от такой перемены, а так как их характер исключает всякую лихорадочную спешку, то они предпочитают всегда ждать более благоприятных обстоятельств, сколь отдаленными бы они ни были, чем подвергать себя подобной возможности.

Это последнее замечание позволяет понять, почему восточные люди, которые казались так страстно желающими стряхнуть иго Англии, не подумали сделать это, воспользовавшись войной 1914 года; потому что они хорошо знали, что немцы в случае победы не преминут навязать им, по крайней мере, протекторат, более или менее замаскированный, а они ни за что не хотели этого нового порабощения. Любой восточный человек, имевший случай ближе наблюдать немцев, не думает, что с ними было бы легче договориться, чем с англичанами; так же, впрочем, как и с русскими, но Германия с ее потрясающей организацией, в целом, внушает, и по праву, больше опасений, чем Россия. В Европе, особенно, во

Франции, некоторые вещи часто рассматриваются крайне «упрощенческим» образом: воображают себе, что если кто-то против Англии, то он необходимо должен быть за Германию, и наоборот, как если бы весь мир был приговорен слепо следовать за одной из этих сил. Для того, чтобы французы приняли подобную точку зрения, насколько это к ним относится, надо почти полностью лишиться чувства собственного достоинства; но раз они не понимают, как другие отказываются быть на этой же точке зрения, особенно, живущие вне Европы, то помимо всего прочего, у них полностью искажена способность суждения. Восточные люди, желающие оставаться только восточными, вовсе не хотят принимать участие в чисто европейских раздорах, которые им совершенно безразличны, пока они недосягаемы для их последствий; они, следовательно, вовсе не за Англию и не за Германию, и даже сама эта альтернатива не имеет для них никакого смысла: они никогда не будут выступать за какую-нибудь европейскую силу, а всегда будут против желающих их притеснять, кто бы это ни был, и только против них; по отношению ко всему остальному их позиция может быть лишь нейтральной. Мы, разумеется, говорим здесь только о политической точке зрения, относящейся к государствам и общностям; могут везде и всегда встречаться индивидуальные симпатии и антипатии, остающиеся вне этих соображений, так же как, говоря о западном непонимании, мы имеем в виду общую ментальность, независимо от возможных исключений. Эти исключения, наконец, почти не встречаются как в Германии, так и в Англии или в Америке, несмотря на все претензии германской мысли: эти народы продвинулись дальше всего в предубеждениях современного Запада и поэтому являются наиболее удаленными от восточных во всех отношениях; что касается русских, то лучше не говорить об их интеллектуальных возможностях. Народы, называемые латинскими (хотя это название не может быть принято безоговорочно), в настоящее время являются почти единственными, относительно которых, в определенной мере, можно говорить о сближении с Востоком; здесь, по крайней мере, не наталкиваются на

систематическую и неистребимую враждебность и, вопреки всем предубеждениям, которые необходимо преодолеть, чтобы придти к такому результату, недостаток интеллектуальности у этих народов, может быть, в меньшей степени неизлечим, чем у остального Запада. Для нас, современный дух родился, прежде всего, в германских и англосаксонских странах; в самих этих странах он, естественно, укоренен глубже всего и существует дольше всего, если только не произойдет непредвидимый внезапный поворот. Разумеется, упомянутое нами сближение не может осуществиться непосредственно, при всем том, что дано; но если, как и у нас, появится убеждение в огромном интересе, который оно представляет, то надо начинать уже теперь с подготовки имеющихся в распоряжении средств, какими бы незначительными они ни были; и первое из этих средств состоит в том, чтобы сделать понятными, каковы необходимые условия этого сближения для всех, кто на это способен.

Условия, о которых мы говорим, являются, прежде всего интеллектуальными, они одновременно негативные и позитивные: сначала надо совсем разрушить предубеждения, являющиеся препятствиями, к этому стремились все наши размышления, представленные до сих пор; затем надо восстановить истинную интеллектуальность, утраченную Западом, а изучение восточного мышления, сколь недостаточно оно бы не осуществлялось, может помочь обрести ее заново. В целом, речь идет о полной реформе западного духа; такова конечная цель; но эта реформа, очевидно, может быть реализована, лишь в небольшой элите, чего, однако, будет достаточно для того, чтобы она принесла плоды в более или менее отдаленном будущем, в виду того воздействия, которое эта элита не преминет осуществить, даже не стремясь этого сделать специально, на все западное окружение. Это с большой вероятностью окажется единственным средством отвести от Запада те очень реальные опасности (но совсем не те, о которых обычно думают), которые будут угрожать все больше и больше, если он продолжит следовать своими современными путями; и это также

единственное средство спасти из западной цивилизации в нужный момент все то, что может быть из нее сохранено, т. е. все то, что может быть в ней в каком-нибудь отношении интересного и сопоставимого с нормальной интеллектуальностью, вместо того, чтобы позволить ей вообще испариться в одной из тех катастроф, о возможности которых мы говорили в начале этой главы, не рискуя, впрочем, делать какое-нибудь предсказание. Однако, если такое событие реализуется, то одно только предварительное создание такой элиты в истинном смысле этого слова сможет помешать возвращению варварства; если же у этой элиты будет время достаточно глубоко воздействовать на общую ментальность, то она поможет избежать абсорбции или ассимиляции Запада другими цивилизациями, гипотеза гораздо менее грозная, чем предыдущая, но тоже представляющая определенные помехи, хотя бы временные, по причине этнических революций, которые с необходимостью будут предшествовать этой ассимиляции. Прежде чем идти дальше, мы хотим уточнить нашу позицию по этому поводу: мы совершенно не нападаем на Запад сам по себе, мы видим причину интеллектуального падения на Западе именно в современном духе, а это совершенно другое; по нашему мнению, нет ничего более желательного, чем восстановление собственно западной цивилизации на нормальных основаниях, так как различие цивилизаций, существовавшее всегда, есть естественное следствие умственных различий, свойственных расам. Но различие в формах никоим образом не исключает согласия в принципах; согласие и гармония вовсе не означают единообразия, и думать противоположное значит приносить жертвы эгалитарным утопиям, против которых мы как раз и восстаем. Нормальная цивилизация, как мы ее понимаем, всегда может развиваться, не представляя собою опасности для других цивилизаций; осознавая точное место, которое она должна занимать во всем ансамбле земного человечества, она будет его придерживаться и не создаст никакого антагонизма, потому что у нее не будет никакого притязания на гегемонию и потому что она всегда будет удерживаться от всякого прозелитизма.

Мы, однако, не осмеливались бы утверждать, что какая-нибудь, чисто западная цивилизация может, в интеллектуальном смысле, иметь эквивалент всего того, чем обладают восточные цивилизации; в прошлом Запада, восходя настолько далеко, насколько позволяет знать история, не встречается такого полного эквивалента (за исключением, может быть, некоторых, крайне закрытых школ, о которых поэтому трудно говорить с достоверностью); но тем не менее, имелись вещи отнюдь не ничтожные, игнорируемые нашими современниками систематически и совершенно напрасно. Кроме того, если Западу когда-нибудь удастся поддерживать интеллектуальные отношения с Востоком, то мы не видим, почему бы не воспользоваться ими, чтобы восполнить то, чего ему пока не хватает; можно искать вдохновения или брать уроки у других, не отрекаясь от своей независимости, особенно, если вместо того, чтобы удовлетворяться просто заимствованиями, приспосабливать то, что приобретают, к собственному складу ума. Но повторим еще раз, это пока отдаленные возможности; ожидая, что Запад вернется к своим собственным традициям, вряд ли смогут найти другие возможности подготовить это возвращение и обрести нужные элементы, кроме как действовать по аналогии с традиционными формами, существующими еще и сейчас и доступные для изучения непосредственным образом. Так, понимание восточных цивилизаций смогло бы внести свой вклад в возвращение Запада на традиционные пути, с которых он неосмотрительно сошел, тогда как, с другой стороны, возвращение к этой традиции само по себе способствовало бы сближению с Востоком: эти вещи очень тесно связаны, каким бы образом к ним не подходить, нам же они кажутся одинаково полезными, и даже необходимыми. Все это лучше можно понять, учитывая то, что мы собираемся сказать далее; но уже должно быть ясно, что мы критикуем Запад не из пустого удовольствия критиковать, ни даже для того, чтобы помочь преодолеть ему интеллектуально более низкое положение по сравнению с Востоком; если же работа, с которой следует начать, окажется слишком негативной, то необходимо вначале, как мы уже говорили,

расчистить площадку, прежде чем начать затем строить. Действительно, если Запад откажется от своих предубеждений, то работа будет уже наполовину выполнена, а может быть, больше, чем наполовину, так как ничего уже не будет мешать созданию интеллектуальной элиты, а те, у кого есть способности, требуемые для вхождения в нее, не увидят больше возникающих перед ними почти непреодолимых препятствий, создаваемых современными обстоятельствами, они легко будут с этого времени находить и развивать эти способности, вместо того, чтобы быть подавленными и задыхающимися от ментальной формации или, скорее деформации, навязываемой в настоящее время любому, кто не имеет достаточной смелости поставить себя вне конвенциональных рамок. Наконец, для того, чтобы по настоящему осознать бессодержательность этих, рассматриваемых нами предубеждений, уже должна присутствовать определенная степень позитивного понимания, а для некоторых, может быть, труднее достичь этой ступени, чем идти дальше после ее достижения; чтобы воссоздать интеллект, истина, сколь высока бы она ни была, должна быть более доступной усвоению, чем все праздные ухищрения, в которых «профанная мудрость» современного мира находит столько удовольствия.

Часть вторая
ВОЗМОЖНОСТИ СБЛИЖЕНИЯ

Глава I.
БЕСПЛОДНЫЕ УСИЛИЯ

Формулируя идею сближения Востока и Запада, мы вовсе не претендуем на то, что выдвигаем новую идею, что впрочем, отнюдь не мешает ей быть интересной; любовь к новшеству, являющаяся ничем иным, как потребностью в изменении, и поиск оригинальности как следствие интеллектуального индивидуализма, граничащего с анархией, таковы черты, свойственные современной ментальности, с помощью которых утверждаются ее антитрадиционные тенденции. Фактически, эта идея сближения приходила уже на ум многим на Западе, что не лишает ее ценности и значения; но мы вынуждены констатировать, что она до сих пор не привела ни к какому результату, а противоположное постоянно с неизбежностью даже усиливается, начиная с того времени, как Запад стал двигаться в своем отклоняющемся направлении. В действительности, только одному Западу должно вменяться в вину это удаление, потому что Восток никогда в существенном не менялся; и все попытки, не учитывающие этот факт, должны потерпеть неудачу. Большим недостатком этих попыток является то, что они всегда предпринимаются в направлении, противоположном тому, которое должно быть, чтобы достичь результата: это Запад должен сближаться с Востоком, потому что это он отдалился, и напрасно он старается внушить Востоку приблизиться к нему, так как Восток не считает, что у него сегодня есть причины для изменения так же, как их не было в ходе предшествующих веков. Разумеется, речь никогда не шла для восточных людей о том, чтобы исключить адаптацию, совместимую с сохранением традиционного духа, но если им предлагают изменение, равнозначное переворачиванию всего установленного порядка, то они могут только воспротивиться этому; спектакль, который им предлагает Запад, далек от того, чтобы позволить им себя убедить. Даже если

восточные люди окажутся принужденными в определенной мере принять материальный прогресс, то это никогда не произведет глубокого изменения, потому что, как мы уже говорили, они им не интересуются; они его терпят как необходимость и находят в нем только дополнительный мотив для ненависти к тем, кто заставляет их ему подчиняться; отнюдь не собираясь отказываться от того, что является для них основанием бытия, они замкнутся в себе еще больше, чем когда-либо, и сделаются еще более недоступными и не идущими на сближение.

К тому же, именно западной цивилизации, являющейся самой молодой из всех, элементарные правила вежливости достаточно ясно показывают, когда она вступает в отношения с другими народами, расами и индивидами, что именно ей, а не другим, более старшим, надлежит сделать первый шаг. Конечно, именно Запад пришел к восточным людям, но совершенно с противоположными намерениями: не для того, чтобы учиться у них, как подобает молодым при встрече со стариками, а чтобы стараться, иногда грубо, иногда неявно, навязать им свою манеру видения, чтобы проповедовать среди них всякого рода вещи, в которых они не нуждаются или о которых они не желают слышать. Восточные люди, которые все очень ценят вежливость, шокированы этим неуместным прозелитизмом и грубостью; когда в этом упражняются в их собственной стране, то возникает нечто еще более худшее, по их мнению, а именно, пренебрежение законами гостеприимства; не следует обманываться, восточная вежливость вовсе не является пустым формализмом, подобно соблюдению всевозможных внешних обычаев, которым западные люди дают то же самое имя: она покоится на очень глубоких основаниях, потому что соотносится со всем ансамблем традиционной цивилизации, тогда как на Западе эти основания исчезли вместе с традицией, а то, что продолжает существовать, есть не больше, чем суеверие в собственном смысле слова, не говоря уже о нововведениях, вызванных просто «модой» и ее неоправданными капризами, все превращающими в пародию. Но, даже оставляя в стороне все вопросы вежливости, прозелитизм

является доказательством только лишь невежества и непонимания, знаком интеллектуальной недостаточности, потому что он заключает в себе сентиментализм и, по существу, основывается на его доминировании: нельзя пропагандировать некую идею, не связывая с ней какую-нибудь сентиментальную идею, в ущерб ее чистоте; что касается чистых идей, то довольно того, чтобы их предъявлять тем, кто способен их понять, но никогда не надо убеждать кого бы то ни было. Прозелитизм дает повод такому неблагоприятному суждению, а все дела и слова западных людей его подтверждают; все, в чем они надеются доказать свое превосходство, для восточных людей, наоборот, есть знак низшей ступени.

Если стать вне любых предрассудков, то необходимо согласиться с тем, что Запад ничему не может научить Восток, разве что в чисто материальной области, не очень интересной для Востока, поскольку в его распоряжении есть вещи, по сравнению с которыми это почти ничего не стоит и которыми он не расположен жертвовать ради пустых и напрасных случайностей. В конечном счете, промышленное и экономическое развитие, как мы уже сказали, могут провоцировать только соперничество и борьбу между народами; таким образом, это не может быть почвой для сближения, если только не предположить, что способ сблизить людей именно и состоит в том, чтобы побудить их сражаться одних против других; но мы это понимаем не так, в противном случае, это было бы лишь очень дурной игрой слов. Для нас, когда мы говорим о сближении, речь идет о согласии, а не о соперничестве; к тому же сам способ, которым соблазняют восточных людей принять у себя экономическое развитие, не оставляет для этого никакой надежды. Вовсе не механические изобретения, облегчающие внешние отношения между народами, помогут им лучше понимать друг друга; из этого могут происходить, вообще, только еще более частые столкновения и обширные конфликты; что же касается соглашений, основанных на чисто коммерческих интересах, то слишком хорошо известно, какую ценность следует им придавать. Материя, по самой своей природе, есть принцип разделения и разногласия; все, что

происходит из нее, не может служить основанием реального и длительного союза; к тому же, законом здесь является постоянное изменение. Мы не хотим сказать, что вовсе не следует заниматься экономическими интересами; но, как мы все время повторяем, надо каждой вещи находить ее место, а место, нормально им принадлежащее, скорее последнее, чем первое. Тем более не следует говорить, что надо их заменить сентиментальными утопиями на манер некоего «сообщества наций»; это еще менее надежно, если вообще возможно, так как здесь в основании нет даже той насильственной и грубой реальности, которую, по крайней мере, нельзя оспаривать у вещей чисто чувственного характера; чувство само по себе является не менее изменчивым и непостоянным, чем то, что принадлежит чисто материальной области. В конечном счете, «гуманизм» со всеми его мечтаниями часто есть лишь маска материальных интересов, накладываемая «моралистическим» лицемерием; мы не очень верим в бескорыстие апостолов «цивилизации», впрочем, бескорыстие не является политической добродетелью. По сути, ни на экономической, ни на политической почве не могут быть обретены средства согласия; и только лишь задним числом и вторичным образом экономическая и политическая деятельность будет призвана способствовать этому согласию; его средства, если они существуют, относятся не к области материи и не к области чувства, а к области гораздо более глубокой и стабильной, которая может быть только интеллектом. Но только мы хотим здесь понимать интеллект в его подлинном и полном смысле; речь никоим образом не идет, по нашей мысли, о тех подделках интеллектуальности, которые Запад, к несчастью, с упорством предъявляет Востоку, и которые, впрочем, есть все, что он может себе представить, потому что он не знает ничего другого и даже для самого себя он ничем другим не располагает; ему недостает существенного; то, чем может удовлетвориться Запад, совершенно непригодно для того, чтобы дать Востоку хотя бы малейшее интеллектуальное удовлетворение.

Западная наука, даже тогда, когда она не смешивается просто с

промышленностью и когда она независима от практических приложений, есть в глазах восточных людей всего лишь «незнающее знание», о котором мы говорили, потому что она не связана ни с каким принципом высшего порядка. Ограниченная чувственным миром, принимаемым ею в качестве своего единственного предмета, она, как таковая, не имеет чисто умозрительной ценности; если бы еще она была подготовительным средством для достижения знаний более высокого порядка, тогда восточные люди были бы весьма склонны ее уважать, полностью учитывая, что это средство очень искажено и, в особенности, что оно мало приспособлено к их собственному складу ума; но дело обстоит совсем не так. Эта наука, напротив, учреждена таким образом, что она фатально создает умонастроение, приводящее к отрицанию всякого другого познания, это то, что мы назвали «сциентизмом»; или же она принимается как цель в себе, или же она имеет выход только в направлении практических приложений, т. е. в самом низшем порядке, где само слово «познание», в той полноте смысла, который ему придают восточные люди, может использоваться лишь только при чрезмерно расширенном толковании. Теоретические результаты аналитической науки, сколь бы значительными они ни казались западным людям, являются для восточных людей весьма ничтожными, на них все это производит впечатление детских забав, недостойных длительного внимания тех, кто способен приложить свой интеллект к другим предметам, можно сказать, тех, кто обладает подлинным интеллектом, потому что остальное есть только его более или менее смутное отражение. Вот к чему сводится «высокая идея», которую могут создать себе восточные люди о европейской науке со слов западных людей (здесь вспоминается пример Лейбница, приведенный нами выше) и это даже тогда, когда перед ними предстает самая подлинная и самая полная продукция, а не только элементарные понятия «популяризации»; и с их стороны этот совсем не неспособность ее понять и оценить, напротив, это понимание ее истинной ценности при сравнении ее с тем, чего не хватает западным людям. Действительно, европейская наука, поскольку в

ней нет ничего поистине глубокого, нет ничего сверх того, чем она кажется, является легко доступной любому, кто захочет взять на себя труд изучить ее; несомненно, всякая наука конкретно приспособлена к ментальности народа, ее создавшего, но там нет ни малейшего эквивалента тем трудностям, которые встречают западных людей, желающих проникнуть в «традиционные науки» Востока; эти трудности состоят в том, что традиционные науки исходят из принципов, о которых у них нет ни малейшего представления и из того, что в них используются совершенно другие исследовательские средства, превосходящие узкие рамки, замыкающие в себе западный дух. Недостаток адаптации, если он и существует с обеих сторон, выражается совершенно различным образом: для западных людей, которые изучают восточную науку, это почти что непоправимое непонимание, как бы прилежно они этого не делали, если не учитывать всегда возможные, но очень немногочисленные индивидуальные исключения; для восточных людей, изучающих западную науку, это только отсутствие интереса, вовсе не мешающее пониманию, но, очевидно, мало располагающее посвящать этому изучению силы, которые можно использовать лучше. И пусть не рассчитывают на научную пропаганду или на какой-нибудь другой вид пропаганды, чтобы достичь сближения с Востоком; сама важность, которую западные люди придают такого рода вещам, дает об их ментальности довольно невыгодное представление восточным людям, и даже когда они их считают интеллектуальными, то их интеллектуальность имеет для тех и для других разный смысл.

Все то, что мы говорим о западной науке, мы можем сказать и о философии, и даже с отягчающими обстоятельствами, состоящими в том, что хотя ее умозрительная ценность не является более реальной и значительной, она не обладает даже той практической ценностью, пусть относительной и вторичной, которая все же еще кое-что собою представляет; и с этой точки зрения, мы можем отнести к философии все то, что в самой науке обладает характером чистых гипотез. Впрочем, в современном мышлении нельзя произвести никакого глубокого различения между научным познанием и философским:

первое пришло к тому, что охватывает все, доступное этому мышлению, а второе в той мере, в которой оно еще сохраняет свое значение, есть уже не более чем часть первого или его модальность, которому дают место только из-за привычки или же по причинам, по сути, гораздо более историческим, нежели логическим. Если философия имеет более значительные притязания, то тем хуже для нее, так как эти притязания не могут быть ни на чем основаны; когда же хотят придерживаться современного состояния западной ментальности, то легитимной оказывается только позитивистская концепция, нормальным образом приводящая к «сциентистскому» рационализму или к прагматической концепции, которая решительно отбрасывает всякое умозрение, чтобы придерживаться утилитарного сентиментализма: таковы всегда две тенденции, между которыми колеблется вся современная цивилизация. Для восточных людей, напротив, так выраженная альтернатива не имеет никакого смысла, потому что то, что их интересует по существу и на самом деле, находится по другую сторону этих двух определений, так же как и их концепции находятся по другую сторону от всех искусственных проблем философии, а их традиционные учения находятся по ту сторону от всех систем, чисто человеческих измышлений в самом прямом смысле этого слова, мы хотим сказать, измышлений индивидуального разума, который, не признавая своих ограничений, считает себя способным охватить всю Вселенную или же реконструировать ее по прихоти своей фантазии и который, в особенности, полагает в качестве принципа абсолютное отрицание всего того, что его превосходит. Под этим надо понимать отрицание метафизического познания, которое относится к сверхрациональному порядку и является чисто интеллектуальным, т.е. познанием по преимуществу; современная философия не может признать существование истинной метафизики без того, чтобы самой не разрушиться, а что касается «псевдометафизики», которая входит в ее состав, то это всего лишь более или менее искусное собрание исключительно рациональных гипотез, на самом деле, научных, которые, в основном, ни на чем серьезном не основаны. В любом

случае, значение этих гипотез всегда крайне ограничено; некоторые значимые элементы, которые могут быть туда включены, никогда не выходят слишком далеко за обычную научную сферу, а их тесная связь с самыми жалкими фантазиями, не в меньшей степени, чем систематическая форма, в которой они предстают, может лишь окончательно подорвать уважение к ним в глазах восточных людей. У них нет того особого способа мышления, к которому подходит наименование философии: у них не встречается ни систематического духа, ни интеллектуального индивидуализма; но если у них нет несообразностей философии, то они имеют освобожденный от всякой примеси эквивалент всего того, что она может содержать в себе интересного и что в их «традиционных науках» принимает даже гораздо более высокое значение; и сверх того они имеют несравненно больше, потому что в качестве принципа всего остального они имеют метафизическое познание, сфера которого абсолютно не ограничена. Таким образом, философия с ее попытками объяснения, с ее абстрактными разграничениями, с ее бесполезными изысками, ее бесцельными дискуссиями и поверхностными разглагольствованиями, кажется им как бы особой детской игрой; мы уже приводили оценку того индуса, который, в первый раз услышав концепции некоторых европейских философов, заявил, что в них были идеи, более или менее походящие для ребенка восьми лет. Таким образом, в еще меньшей степени можно рассчитывать на философию, чем на обычную науку, чтобы вызвать восхищение у восточных людей или хотя бы произвести на них благоприятное впечатление, и не надо воображать себе, что когда-нибудь они примут этот способ мышления, отсутствие которого в цивилизации не вызывает никакого сожаления и характерная узость которого является одной из самых больших опасностей интеллекта; все это для них является, как мы говорили, подделкой интеллектуальности, предназначенной исключительно для тех, кто, будучи неспособным видеть дальше и выше, из-за своей собственной ментальной конституции или под воздействием воспитания, навсегда обречен игнорировать то, чем является истинная

интеллектуальность.

Мы добавим еще несколько слов относительно того, что специально касается «философии действия»; эти теории, в целом, посвятили себя полному отречению от интеллекта; может быть, в этом смысле, было бы лучше открыто отказаться от всякой видимости интеллектуальности, чем бесконечно продолжать создавать иллюзии при помощи ничтожных спекуляций; но тогда зачем упорствовать в своем желании все еще создавать теории? Допускать, что действие должно быть поставлено надо всем, потому что неспособны достичь чистого умозрения, — это отношение, поистине, слишком напоминает лисицу из басни… Как бы то ни было, не следует льстить себя надеждой конвертировать их в похожие учения восточных людей, для которых умозрение несравненно выше действия; наконец, вкус к внешнему действию и поиски материального прогресса тесно связаны между собой, и незачем лишний раз повторять, не испытывают ли наши современники потребности «философствовать» по этому поводу, что хорошо показывает, что их понимание философии может быть чем угодно, кроме истинной мудрости и чисто интеллектуального познания. Поскольку представился случай, мы им воспользуемся, чтобы рассеять возможное непонимание: сказать, что умозрение выше действия, вовсе не означает сказать, что все должны устраниться от участия в последнем; в человеческом сообществе, иерархически организованном, каждому должна быть отведена функция, которая соответствует его собственной индивидуальной природе, на этом принципе в Индии основан, в сущности, институт каст. Если же Запад когда-нибудь придет к иерархическому и традиционному устройству, т. е. основанному на истинных принципах, то мы ни в коем случае не думаем, что основная масса людей станет исключительно созерцательной или даже что она будет на той же ступени, что и восточные массы; это, действительно, возможно на Востоке, но на Западе особые климатические условия и темперамент противостоят и всегда будут противостоять этому. Интеллектуальные способности будут, несомненно, гораздо более

распространены, чем сегодня; но еще важнее то, что умозрение будет нормальным занятием элиты и даже под истинной элитой не будут понимать никакую другую, кроме интеллектуальной. Впрочем, одного этого довольно, чтобы такое положение вещей было полностью противоположным тому, которое мы видим в настоящее время, когда материальное богатство почти полностью занимает место всякого действительного превосходства, прежде всего потому, что оно непосредственно соответствует занятиям и амбициям, доминирующим на современном Западе с его чисто земным горизонтом, а также потому, что оно является единственным видом превосходства, который может приспособиться к посредственности демократического духа. Такой переворот позволит оценить весь объем изменений, которые должны осуществиться в западной цивилизации, чтобы она стала нормальной и сравнимой с другими цивилизациями и чтобы она перестала быть причиной потрясения и беспорядка в мире.

До сих пор мы намеренно воздерживались от упоминания о религии среди того, что Запад может представить Востоку; ведь если религия тоже представляет собою нечто западное, то она совсем не является чем-то современным, и как раз против нее современный дух концентрирует всю свою враждебность, потому что на Западе она является единственным элементом, сохраняющим традиционный характер. Мы, разумеется, говорим только о религии в собственном смысле слова. А не о деформациях или имитациях, которые, напротив, родились под влиянием современного духа и которые им отмечены до такой степени, что они почти полностью подобны философскому «морализму». Относительно религии в собственном смысле слова восточные люди могут испытывать только уважение как раз по причине ее традиционного характера; и даже если бы западные люди проявили бы себя более привязанными к своей религии, каковыми они обычно не являются, то, конечно, их больше бы уважали на Востоке. Однако не надо забывать, что у восточных людей традиция не облекается специально в религиозную форму, за исключением мусульман, которым присуще кое-что западное;

однако, различие внешних форм является только делом адаптации к различным типам ментальности, там же, где традиция не приняла спонтанно религиозной формы, то она вовсе и не должна ее принимать. Ошибка состоит здесь в том, что хотят к восточным людям приспособить формы, которые не созданы для них, которые не отвечают требованиям склада их ума, но которые они, впрочем, считают превосходными для западных людей: так, иногда можно видеть индусов, убеждающих европейцев вернуться к католицизму и даже старающихся помочь им его понять, не имея при этом ни малейшего желания самим к нему присоединиться. Несомненно, нет полного равенства между всеми традиционными формами, потому что они соответствуют реально различным точкам зрения; но в той мере, в какой они эквивалентны, замена одной формы на другую была бы, очевидно, бесполезна; а в той мере, в которой они различаются не одним только выражением (что вовсе не означает, что они будут противоположны или будут противоречить друг другу), эта замена может быть только вредной, потому что она неизбежно будет провоцировать недостаток адаптации. Если же восточные люди не имеют религии в западном смысле слова, то они имеют все то, что им соответствует; в то же время, они имеют больше с интеллектуальной точки зрения, потому что у них есть чистая метафизика, по отношению к которой теология есть только частичный ее перевод, затронутый сентиментальной окраской, присущей религиозной мысли как таковой; если у них чего-то меньше, то только с сентиментальной точки зрения, потому что у них в этом нет потребности. Только что сказанное показывает, почему предпочтительным решением, как мы полагаем, для Запада является возвращение к его собственной традиции, восполненной в области чистой интеллектуальности, если она имеется (это, впрочем, касается только элиты); религия не может занять место метафизики, но она никоим образом не является с ней несовместимой, и в мусульманском мире есть этому доказательство в двух взаимодополняющих аспектах, в которых предстает ее традиционная доктрина. Добавим, что даже если западные люди отрекаются от

сентиментализма (мы под этим понимаем доминирование, приписываемое чувству над разумом), то основные западные массы будут сохранять потребность в сентиментальном удовлетворении, которое может им предоставить только религиозная форма, так же как они будут сохранять потребность во внешней деятельности, совершенно несвойственную восточным людям; каждая раса имеет свой собственный темперамент, и если правда, что это только незначащие случайности, то все же только достаточно немногочисленная элита может не принимать этого во внимания. Что же касается упомянутого удовлетворения, то собственно говоря именно в религии западные люди могут и должны находить его нормальным образом, а не в более или менее экстравагантных суррогатах, питающих «псевдомистицизм» некоторых наших современников, беспокойная и сбившаяся с пути религиозность, тоже представляющая собою симптом умственной анархии, которой страдает современный мир, из-за которой он даже рискует погибнуть, если ему не доставят лекарство до того, как будет уже слишком поздно.

Таким образом, среди проявлений западной мысли одни являются просто смешными в глазах восточных людей (все, имеющие специфически современный характер), другие же пользуются уважением, но они не являются исключительно достоянием Запада, хотя сегодня западные люди имеют тенденцию обесценивать или отбрасывать их, потому, несомненно, что они все еще представляют для них нечто слишком возвышенное. Следовательно, с какой бы стороны на этот вопрос не посмотреть, осуществить сближение за счет восточной ментальности оказывается совершенно невозможным; как мы уже говорили, это Запад должен сближаться с Востоком; но для того, чтобы он действительно с ним сблизился, одной доброй воли недостаточно; прежде всего, нужно понимание. Однако до сих пор западные люди, которые более или менее серьезно и искренне стремились понять Восток, достигли, в основном, весьма жалких результатов, потому что они привнесли в свое изучение все предрассудки, загромождающие их разум, тем

более, что это были «специалисты», приобретшие предварительно определенные умственные установки, от которых невозможно было освободиться. Разумеется, среди европейцев, которые жили в непосредственном контакте с восточными людьми, все же были способные понять и усвоить некоторые вещи, и как раз потому, что они не были «специалистами», а были более свободны от предвзятых идей; но обычно, они ничего не написали; то, что они узнавали, они хранили для себя, впрочем, если бы им довелось говорить об этом с другими западными людьми, то непонимание, которое в подобных случаях обнаруживают западные люди, обескуражило бы их и привело бы к такой же осмотрительности, как и у восточных людей. Запад, в целом, никогда не умел извлекать пользу из некоторых индивидуальных исключений; что же касается трудов, которые там составляются относительно Востока и его учений, то лучше было бы иногда даже и не знать об их существовании, потому что простое незнание лучше, чем ложные идеи. Мы не хотим повторять все то, что мы уже сказали о продукции ориенталистов: с одной стороны, они, в результате, сбивают с толку западных людей, которые обращаются к ним, не имея средства их очистить от ошибок, а с другой стороны, способствуют тому, что дают (ввиду выставленного там напоказ непонимания) восточным людям еще более досадное представление о западной интеллектуальности. В этом отношении, это только подтверждает оценку, которую восточные люди уже сформулировали через посредство того, что они знают о Западе, и еще больше усилили у них эту установку осмотрительности, о которой мы только что упоминали; но первое препятствие более тяжелое, особенно, если инициатива сближения должна придти с западной стороны. Действительно, кто-нибудь, обладающий непосредственным знанием Востока, может, читая самый плохой перевод или самый причудливый комментарий, выявлять частички истины, которые несмотря ни на что, продолжают там существовать без ведома автора, который, не понимая, выполнил только переложение и который если что-то угадал, то как-то случайно (это часто происходит в английских переводах, которые выполнены

добросовестно и без излишней предвзятости, но также и безо всякой заботы об истинном понимании); часто можно там даже восстановить смысл, который был извращен, и во всяком случае, можно безо всякого вреда обращаться за справками к работам этого рода, даже не извлекая никакой другой пользы; но совершенно иным образом обстоит дело для обычного читателя. Ведь он, не имея никакого средства контроля, может обладать только двумя установками: или он безоговорочно верит в то, что восточные концепции именно таковы, какими их ему представляют, и он испытывает вполне объяснимое к этому отвращение, в то время как все западные предубеждения еще сильнее укрепляются; или же он отдает себе отчет, что эти концепции не могут, на самом деле, быть такими абсурдными и лишенными смысла, он более или менее смутно чувствует, что там должно быть что-то другое, но не знает, что же это может быть, и отчаявшись узнать это когда-нибудь, он отказывается этим заниматься и даже не хочет больше думать об этом. Таким образом, окончательным результатом будет всегда отдаление, а не сближение; мы, естественно, говорим только о людях, которые интересуются идеями, потому что только среди них находится тот, кто смог бы понять, если бы ему предоставили для этого средства; что касается остальных, которые видят в этом только предмет любопытства и эрудиции, то мы не хотим даже заниматься ими. В конце концов большинство ориенталистов являются всего лишь эрудитам и хотят ими быть; пока они ограничиваются историческими или филологическими трудами, это не имеет большого значения; очевидно, что работы такого рода ничем не могут служить для достижения той цели, которую мы здесь рассматриваем, их опасность, в общем, та же, что и во всех злоупотреблениях эрудицией, мы хотим сказать, распространение «интеллектуальной близорукости», ограничивающей любое знание поисками деталей и напрасной тратой сил, которые могли бы быть лучше использованы во многих случаях. Еще более важно, по нашему мнению, то, что деятельность, осуществляемая некоторыми ориенталистами, которые претендуют на понимание и

интерпретацию учений и извращают их при этом самым невероятным образом, иногда заявляя, что они их понимают лучше, чем сами восточные люди (как Лейбниц воображал, что нашел истинный смысл знаков Фу-Си), и даже не думают узнать мнение авторитетных представителей тех цивилизаций, которые они хотят изучать, что, однако, следовало бы сделать в первую очередь, вместо того, чтобы поступать так, как будто речь идет об реконструкции исчезнувших цивилизаций.

Эта невероятная претензия только лишь выражает веру западных людей в свое собственное превосходство: даже когда они соглашаются принять к рассмотрению идеи других, они считают самих себя настолько умными, что считают себя способными понимать эти идеи гораздо лучше, чем те, кто их выработал, и что им достаточно на них посмотреть извне, чтобы полностью понять, как к этому относиться; когда имеют такое доверие к самими себе, то вообще утрачивают всякую возможность реального обучения. Среди предрассудков, вносящих свой вклад в поддержание такого умонастроения, есть такой, который мы назвали «классическим предрассудком» и о котором мы уже упоминали по поводу веры в единственную и абсолютную «цивилизацию», лишь частной формой которой является эта: поскольку современная западная цивилизация считает себя наследницей греко-романской цивилизации (что верно лишь до определенной степени), то не хотят ничего знать кроме нее[24] и убеждены, что все остальное лишено интереса или может быть лишь предметом чего-то вроде археологического интереса; заявляют, что в других местах нельзя найти никакой стоящей идеи или что, по крайней мере, если случайно таковая встретится, то она должна также существовать и в греко-романской античности; и хорошо еще, если не доходят до утверждения, что это может быть только заимствованием, сделанным у этой последней. Те же, кто так специально не думает, не в меньшей степени подвержены влиянию этого предрассудка: есть и такие, кто афишируя определенную симпатию к восточным учениям, всеми силами хотят втиснуть их в

рамки западной мысли, что полностью искажает их, это доказывает, по сути, что они ничего в них не понимают; некоторые, например, хотят видеть на Востоке только религию и философию, т. е. то, чего там нет, но не хотят видеть то, что там существует в действительности. Никто никогда не заходил дальше в этих ложных уподоблениях, как немецкие ориенталисты, у которых как раз самые большие претензии и которым удалось почти полностью монополизировать интерпретацию восточных учений: с их узко систематическим складом ума они делают из них не только философию, но нечто совершенно похожее на их собственную философию, тогда как речь идет о вещах, никакого отношения к этим теориям не имеющих; очевидно, они не могут смириться со своим непониманием и не могут удержаться от того, чтобы все привести в соответствие со своей ментальностью, веря, что они доставили большое счастье тем, кто оценивает их идеи «пригодными для детей восьми лет». Наконец, в Германии сами философы непосредственно в этом замешаны, Шопенгауэр, в частности, во многом ответственен за то, каким образом там интерпретируют Восток; и сколько людей, даже вне Германии, начавших повторять (вслед за ним и его учеником фон Гартманом) готовые фразы о «буддистском пессимизме», который они даже охотно положили в основание индуистский учений! Есть большое число европейцев, которые воображают себе, что Индия является буддистской, столь велико их невежество, и как бывает в подобных случаях, они не упускают случая говорить об этом кстати и некстати; наконец, если публика приписывает буддизму чрезмерное значение, то вина за это лежит на невероятном количестве ориенталистов, специализировавшихся на этом, которые к тому же нашли средства все деформировать, отклонившись от восточного духа. Истина состоит в том, что ни одна восточная концепция не является «пессимистической» и что даже буддизм не является таковым; правда, что там нельзя найти и большого «оптимизма», но это просто доказывает, что такие этикетки и классификации сюда не приложимы, а также и все другие, также созданные для европейской философии, и что

восточными людьми вопросы ставятся иным образом; чтобы рассматривать вещи в терминах «оптимизма» и «пессимизма», нужен западный сентиментализм (этот самый сентиментализм подтолкнул Шопенгауэра искать «утешения» в Упанишадах); глубокая безмятежность, которую дает индуса чистое интеллектуальное созерцание, находится по ту сторону от этих случайностей. Мы не сможем закончить если захотим обнаружить все ошибки такого рода, даже одной из этих ошибок было бы достаточно, чтобы доказать полное непонимание; у нас совсем нет намерения давать здесь каталог неудач (немецких и других), которыми заканчивается изучение Востока, предпринятое на ошибочных основаниях и вне всякого истинного принципа. Мы упомянули Шопенгауэра только потому, что он является очень «показательным» примером; из ориенталистов в собственном смысле слова мы уже выше цитировали Дойссена, интерпретирующего Индию в соответствии с концепциями того же Шопенгауэра; напомним также Макса Мюллера, пытающегося обнаружить «семена буддизма», т. е. инакомыслия, даже в ведических текстах, которые являются главным основанием традиционной индуистской ортодоксии. Мы могли бы продолжать таким образом почти без конца, даже приводя всего один или два момента для каждого; но мы ограничимся еще одним, последним примером, потому что он поможет четко показать конкретную, очень характерную, предвзятую точку зрения: это Ольденберг, «априори» отбрасывающий все тексты, в которых сообщается о фактах, кажущихся чудесными, и утверждающий, что в этом надо видеть позднейшие добавления, не только от имени «исторической критики», но под предлогом, что «индогерманцы» (sic) не допускают чудес; пусть бы он говорил, если он хочет, от имени современных немцев, которые не зря ведь являются изобретателями так называемой «науки о религии»; но то, что он приписал индусам свои мнения, свойственные антитрадиционному духу, вот что переходит все границы. Мы уже в другом месте сказали, что следует думать о гипотезе «индогерманизма», причина существования которой чисто

политическая: ориентализм немцев, как и их философия, стал инструментом на службе их национальных амбиций, что, впрочем, не говорит о том что его представители необходимым образом бесчестны; нелегко постичь, до чего может дойти ослепление, причина которого во вторжении сентиментальности в те области, которые должны быть резервированы для интеллекта. Что касается антитрадиционного духа, находящегося в глубине «исторической критики» и всего того, что более или менее прямо с этим связано, то он является чисто западным, а на самом Западе — чисто современным; мы не будем на этом останавливаться слишком долго, потому что именно это глубже всего отвращает восточных людей, которые в высшей степени традиционалисты и которые были бы ничем, если бы они не были таковыми, потому что все, что образует их цивилизации, является строго традиционным; следовательно, именно от этого духа следует в первую очередь освободиться, если хотят иметь какую-то надежду на взаимопонимание с ними[25].

Кроме более или менее «официальных» ориенталистов, у которых, по крайней мере, за отсутствием других интеллектуальных качеств, есть добрая воля, в общем, неоспоримая, есть (как западное представление восточных учений) только мечтания и бредни теософов, представляющие собою ткань из грубых ошибок, усугубляемых к тому же приемами самого низкого шарлатанства. Мы посвятили этому предмету специальное исследование[26], где мы обращались только к самым строго установленным фактам, чтобы полностью обличить все претензии этих людей и чтобы показать, что у них нет никакого основания говорить от имени Востока, а как раз наоборот; поэтому мы не хотим к этому возвращаться, но мы не можем удержаться от упоминания об их существовании, поскольку одним из их притязаний как раз является осуществление на свой манер сближения Востока и Запада. Здесь тоже, даже не говоря о политической изнанке, играющей значительную роль, присутствует антитрадиционный дух, который под покровом фантастической псевдотрадиции безудержно пускается в беспочвенные теории,

ведущая нить которых образована эволюционистской концепцией; под обрывками, заимствованными из самых разных доктрин и за санскритской терминологией, используемой почти всегда вопреки смыслу, стоят совершенно западные идеи. Если бы и могли быть там элементы сближения, то Восток должен был бы все взять на себя: ему же уступают на словах, но требуют отказаться от всех его основных идей, а также от всех институтов, к которым он привязан; однако, восточные люди, в особенности, индусы, которых имеют в виду прежде всего, вовсе этим не обманываются и прекрасно знают как поступать с подлинными тенденциями такого рода; нельзя льстить себе, что их можно соблазнить, предлагая им грубую карикатуру на их же учения, если бы даже у них не было иного мотива остерегаться и отстраняться от них. Что касается тех западных людей, которые даже при отсутствии истинного интеллекта, все же обладают простым здравым смыслом, то они почти не задерживают свое внимание на этих экстравагантностях, но, к несчастью, их слишком легко убедить, что они являются восточными, тогда как в них ничего восточного нет; впрочем, и здравый смысл сегодня на Западе встречается крайне редко, нарушение умственного равновесия постигает его все больше и больше, что и способствует современному успеху теософии и всех других аналогичных предприятий, которых мы объединили под одним родовым именем «неоспиритуализм». Если нет и следа «восточной традиции» у теософов, то и у оккультистов не больше подлинной «западной традиции»; повторим, во всем этом нет ничего серьезного, есть только сбивчивый и бессвязный «синкретизм», в котором древние концепции интерпретируются самым ошибочным и произвольным образом и который, представляется, существует только затем, чтобы служить прикрытием самого явного «модернизма»; и если в нем имеется некоторый «архаизм», то только во внешних формах, концепции античности и западного средневековья в нем почти так же плохо поняты, как концепции Востока в теософии. Конечно, не в этом Запад мог бы когда-нибудь вновь обрести свою собственную традицию, тем более он не мог бы

соединиться с восточной интеллектуальностью, и по тем же причинам; эти две вещи здесь тесно связаны, что бы не думали те, кто видит оппозиции и антагонизмы там, где их нет; именно среди оккультистов есть те, кто считает себя обязанным говорить о Востоке, о котором они ничего не знают, с оскорбительными эпитетами, выдающими их настоящую ненависть и, возможно, досаду от чувства, что там есть познания, в которые им никогда не удастся проникнуть. Мы вовсе не упрекаем ни тех, ни других в недостаточном понимании, в конце концов, они не ответственны за это; но являясь западным человеком, надо признавать это открыто (мы имеем в виду интеллектуальную точку зрения), а не надевать восточную маску; если обладают современным духом то пусть осмелятся, по крайней мере, признаться в этом (столько есть людей, гордящихся этим!) и пусть не упоминают о традиции, которой не владеют. Выступая против такого лицемерия, мы думаем, естественно, только о руководителях тех движений, о которых идет речь, а не об обманутых ими; следует еще сказать о том, что бессознательность часто соединяется с недобросовестностью, определить вклад той и другой в точности довольно трудно; не является ли также бессознательным у большинства людей «морализирующее» лицемерие? Впрочем, для последствий этого не имеет значения, кто есть те, о которых мы хотим напомнить, последствия будут не менее плачевными: западная ментальность становится все более и более искаженной и самым различным образом; она блуждает и рассеивается во всех направлениях, среди самых тревожных беспокойств, посреди самых мрачных фантасмагорий безумного воображения; будет ли это, на самом деле, началом конца? Мы не хотим здесь давать случайных предположений, но тем не менее, много дается знаков для размышления тем, кто еще на это способен; удастся ли Западу вовремя прийти в себя?

Мы же, придерживаясь того, что было констатировано раньше и не стараясь предвидеть будущее, скажем следующее: все попытки, предпринимавшиеся до сих пор по сближению Востока и Запада,

осуществлялись в пользу западного духа, и поэтому они потерпели поражение. Это справедливо не только по отношению к откровенно прозападной пропаганде (это самый распространенный случай), но также и к тем попыткам, которые претендуют, что они основаны на изучении Востока: не столько стремятся понять сами восточные учения, сколько свести их к западным концепциям, что ведет к их полному извращению. Даже когда нет осознанной и явной предвзятой позиции обесценить Восток, все равно, имплицитно предполагается, что все то, чем обладает Восток, должен также обладать и Запад; однако, это совершенно ошибочно, особенно, когда речь идет о современном Западе. Таким образом, из-за неспособности понимания, которая, по большей части, есть следствие предубеждений (так как кроме неспособных по естественной причине, есть и другие, кто приобрел эту неспособность только в силу предвзятых идей), западные люди ничего не постигают из восточной интеллектуальности; тогда же, когда они воображают себя постигшими ее и способными ее выразить, они создают только карикатуры, а в текстах и символах, которые они хотят объяснить, они находят только то, что они сами туда вложили, т. е. западные идеи: ведь буква сама по себе это ничто, а дух от них ускользает. В этих условиях, Запад не может выйти за границы, в которых он заключен; а так как внутри этих границ, вне которых для него на самом деле больше ничего нет, он продолжает непрестанно устремляться по материальному и, одновременно, сентиментальному пути, все больше удаляющему его от интеллектуальности, то, очевидно, расхождение с Востоком только увеличивается. Мы только что видели, почему ориенталистские и псевдоориенталистские попытки сами способствуют этому; повторим, именно Запад должен взять на себя инициативу, но чтобы на самом деле идти навстречу Востоку, а не стараться притягивать Восток к себе, как он делал до сих пор. Для Востока нет никакой причины принимать инициативу на себя, даже если условия западного мира не делали бы бесполезным всякое усилие в этом направлении; но если бы серьезная и осознанная попытка была

предпринята со стороны Запада, то авторитетные представители всех восточных цивилизаций могли бы продемонстрировать только крайнюю благосклонность. Теперь нам осталось только сказать, как можно рассматривать такую попытку после того, как мы увидели в этой главе подтверждение и применение тех соображений, которые мы развивали по ходу первой части нашего исследования, так как мы там показали, что, в основном, тенденции, присущие современному западному духу, делают невозможным всякую интеллектуальную связь с Востоком; а пока не начнут друг друга понимать на интеллектуальной почве, все остальное будет совершенно напрасным и бесполезным.

Глава II.
СОГЛАСИЕ В ПРИНЦИПАХ

Когда намереваются говорить о принципах наших современников, то не следует надеяться без труда их понять, так как большинство из них совершенно не знают, что это такое и даже сомневаются, что они могут существовать; конечно, они тоже часто говорят о принципах, они даже говорят о них слишком много, но применяют это слово всегда к тому, к чему оно не подходит. Так, в наше время, называют «принципами» несколько более общие, чем остальные, научные законы, которые, на самом деле, как раз являются их противоположностью, потому что они суть индуктивные результаты и выводы, если только не являются простыми гипотезами. Еще чаще это название прилагают к моральным концепциям, т. е. даже не идеям, а выражениям неких сентиментальных устремлений, или к политическим теориям, часто тоже сентиментальным в своей основе, как слишком известный «принцип национальностей», что способствовало беспорядку в Европе больше, чем можно вообразить; разве не дошли до того, что стали говорить о «революционных принципах», как если бы это не было противоречием в понятиях? Когда злоупотребляют словом до такой степени, то об его истинном значении полностью забывают; это совершенно сходно с подобным же случаем со словом «традиция», применяющемся, как мы уже раньше отмечали, к любому чисто внешнему обычаю, сколько ни был бы он баналей и незначителен; можно привести еще один пример: если бы западные люди сохранили религиозный смысл своих предков, то разве не стали бы они избегать использования по любому поводу таких выражений, как «религия отчизны», «религия науки», «религия долга» и другие того же рода? В этом не столько пренебрежение нормами языка, что не так важное, сколько симптомы той путаницы, которая встречается повсюду в современном мире: больше не делают

различия между самыми разными точками зрения и областями, между тем, что должно оставаться разделенным самым тщательным образом; ставят одну вещь на место другой, к которой она не имеет никакого отношения; язык же только верно, в целом, представляет состояние умов. А поскольку, кроме того, существует соответствие между ментальностью и ее установлениями, то причины этой путаницы являются также причинами, по которым воображают себе, что кто бы то ни был может выполнять какую бы то ни было функцию; демократический эгалитаризм есть только проявление и следствие интеллектуальной анархии в социальном плане; сегодня западные люди во всех отношениях являются поистине людьми «без каст», как говорят индусы, и даже «без семьи», в том смысле, как это понимают китайцы; у нет больше ничего того, что составляет основу и сущность других цивилизаций.

Эти размышления возвращают нас к исходной точке: современная цивилизация страдает от отсутствия принципов и она от этого страдает во всех областях; из-за странной аномалии она является единственной цивилизацией, среди всех остальных, у которой нет принципов или же есть только негативные принципы, что одно и то же. Это как обезглавленный организм, который продолжает жить жизнью одновременно интенсивной и беспорядочной; социологи, которые так любят сравнивать общности с организмами (и часто совершенно неоправданным образом), должны несколько поразмыслить над этим сравнением. Если чистая интеллектуальность устранена, то каждая специальная и конкретная область рассматривается как независимая; одна вторгается в другую, все смешивается и спутывается в безысходный хаос; естественные отношения переворачиваются, то, что должно быть подчиненным, становится автономным, вся иерархия устраняется от имени химерического равенства, как в умственном, так и в социальном порядках; а так как равенство фактически невозможно, то создаются ложные иерархии, в которых на первые места выдвигается все, что угодно: наука, промышленность, мораль, политика или финансы, за неимением единственной вещи, которой может и должно быть

возвращено превосходство, т. е., повторим еще раз, за неимением истинных принципов. Пусть не торопятся кричать перед этой картиной о преувеличении; пусть сперва возьмут на себя труд искренне изучить состояние дел, и если не будут ослеплены предубеждениями, то поймут, что оно именно таково, как мы это описываем. В беспорядке находятся ступени и последовательность, для нас это бесспорно; такое не случилось внезапно, одним ударом, но фатальным образом должно было произойти, раз в современном мире отсутствие принципов, так сказать, доминирует и конституирует то, чем он является; и там, где мы сегодня существуем, результаты уже достаточно явны, чтобы кто-нибудь начал уже беспокоиться об этом и предчувствовать угрозу окончательного распада. Есть вещи, которые правильно можно определить только через отрицание: анархия, в каком бы плане она не проявлялась, есть только отрицание иерархии, в этом нет ничего позитивного; анархическая цивилизация или отсутствие принципе вот что лежит в основе современной западной цивилизации, и это то же самое, что мы в других терминах выразили, когда сказали, что, в противоположность восточным цивилизациям, она не является традиционной То, что мы называем традиционной цивилизацией, есть цивилизация, покоящаяся на принципах в истинном смысле слова, т. е. в ней интеллектуальный порядок доминирует над всеми остальными, все из него следует прямо или опосредованно, а когда речь идет о науках или социальных институтах, то это, в конечном счете, лишь вторичные, случайные и подчиненные приложения чисто интеллектуальных истин. Таким образом, возвращение к традиции или возвращение к принципам реально есть одно и то же; но, очевидно, что надо начинать с восстановления познания принципов, там, где оно было утрачено, прежде чем думать об их приложении; не может быть вопроса о восстановлении традиционной цивилизации во всей целостности без овладения изначальными и фундаментальными данными, которыми следует руководствоваться. Хотеть действовать иначе означает вносить еще большую путаницу туда, где предполагают от нее избавиться, это означает непонимание

того, чем является традиция по своей сущности; таков случай всех изобретателей псевдотрадиций, о которых мы упоминали выше; и если мы настаиваем на столь очевидных вещах, то нас к этому обязывает состояние современной ментальности, так как мы знаем, насколько сложно достичь того, чтобы она не переворачивала нормальные отношения. Люди с самыми наилучшими намерениями, если они обладают чертами такой ментальности, то даже вопреки им самим и при провозглашении себя ее противниками, очень даже могли бы соблазниться и начать с конца, т. е. просто поддаться тому особому головокружению от скорости, охватившей весь Запад, или же захотеть сразу же получить те видимые и ощутимые результаты, которые являются «всем» для современных людей, настолько их ум, в силу того, что он повернулся к внешнему, стал неспособным постичь что-либо другое. Вот почему мы так часто повторяем, рискуя наскучить, что прежде всего надо поместить себя в область чистой интеллектуальности и что никогда ничего не сделать важного, если не начать с этого; и все, что относится к этой области, хотя и не поддается чувствам, имеет гораздо более громадные последствие, чем то, что зависит только от случайного порядка; может быть, это трудно понять тем, кто к этому не привык, но тем не менее это так. Только не надо смешивать чисто интеллектуальное с рациональным, универсальное с общим, метафизическое познание с научным; по этому поводу мы отсылаем к объяснениям, которые мы уже дали в другом месте[27], и мы не думаем, что нам следует извиняться, так как бесконечное и ненужное воспроизведение одних и тех же размышлений будет излишним.Когда мы говорим о принципах в абсолютном смысле (безо всякой спецификации) или о чисто интеллектуальных истинах, то речь идет всегда об исключительно универсальном порядке; это область метафизического познания, познания самого по себе сверхиндивидуального и сверхрационального, интуитивного, а вовсе не дискурсивного, независимого от всякой относительности; надо также добавить, что интеллектуальная интуиция, которой

достигается такое познание, ничего общего не имеет с той инфрарациональной интуицией, присущей сентиментальному, инстинктивному или чисто чувственному порядку, которая только и рассматриваются современной философией. Естественно, концепция метафизических истин должна отличаться по своей формулировке, в которой может принять участие и дескриптивный разум (при условии что он принимает прямое отражение чистого и трансцендентного интеллекта), чтобы по мере возможности выразить эти истины, которые безгранично превосходят его области и значение, и которым, по причине их универсальности, любая символическая или вербальная форма всегда может давать только неполный, несовершенный и неадекватный перевод, пригодный, скорее, чтобы служить «опорой», чем действительно передать то, что, по большей части, является само по себе невыразимым и непередаваемым, что может быть «принято» только прямо и лично. Напомним, наконец, что если мы и придерживаемся термина «метафизика», то исключительно потому, что он лучше всего подходит из всего того, что западные языки предоставляют в наше распоряжение; если философы стали применять его к совершенно другим вещам, то путаница идет с их стороны, а не с нашей, потому что только этот смысл, который мы имеем в виду, согласован с этимологическим словообразованием, путаница же, происходящая от их полного незнакомства с истинной метафизикой, совершенно аналогична тому, что мы отмечали выше. Мы вовсе не считаем, что должны учитывать эти неправильности языка, достаточно предохранить от ошибок, которым они могут дать место; раз мы приняли все нужные предосторожности в этом отношении, то мы не видим никакой серьезной помехи, чтобы пользоваться таким словом; мы не любим прибегать к неологизмам, когда это не является настоятельно необходимым; наконец, во многих случаях можно избежать затруднения, если позаботиться с наибольшей точностью зафиксировать смысл используемых терминов, это лучше, конечно, чем изобретать запутанную и сложную терминологию ради удовольствия, в согласии с обычаем философов, придающих себе,

таким образом, задешево блеск оригинальности. Если кто-то считает это наименование «метафизика» неудобным, то можно еще сказать, что речь идет о «познании» по преимуществу, без эпитетов, а у индусов, действительно, другого слова для обозначения этого нет; но мы не думаем, что для европейских языков использование этого слова само по себе может устранять недоразумения, потому что его привыкли применять, к тому же без всяких ограничений, также и к науке и к философии. Таким образом, мы будем продолжать просто говорить о метафизике, как мы это всегда делали; мы надеемся, что не сочтут бесполезным отступлением разъяснение о том, что мы, по возможности, всегда стараемся говорить ясно, что только по видимости отдаляет нас от предмета нашего рассмотрения.

Именно по причине самой универсальности принципов согласие должно быть легко достижимым, причем совершенно непосредственным образом: их понимают или не понимают, но как только их поняли, то уже нельзя не придти к согласию. Истина одна, и для познающих ее она открывается одинаково при условии, разумеется, что ее действительно и достоверно познают; а интуитивное познание не может быть иным, нежели достоверным. В этой области оказываются вне и над всякой частной точкой зрения; различия заключаются всегда не в самих принципах, а в более или менее внешних формах, что является лишь вторичной адаптацией; можно даже сказать, что речь здесь идет о «неформальном» по своей сути. Познание принципов строго одно и то же для всех людей, которые им обладают, так как ментальные различия могут затрагивать лишь то, что относится к индивидуальному, следовательно, случайному порядку, они не достигают чисто метафизической области; несомненно, каждый будет по-своему выражать то, что он понял, в той мере, в какой он сможет это выразить, но тот, кто на самом деле понял, всегда будет признавать за внешним разнообразием выражений единую истину, это неизбежное разнообразие никогда не будет причиной несогласия. Однако, чтобы видеть сквозь все множественные формы скорее то, что они более скрывают, чем то, что выражают, надо обладать

истинной интеллектуальностью, ставшей совершенно чуждой для западного мира; трудно поверить, насколько тогда покажутся пустыми и ничтожными все философские дискуссии, касающиеся в гораздо большей степени слов, нежели идей, даже если идеи там не полностью отсутствуют. Для того, что является истинами случайного порядка, множественность применяемых там индивидуальных точек зрения может дать место реальным различиям, которые, впрочем, не являются, с необходимостью, противоречиями; ошибка систематических умов состоит в том, что они признают законной только свою собственную точку зрения и объявляют ложным все то, что ей не соответствует; но когда различия становятся реальными, но еще примиримыми, согласие может перестать быть непосредственным, тем более что каждый, естественно, испытывает некоторое затруднение занять точку зрения других, его ментальная конституция не может без отвращения пойти на это. В области принципов ничего такого нет, и в этом находится объяснение того видимого парадокса, что самое высокое в какой-нибудь традиции может одновременно быть и самым доступным для понимания и усвоения, не зависимо от рас и эпох, только при условии достаточной способности понимания; это свободно от всяких случайностей. Напротив, для всего остального, а именно, для «традиционных наук», нужна специальная подготовка, в общем, довольно трудная для тех, кто родился не в создавшей эти науки цивилизации; только потому, что речь идет о случайных вещах, сюда привносятся ментальные различия; наиболее подходящий способ, которым люди определенной расы рассматривают вещи, вовсе не является подходящим в той же мере для других рас. В данной цивилизации можно увидеть, в этом ряду, различные способы приспособления в соответствии с эпохами, состоящие, однако, лишь в строгом развитии содержащегося в принципе фундаментального учения, который, таким образом, становится явным, чтобы отвечать на нужды определенного момента, но никогда нельзя сказать, что какой-то новый элемент привнесен сюда извне; если речь заходит о традиционной цивилизации, то здесь уже не будет ни чего-то

большего, ни иного.

В современной западной цивилизации, напротив, принимаются во внимание только случайные вещи, и рассматриваются они, поистине, беспорядочным способом, потому что там отсутствует направление, открываемое только чисто интеллектуальной доктриной, к которой ничего нельзя добавить. Разумеется, речь не идет о том, чтобы оспаривать результаты, к которым таким путем пришли или о том, чтобы отрицать их относительную ценность; представляется даже естественным, что в конкретной области достигают тем больше, чем более узко ограничена там деятельность: если науки, так интересующие западных людей, никогда прежде не приобретали развития, сравнимого с тем, которое они им придали, то дело в том, что они не были столь важны, чтобы им посвящать столько усилий. Но если результаты являются ценными, когда их берут по отдельности (что хорошо согласуется с аналитическим характером современной науки), то все в целом может производить впечатление только беспорядка и анархии; заботятся не о качестве аккумулируемых знаний, а только об их количестве; это рассеивание в бесконечных деталях. Более того, над этими аналитическими науками нет ничего: они не привязаны ни к чему и ни к чему не ведут в интеллектуальном плане; современный дух замыкается во все более и более сокращающейся относительности, и в этой области, столь мало распространенной в реальности, хотя ее считают огромной, он смешивает все, соединяет самые различные предметы, прилагает к одному методы, которые соответствуют исключительно другому, переносят в одну науку условия, отличающие ее от другой, в конце концов, он теряется и не может там больше ориентироваться, потому что ему не хватает направляющих принципов. Отсюда хаос бесчисленных теорий, гипотез, которые сталкиваются, противоречат друг другу, разрушаются, заменяют друг друга, вплоть до того, что, отказываясь от знания, некоторые доходят до заявления, что надо исследовать ради исследования, что истина недостижима для человека, что, может быть, она даже и не существует, что уместно заниматься только тем, что полезно и выгодно, и сверх того, если

одобряют это, называя истинным, то здесь нет никакой несообразности. Интеллект, отрицающий истину, отрицает, таким образом, основание своего бытия, т. е. он отрицает сам себя; последнее слово западной науки и философии это самоубийство интеллекта; может быть, в этом только прелюдия того чудовищного космического самоубийства, о котором грезили некоторые пессимисты, принявшие за «небытие» (le neant)[28] высшую реальность метафизическое «не-бытия» (le non-etre), а за инерцию высшую неподвижность «недеяния» (non-agir)!

Единственная причина всего этого беспорядка — это незнание принципов; если восстановят чистое интеллектуальное познание, то все остальное вновь может стать нормальным: можно восстановить порядок во всех областях, установить окончательное вместо временного, устранить все пустые гипотезы, прояснить синтезом все фрагментарные результаты анализа и, разместив эти результаты в ансамбле истинного познания, достойного этого имени, придать им (хотя они должны занимать только подчиненный ранг) несравнимо более высокое значение, чем то, на которое они могут претендовать в настоящее время. Для этого сначала надо искать истинную метафизику там, где она действительно существует, т. е. на Востоке; и затем, после этого, сохраняя западные науки в их значимой и законной части, можно будет думать о том, чтобы придать им традиционную основу, привязывая их к принципам тем способом, который соответствует природе их объектов, и указывая им то место, которое им принадлежит в иерархии познания. Желать начинать с учреждения на Западе чего–то сравнимого с «традиционными науками» Востока, означает желать абсолютно невозможного; и если правда, что Запад когда-то тоже, особенно, в Средние века, имел свои «традиционные науки», все же надо признать, что они почти полностью потеряны, а для того, что осталось, уже нет ключа, и что для современных западных людей они были бы так же мало доступны, как и те, которые бытуют на Востоке; измышления оккультистов, которые хотели вмешаться в восстановление таких

наук, служат тому достаточным доказательством. Это не означает, что когда будут иметь необходимые для понимания данные, т. е. когда будут владеть познанием принципов, то смогут отчасти взять за образец эти древние науки или же восточные науки, почерпнуть в тех и других некоторые пригодные для использования элементы, в особенности, найти там пример того, что надо сделать, чтобы придать другим наукам аналогичный характер; но речь должна идти всегда об адаптации, а не о простом копировании. Как мы уже говорили, только принципы являются строго неизменными; только их познание не подвержено никакой модификации, и тем не менее, они в себе содержат все необходимое, чтобы реализовать все возможные приложения в любом относительном порядке. Следовательно, вторичная разработка, о которой идет речь, может происходить как бы сама собой, как только это познание начнет главенствовать; и если этим познанием владеет элита, достаточно мощная, чтобы определять подобающее общее состояние духа, то все остальное будет делаться с видимостью спонтанности, подобно тому, как представляется спонтанной продукция современного духа; это всегда только видимость, потому что массы всегда находятся под влиянием и управляемы без их ведома, но можно направлять их в нормальную сторону, а можно провоцировать и поддерживать в них ментальное отклонение. Работа чисто интеллектуального порядка, которую надо выполнять в первую очередь, является, следовательно, первой во всех отношениях, будучи одновременно и самой важной и самой необходимой, потому что от этого все зависит и исходит; но когда мы используем выражение «метафизическое познание», то сегодня очень мало существует тех среди западных людей, кто может, даже смутно, предположить все, что оно в себе заключает.

Восточные люди (мы говорим только о тех, кто на самом деле может таким считаться) никогда не согласятся принимать во внимание какую-нибудь иную цивилизацию, не обладающую, как их собственные, традиционным характером; но не может быть и речи о том, чтобы однажды вдруг, без всякой подготовки, придать такой характер цивилизации, полностью его лишенной; мечтания и утопии

не в нашем вкусе, стоит оставить для неосмотрительных энтузиастов тот неизлечимый «оптимизм», который делает их неспособными признать, что можно, а что нельзя выполнить в определенных условиях. Восточные люди, придающие времени лишь очень относительную ценность, хорошо знают, что это такое, и они не стали бы совершать те ошибки, в которые могут быть вовлечены западные люди из-за своей болезненной спешки, вносимой в любое их начинание и непоправимо подрывающее стабильность: когда думают, что достигли цели, все рушится; это как если бы захотели построить здание на зыбкой почве, не дав себе труда начать с закладки прочного фундамента под тем предлогом, что его не видно. Конечно, те, кто предпринимает труд, о котором идет речь, не должен надеяться немедленно достичь видимых результатов; но их работа не будет из-за этого менее эффективной и реальной, как раз наоборот, не имея никакой надежды когда-нибудь увидеть внешний расцвет, они лично приобретут отнюдь не меньше удовлетворения и неоценимых преимуществ. Нет даже никакой общей меры между результатами внутренней работы самого высокого порядка и всем тем, что может быть обретено в области условного; если западные люди думают иначе и здесь также переворачивают естественные отношения, то потому, что они не могут возвыситься над чувственными вещами; всегда легко отрицать ценность того, о чем не знаешь, а когда не способны достичь этого, то это лучшее средство утешиться в своей немощи, средство, к тому же, доступное всем. Может быть, скажут: если это так и если эта внутренняя работа, с которой надо начинать, только и является существенной, то почему занимаются другими вещами? Потому что, хотя условное лишь только вторично, но оно, тем не менее, существует; когда мы находимся в проявленном мире, мы не можем полностью от него отрешиться; однако, поскольку все должно исходить из принципов, остальное может достигаться в некотором роде «сверх этого»; очень ошиблись бы, запрещая себе предполагать такую возможность. Существует еще одна причина, в большей степени присущая современным условиям западного духа: этот дух, будучи тем что он

есть, имеет мало шансов заинтересовать даже возможную элиту (мы хотим сказать, тех, кто обладает необходимыми, но еще не развитыми интеллектуальными способностями) реализацией, которая должна оставаться чисто внутренней, по крайней мере, она предстает только в этом аспекте; гораздо легче будет ее заинтересовать, показав, что сама эта реализация должна произвести, пусть отдаленные, результаты во внешнем; что, на самом деле, является истинной правдой. Если цель всегда одна и та же, то существует много различных путей ее достижения или, лучше сказать, приближения к ней, ибо с того момента, как в трансцендентной области достигли метафизики, все различия исчезают; среди всех этих путей надо выбрать наилучшим образом соответствующий тем умам, которым он адресован. Особенно, вначале, все, что угодно или почти все может служить «опорой» иди поводом; там, где не организовано никакое традиционное образование, где интеллектуальное развитие встречается исключительно редко, иногда очень трудно сказать, чем оно было определено; самые разные и самые неожиданные вещи могли ему послужить отправной точкой, сообразно индивидуальной природе и согласно внешним обстоятельствам. Во всяком случае, не тому, что посвящали себя чистой интеллектуальности, обязаны потерей того влияния, которое она может и должна, пусть не прямо, оказывать во всех областях, и даже не обязательно это влияние должно быть намеренным. Добавим (хотя это и трудно для понимания), что никакая традиция никогда не запрещала тем, кого она привела к определенным вершинам, направлять затем в более низшие области, не теряя при этом то, что они приобрели и что не может быть у них отнято, «духовные влияния», сконцентрированные в них, которые, распределяясь по ступеням согласно их иерархическим отношениям, распространяются там как отражение и причастность к высшему интеллекту [29].

В познании принципов и восстановлении «традиционных наук» существует еще одна задача или другая часть той же задачи, действие

которой непосредственно заставит себя почувствовать в социальном плане; она, впрочем, является единственной, для которой, в значительной степени, Запад может найти решение в самом себе; это требует некоторых разъяснений. В Средние века западная цивилизация обладала неоспоримо традиционным характером; трудно сказать, можно ли его сравнивать по полноте с восточными цивилизациями, в особенности, приводя те или иные формальные свидетельства. Если придерживаться того, что известно, то западная традиция, существовавшая в это время, была по форме религиозной традицией; но это не означает, что там не было ничего другого, по этой причине элита не может быть лишена чистой интеллектуальности, высшей из всех форм. Мы уже говорили, что здесь не существует никакой несовместимости, и приводили в этом отношении пример ислама; мы вспомнили здесь об этом, потому что мусульманская цивилизация по своему типу в наибольшей степени, за небольшим отступлением, приближается к типу европейской цивилизации Средних веков; эту аналогию следовало бы учитывать. С другой стороны, не надо забывать, что религиозные или теологические истины, так таковые, не рассматриваются с чисто интеллектуальной точки зрения и не обладают универсальностью, принадлежащей только метафизике, они суть принципы лишь в относительном смысле; и если бы принципы в собственном смысле слова, приложением которых они являются, не были бы известны совершенно осознанным образом хотя бы некоторым, сколь немногочисленными бы они ни были, то трудно было бы предположить, что внешне религиозная традиция могла иметь такое влияние, которое она, действительно, имела в течение столь длительного периода, и что она производила в различных областях, не относящихся к ней непосредственно, все те результаты, которые засвидетельствованы историей и которые не могут полностью скрыть ее современные фальсификаторы. Наконец, надо сказать, что в схоластической доктрине есть по крайней мере часть метафизической истины, может быть, недостаточно свободной от философских условностей и слишком нечетко отделяемой от

теологии; конечно, это не всеобщая метафизика, но все же это метафизика, в то время как у наших современников ее нет и следа[30]; говорить, что там есть метафизика, означает, что эта доктрина, со всем тем, что она охватывает, должна с необходимостью находиться в согласии со всеми другими метафизическими доктринами. Восточные учения идут гораздо дальше и в разных направлениях; но, может быть, в Средние века на Западе были дополнения к тому, чему обучали внешним образом, и эти дополнения, предназначенные исключительно для очень закрытой среды, никогда не были сформулированы в каком-нибудь письменном тексте, так что самое большее, что можно найти в этом отношении, это только символические намеки, достаточно ясные для того, кто знает, о чем идет речь, но совершенно непостижимые для любого другого. Мы хорошо знаем, что в настоящее время в различных религиозных средах существует очень четкая тенденция отрицать всякий «эзотеризм» как для прошлого, так и для настоящего; но мы думаем, что эта тенденция, помимо того, что она заключает в себе некоторые добровольные уступки современному духу, по большей части происходит от того, что слишком много думают о ложном эзотеризме некоторых наших современников, не имеющем абсолютно ничего общего с подлинным эзотеризмом, который мы имеем в виду и многие следы которого еще можно найти, если не быть затронутым никакой предвзятой идеей. Как бы то ни было, есть бесспорный факт: Европа Средних веков делала несколько попыток установить отношения с восточными народами, и эти отношения оказали значительное воздействие в сфере идей; известно, хотя, может быть, еще недостаточно, чем она обязана арабам, естественным посредникам между Западом и самыми отдаленными районами Востока; были также прямые отношения с Центральной Азией и с самим Китаем. Уместно было бы более внимательно изучить эпоху Карла Великого, а также крестовых походов, когда, если имелись внешние битвы, то в равной степени были и знания на более внутреннем плане, если можно так

выразиться; мы должны отметить, что битвы обеих традиций друг против друга, порожденные в равной мере их религиозной формой, не имеют никакого основания и не могут происходить там, где традиция не облекается в эту форму, как это имеет место в более восточных традициях; в этом последнем случае не может быть ни антагонизма, ни даже простой конкуренции. У нас еще будет случай вернуться к этому; в настоящий момент мы хотим подчеркнуть то, что западная цивилизация Средних веков со всеми ее истинно умозрительными познаниями (даже оставляя в стороне вопрос о том, как далеко они простирались) и с ее социальным иерархическим устройством была, в достаточной мере, сравнима с восточными цивилизациями, чтобы был возможен определенный интеллектуальный обмен (с той же оговоркой), характер современной цивилизации, напротив, делает его абсолютно невозможным.

Если же кто-то, все еще предполагая, что возрождение Запада состоится, примет решение прибегнуть только к чисто западным средствам (лишь сентиментализм мог бы их к этому склонить), то они, несомненно, выдвинут такое возражение: почему бы тогда просто не вернуться к религиозной традиции Средних веков, привнеся все необходимые модификации в социальные отношения? Другими словами, почему бы не удовлетвориться тем, чтобы, не ища ничего другого, предоставить католицизму былое доминирование, восстановить в соответствующей древней форме «Христианский Мир», единство которого было разбито Реформой и последующими событиями? Конечно, если бы это было реализуемо, то это уже было бы кое-что, это было бы даже немало для исцеления от ужасающего беспорядка современного мира; но, к несчастью, это не так легко, как может показаться некоторым теоретикам, отнюдь нет; препятствия разного рода не замедлят возникнуть перед теми, кто захотел бы осуществить в этом направлении эффективную деятельность. Мы не будем перечислять здесь все эти трудности, но отметим, что современная ментальность в целом, кажется, вовсе не хочет поддаваться трансформации такого рода; следовательно, здесь

нужна также подготовительная работа, которая будет, возможно, не менее длительной и не менее тягостной, чем рассмотренная нами, а ее результаты никогда не будут такими же глубокими, даже если предположить, что те, кто ее захочет предпринять, будут на самом деле располагать нужными средствами. Кроме того, ничто не свидетельствует о том, что в традиционной цивилизации Средних веков была только эта внешняя и чисто религиозная сторона; несомненно, есть еще что-то, и не только схоластика; мы только что сказали, почему мы думаем, что должно быть еще что-то, так как все это, несмотря на свой неоспоримый интерес, все же есть нечто внешнее. Наконец, когда замыкаются подобным образом в одной специальной форме, согласие с другими цивилизациями может реализовываться только в довольно ограниченной мере, вместо того, чтобы создаваться на чем-то более фундаментальном; следовательно, среди относящихся сюда вопросов, многие не будут разрешены, даже если не учитывать того, что крайности западного прозелитизма всегда будут препятствием и постоянно создавать риск все скомпрометировать; этот прозелитизм может быть окончательно остановлен только через полное постижение принципов и согласие по существу, которое за этим непосредственно последует, даже не нуждаясь в том, чтобы его специально формулировали. Тем не менее, само собою разумеется, что если работа в метафизической и религиозной областях будет осуществляться одновременно и параллельно, то мы увидим только преимущества, будучи при этом убеждены, что даже если она будет вестись в них совершенно независимо одна от другой, то результаты, в конце концов, могут быть только совпадающими. В конечном счете, если возможности, которые мы имеем в виду, должны реализоваться, то рано или поздно, собственно религиозное обновление состоится, как специально присущая Западу возможность; оно может быть частью работы, предназначенной для интеллектуальной элиты, когда она будет создана, или же, если это произойдет раньше, то элита найдет в нем опору, пригодную для своей собственной деятельности. Религиозная форма содержит все то, что нужно для западных масс,

которые, действительно, могут там найти удовлетворение требуемое их темпераментом; эти массы никогда нё будут иметь потребности в чем-то другом, а через эту форму они должны получать влияние высших принципов, влияние, которое, оставаясь непрямым, будет ее реальным соучастием[31]. Таким образом, в полноте традиции могут иметься оба взаимодополняющих и накладывающихся друг на друга аспекта, никоим образом не противоречащих друг другу или вступающих в конфликт, потому что они соотносятся с существенно различающимся областям; чисто интеллектуальный аспект прямо касается только элиты, только ей, с необходимостью, надлежит осознавать связь, устанавливаемую между двумя областями, чтобы обеспечить всеобщее единство традиционного учения.

В общем, мы ничего не хотим исключать из мира и полагаем, что никакая работа не бесполезна, лишь бы она шла в желаемом направлении; усилия, относящиеся только ко второстепенным областям, все же могут кое-что дать, не совсем ничтожное, последствия чего, непригодные для непосредственного приложения, могут проявиться впоследствии и, согласовавшись со всем остальным, со своей стороны содействовать, пусть и в слабой степени, созданию того ансамбля, который мы предвидим в будущем, несомненно, довольно далеком. Поэтому, если есть кто-нибудь, кто захочет уже теперь начать изучение «традиционных наук», каково бы ни было их происхождение, (не во всей их полноте, что в настоящее время невозможно, но, по крайней мере, некоторых элементов), то это кажется нам вещью, достойной одобрения, но при двойном условии, что изучение будет происходить при достаточных данных, чтобы не впасть заблуждение, что уже предполагает гораздо больше, чем можно было бы подумать, и чтобы оно никогда не теряло из виду главного. Впрочем, оба эти условия тесно связаны: тот, кто обладает достаточно развитой интеллектуальностью для того, чтобы с уверенностью приняться за такое изучение, больше уже не подвергается соблазну принести в жертву высшее низшему; в какой бы области он не осуществлял свою деятельность, он всегда

будет иметь в виду, что делает работу, вспомогательную по отношению к той, которая осуществляется в сфере принципов. В этих условиях, если иногда случается, что «научная философия» совпадает в некоторых своих заключениях с древними «традиционными науками», то, в определенной степени, было бы интересно выделить это, тщательно избегая их объединения с какой угодно конкретной научной или философской теорией, так как всякая теория этого рода меняется и проходит, тогда как все, что покоится на традиционной основе, приобретает постоянную ценность, независимую от результатов всех позднейших исследований. Наконец, из наличия совпадений или аналогий, никогда не надо делать заключения о подобии, невозможном в силу того, что речь идет о существенно различных способах мышления; и надо быть очень внимательным, чтобы не сказать ничего такого, что могло бы быть интерпретировано в этом смысле, так как большинство наших современников, ввиду самого способа, которым ограничен их умственный горизонт, придают слишком большое значение этим неоправданным подобиям. С этими оговорками, мы можем утверждать, что все то, что делается, имеет свое основание в поистине традиционном духе, и основание глубокое; но, тем не менее, существует определенный порядок, который следует соблюдать, по меньшей мере, общим образом, в соответствии с необходимой иерархией различных областей. Впрочем, чтобы обладать в полной мере традиционным духом (а не только «традиционалистским», что предполагает только тенденцию или стремление), надо уже проникнуть в область принципов, а этого достаточно, чтобы получить внутреннее направление, от которого нет больше возможности отклоняться.

Глава III.
ОБРАЗОВАНИЕ И РОЛЬ ЭЛИТЫ

Мы уже не раз говорили выше о том, что мы называем интеллектуальной элитой; можно легко понять, что мы под этим имеем в виду совсем не то, что этим же именем обозначается на современном Западе. Самые знаменитые в своих областях ученые и философы могут не иметь никакой квалификации для того, чтобы составить часть этой элиты; у них для этого не много шансов из–за приобретенных ими умственных привычек и многих предрассудков, неотделимых от этого, а в особенности, из-за той «интеллектуальной близорукости», которая является самым обычным следствием этого; всегда могут быть почетные исключения, но не стоит слишком на это рассчитывать. Вообще, больше ресурсов есть у незнающего, чем у тех, кто специализировался в существенно ограниченном порядке исследований и кто претерпел деформацию, присущую определенному воспитанию; незнающий может в себе иметь возможности понимания, которые ему не представился случай развить, и это происходит тем чаще, что способ распределения западного образования является самым ущербным. Говоря об элите, мы имеем в виду способности чисто интеллектуального порядка, которые не могут определяться никаким внешним критерием; это не имеет ничего общего с «профанным» образованием; в некоторых странах Востока есть люди, не умеющие ни читать, ни писать, достигшие, тем не менее, очень высокой ступени в интеллектуальной элите. Впрочем, ничего не надо преувеличивать, как в одном направлении так и в другом: из того, что две вещи являются независимыми, не следует, что они несовместимы; и если в условиях современного мира, «профанное» или внешнее образование может предоставить дополнительные действенные средства, то было бы, конечно, неправильно чересчур ими пренебрегать. Однако есть некоторые исследования, которые можно безнаказанно осуществлять

только тогда, когда, приобретя это неизменное внутреннее направление, становятся уже окончательно неуязвимы для всякой умственной деформации; когда достигли этой точки, то больше нет никакой опасности, так как всегда известно, куда направляются: можно приступить к любой области, не рискуя затеряться там или задержаться дольше, чем надо, так как заранее известно ее точное значение; больше не впадают в ошибки, в какой бы форме они не представали, не смешивают их с истиной, не путают условное с абсолютным; если мы захотели бы использовать здесь символический язык, то мы могли бы сказать, что здесь одновременно обладают и непогрешимым компасом и непробиваемой броней. Но чтобы достичь этого, часто нужны большие усилия (мы все же не говорим, что при этом время не является существенным фактором), необходимы самые большие предосторожности, чтобы избежать всякой путаницы по крайне мере в современных условиях, так как очевидно, что таких опасностей не существует в традиционной цивилизации, где по-настоящему одаренные интеллектуально, обретают все благоприятные условия для развития своих способностей; на Западе, напротив, они могут встретить только препятствия, часто непреодолимые, и лишь благодаря исключительным обстоятельствам можно выйти за рамки, навязываемые как ментальными, так и социальными конвенциями.

Таким образом, интеллектуальная элита, как мы ее понимает, в наше время на Западе поистине не существует; исключения слишком редки и слишком изолированы, чтобы их можно было рассматривать как нечто достойное этого имени, и на самом деле они, по большей части, являются здесь чужаками, так как речь идет об индивидах, в интеллектуальном отношении всем обязанных Востоку, которые оказываются почти в такой же ситуации, как и восточные люди, живущие в Европе, которые слишком хорошо знают, какая пропасть отделяет их ментально от окружающих людей. В этих условиях, конечно, пытаются закрыться в самих себе, чтобы избежать риска, выражая некоторые идеи, наткнуться на полное безразличие или даже спровоцировать враждебные реакции; однако, если убеждены в

необходимости определенных изменений, надо начинать что-то делать в этом направлении, и дать, по крайней мере, тем, кто способен (поскольку такие должны быть, несмотря ни на что), шанс развить их скрытые способности. Первая трудность состоит в том, чтобы найти тех, кто обладает такими качествами и кто вообще может и не подозревать о своих собственных возможностях; затем, вторая трудность состоит в осуществлении отбора и отстранении тех, кто может себя считать квалифицированным, не будучи таковым, но мы должны сказать, что весьма вероятно, это устранение произойдет само по себе. Все эти вопросы не должны ставиться там, где существует традиционно организованное образование, которое каждый может получить согласно мере своих собственных способностей и в точности до той степени, которую он способен достичь; на деле, существуют средства точно определить зону, на которую могут простираться интеллектуальные возможности данного индивида; но это предмет «практического» порядка, если можно в подобном случае использовать это слово, или если предпочитают, «технического», который нет никакого смысла рассматривать для современного состояния западного мира. Наконец, мы хотим теперь дать почувствовать некоторые трудности, пусть отдаленные, которые могут возникнуть в самом начале при учреждении, даже эмбриональном, элиты; было бы слишком преждевременно пытаться сейчас определять для такого учреждения средства, которые, если когда-то придется их рассматривать, будут сильно зависеть от обстоятельств, как и все то, что является делом адаптации в собственном смысле слова. Единственно, что можно реализовать до нового порядка, это до некоторой степени дать возможность осознать самих себя элементам будущей элиты, а это можно сделать только предъявляя некоторые концепции, которые (как только способные к этому их поймут) покажут им существование того, что они игнорировали, и заставят их увидеть возможность идти еще дальше. Все то, что относится к метафизическому порядку, само по себе способно открыть неограниченные горизонты тому, кто его правильно понимает; это не

гипербола и не образное выражение, это надо понимать буквально, как непосредственное следствие самой универсальности принципов. Те, кому просто говорят о метафизических исследованиях и о вещах, содержащихся исключительно в сфере чистой интеллектуальности, могут поначалу даже не догадываться, обо всем том, что в этом заключается; но пусть они не обманываются: речь там идет о самых потрясающих вещах, какие только могут быть, и все остальное по сравнению с этим есть лишь детская игра. Именно поэтому тот, кто хочет приступить к этой области, не обладая требуемой квалификацией для достижения хотя бы первых ступеней истинного понимания, сразу же отступает, как только оказывается перед необходимостью предпринимать серьезную и действенную работу; истинные таинства сами защищают себя от профанного любопытства, сама их природа гарантирует их от всяких посягательств как человеческой глупости, так, не в меньшей степени, и от иллюзорных сил, которые можно квалифицировать как «дьявольские» (каждый сам свободен понимать под этим словом все, что ему нравится, в буквальном или переносном смысле). Совершенным ребячеством было бы прибегать здесь к запретам, не имеющих ни малейшего смысла в этом порядке вещей; может быть, подобные запреты законны в других случаях, о чем мы здесь не собираемся дискутировать, но они не могут касаться чистой интеллектуальности; на тех ступенях, превосходящих простую теорию, которые требуют определенной осторожности, вовсе нет необходимость принимать (для тех, кто знает, как к этому относиться) какие-нибудь договоры, чтобы обязать их всегда хранить необходимые осмотрительность и сдержанность; все это вне досягаемости внешних формул, какими бы они ни были, и не имеет никакого отношения к более или менее странным «тайнам», к которым взывают те, в особенности, кому нечего сказать.

Поскольку нам пришлось говорить об организации элиты, то мы должны по этому поводу отметить недоразумение, неоднократно упоминавшееся нами: многие, слыша слово «организация», тотчас воображают, что речь идет о чем-то сравнимым с образованием

какой-то группы или ассоциации. Это грубая ошибка, и те, у кого возникают подобные идеи, доказывают тем самым, что они не понимают ни смысла, ни важности вопроса; только что сказанное нами, уже должно было указать на причины этого. Как истинная метафизика не может заключаться в формулах некой системы или частной теории, так же и интеллектуальная элита не может удовлетвориться формами «общества», учреждаемого с уставами, регламентами, собраниями и всякими другими внешними проявлениями, предполагаемыми с необходимостью этим словом; речь идет здесь совсем о другом нежели подобные условности. И пусть не говорят, что для начала, чтобы образовать первое ядро, можно было бы рассмотреть организацию такого рода; это очень плохая отправная точка, способная привести только к поражению. На самом деле, не только форма «общества» была бы бесполезна в данном случае, но она крайне опасна из-за отклонений, которые не замедлили бы возникнуть: каким бы тщательным ни был отбор, очень трудно помешать, особенно, вначале и в столь плохо подготовленной среде, чтобы туда не попали какие-нибудь единицы, непонимания со стороны которых было бы достаточно, чтобы скомпрометировать все; можно предвидеть, что такие группы подвергаются сильному риску соблазниться перспективой непосредственного социального действия, может быть, даже политического в самом узком смысле этого слова, что было бы самым досадным из всего возможного и самым противоположным предполагаемой цели. Есть слишком много примеров подобных отклонений: сколько ассоциаций, которые могли бы выполнять очень возвышенную роль (если не чисто интеллектуальную, то, по крайней мере, граничащую с интеллектуальностью), если бы следовали намеченной вначале линии, но деградировали настолько, что речь уже должна идти о противоположном, по отношению к начальному, направлении, маски которого они, тем не менее, продолжали носить, что слишком явно для тех, кто умеет их распознавать! Именно так, начиная с XVI века, было полностью утрачено то, что еще могло быть спасено из наследия, оставшегося от

Средних веков; мы уже не говорим обо всех других привходящих неподобающих вещах: низменных стремлениях, личной ревности и других причин разногласия, фатально возникающим в учрежденных таким образом группах, особенно, если учесть западный индивидуализм. Все это достаточно ясно показывает, чего не надо делать; может быть не так ясно видно, что же нужно делать, и это естественно, потому что с того места, на каком мы сейчас находимся, ничего нельзя сказать, как будет учреждаться элита, предполагая, что она когда–то будет существовать; вероятно, речь идет о далеком будущем, и не надо создавать себе иллюзий на этот счет. Как бы то ни было, но мы утверждаем, что на Востоке самые могущественные организации, которые на самом деле работают глубоко, ни в коем случае не являются «обществами» в европейском смысле этого слова; иногда под их влиянием образуются более или менее внешние общества, с точной и определенной целью, но эти, всегда временные общества рассеиваются сразу же, как только исполнили предназначенную для них функцию. Внешнее общество есть, таким образом, только случайное проявление заранее существующей внутренней организации, и последняя во всем том, что в ней существенного, всегда абсолютно независима от него; элита не вмешивается в борьбу, разумеется, чуждую ее собственной сфере, как ни была бы она важна; ее социальная роль может быть только непрямой, но из-за этого она не является менее эффективной, так как, на самом деле, для управление тем, что движется, самому не надо быть вовлеченным в движение[32]. Таким образом, это в точности противоположно плану тех, кто хочет сначала создать внешние общества; они могут быть только следствием, но не причиной; они могли бы иметь смысл и быть полезными только в том случае, если бы элита предварительно уже существовала (согласно схоластической поговорке: «чтобы действовать, надо быть») и если бы она была достаточно хорошо организована чтобы уверенно противодействовать всякому отклонению. В настоящее время, только на Востоке можно найти примеры, которыми надо

вдохновляться; у нас есть основания думать, что Запад в Средние века тоже имел некоторые организации этого типа, но весьма сомнительно, чтобы от них остались следы, достаточные для того, чтобы можно было создать о них представление иначе, чем только по аналогии с тем, что существует на Востоке, по аналогии, основанной не на произвольных предположениях, а на знаках, которые не обманывают, когда уже известны определенные вещи; все же чтобы их узнать, надо адресоваться туда, где можно найти их в настоящее время, ибо речь идет не об археологических редкостях, но о познании, которое, чтобы быть полезным, может быть только прямым. Это идея организаций, никогда не облекающихся в форму «обществ» и не имеющих никаких внешних элементов, характерных для последних, они являются более чем надежно учрежденными, поскольку реально основаны на том, что есть неподвижного и не предполагают в себе никакой преходящей примеси, эта идея, повторим, совершенно чужда современному складу ума, и мы во многих случаях можем отдавать себе отчет о возникающих для понимания трудностях; может быть, нам удастся вернуться когда-нибудь к этому, ибо слишком пространные объяснения по этому поводу не входят в планы настоящей работы, где мы об этом упоминаем попутно и чтобы сразу пресечь недоразумение.

Однако мы не собираемся закрывать двери перед любой возможностью, как на этой территории, так и на любой другой, или же отвергать какую бы то ни было инициативу, лишь бы она могла привести к значимым результатам и не окончилась простой растратой сил; мы только хотим предостеречь от ложных мнений и слишком поспешных выводов. Разумеется, что если несколько человек, вместо того, чтобы работать изолированно, предпочтут объединиться для создания чего-то вроде «учебных групп», то в этом мы не видим опасности или помехи, но при условии их убежденности, что у них нет никакой нужды прибегать к тем внешним формальностям, которым большинство наших современников придает такое значение как раз потому, что внешние вещи являются для них всем. К тому же, даже для того, чтобы просто

организовать «учебные группы», если хотят там выполнять серьезную работу и продвинуться достаточно далеко, все таки будут необходимы предосторожности, так как все, что происходит в этой области, приводит в действие силы, о которых простой люд и не подозревает, и если не хватает осторожности, то подвергают себя чуждым воздействиям, по крайней мере, пока не будет достигнута определенная ступень. С другой стороны, вопросы метода тесно связаны с самими принципами; это значит, что они здесь имеют гораздо большую важность, чем в других областях, и последствия гораздо более значительные, чем в научной области, где ими тоже отнюдь нельзя пренебрегать. Здесь не место предаваться этим размышлениям; мы ничего не преувеличиваем, но как мы сказали вначале, не хотим также и скрывать трудности; приспособление к тем или иным определенным условиям всегда крайне деликатно, надо обладать непоколебимыми и очень обширными теоретическими данными, прежде чем мечтать приступить к малейшей реализации. Само приобретение этих данных не является столь легкой задачей для западных людей; в любом случае, не будет лишним это повторить, она есть то, с чего необходимо начинать, она составляет обязательную подготовку, без которой ничего нельзя сделать, и от которой существенно зависят все последующие реализации, в каком бы плане они не происходили.

По этому поводу мы должны еще раз объясниться: мы говорили в другом месте, что со стороны восточных людей никогда не будет недостатка в помощи интеллектуальной элите в выполнении этой задачи, естественно, потому что они всегда будут благоприятствовать сближению, если оно будет тем, чем нормально оно должно быть; но это предполагает уже существующую западную элиту, а для самого ее учреждения нужно, чтобы инициатива исходила от Запада. В современных условиях авторитетные представители восточных традиций не могут быть интеллектуально заинтересованы в Западе; по крайней мере, они могут интересоваться только редкими индивидами, которые прямо или непрямо до них добираются и которые представляют собою лишь исключительные

случаи, чтобы можно было их рассматривать как распространенную деятельность. Мы можем утверждать следующее: никогда никакая восточная организация не устанавливала «ответвлений» на Западе; пока условия полностью не изменятся, она никогда не сможет даже поддерживать отношения с какой-нибудь западной организацией, какова бы она ни была, так как она может это делать только с элитой, учрежденной в согласии с истинными принципами. Таким образом, до сих пор ничего нельзя было требовать от восточных людей, кроме вдохновения, что уже немало, а это вдохновение может передаваться только через индивидуальные влияния, служащие посредниками, а не через прямую деятельность организаций, которые вообще не несут никакой ответственности в делах западного мира, если не непредвиденные потрясения, и это понятно, поскольку эти дела, в конечном счете, их не касаются; только западные люди охотно вмешиваются в то, что происходит у других. Если никто на Западе не обнаруживает одновременно волю и способность понять все то, что необходимо для истинного сближения с Востоком, последний остерегается участвовать в этом, зная, что это бесполезно, и когда сам Запад устремляется в сторону потрясений, он ничего не может другого сделать, как только предоставить его самому себе; действительно, как воздействовать на Запад, допуская, что он этого хочет, если там нельзя найти никакой точки опоры? Во всяком случае, повторим еще раз, именно западным людям надлежит сделать первые шаги; естественно, что здесь вопрос не стоит о массах западных людей, и даже не о значительном числе индивидов, что может быть даже более вредно, нежели полезно в некоторых отношениях; чтобы начать, достаточно нескольких людей, при условии, что способны на самом деле и глубоко понимать то, о чем идет речь. Есть еще кое-что: те, кто непосредственно усвоил восточную интеллектуальность, могут претендовать только на роль посредников, о которых мы только что говорили; они слишком близки к Востоку из-за этого усвоения, чтобы сделать что-то сверх того; они могут внушать идеи, представлять концепции, указывать на то, что надлежит сделать, но не могут сами предпринимать

инициативу какой-либо организации, которая не будет по-настоящему западной, раз она исходит от них. Если бы на Западе были индивиды, пусть изолированные, сохранившие контакт с хранилищем чисто интеллектуальной традиции, которая должна была существовать в Средние века, то все было бы гораздо проще; но тогда этим индивидам надлежит подтвердить свое существование и свидетельствовать о себе, а поскольку они этого не делают, то и нам не следует решать этот вопрос. За неимением этой возможности, к сожалению, достаточно невероятной, мы может только призвать к усвоению второстепенных восточных учений, которые могли бы составить первые элементы будущей элиты; мы хотим сказать, что инициатива должна идти от индивидов, достаточно развитых для понимания этих учений, но не имеющих прямых связей с Востоком, и, напротив, сохраняющих контакт со всем тем, что могло еще сохраниться значимого в западной цивилизации и, особенно, с остатками традиционного духа который мог там удержаться, главным образом, в религиозной форме, вопреки современной ментальности. Это не значит, что контакт должен с необходимостью прерваться для тех, чей интеллект стал слишком восточным, тем более, что они, по существу, являются представителями традиционного духа; но у них слишком особая ситуация, чтобы, даже с большими оговорками, можно было привлечь их к сотрудничеству, тем более, что к ним специально не взывают; на них надо продолжать надеяться, как и на восточных людей по рождению, а все, что они могут сделать большего, чем последние, это представить традиционные учения в форме, лучше приспособленной для Запада и проявить возможности сближения, которые связаны с их познаниями; еще раз, они должны довольствоваться быть посредниками, присутствие которых доказывает, что всякий дух согласия не утрачен окончательно.

Пусть же не принимают наши размышления за то, чем они не являются, пусть не извлекают из них следствия, слишком чуждые нашей мысли; если многие пункты остались не разъясненными, то потому что мы не могли сделать этого иначе, и только

обстоятельства позволят мало помалу впоследствии их прояснить. Во все то, что не относится строго к учению, обязательно привходят условности, и из них можно извлечь дополнительные средства для всякой реализации, предполагающей предварительную адаптацию; мы говорим о дополнительных средствах, потому что единственное главное средство, не надо забывать, покоится в плане чистого познания (в качестве просто теоретического ознания, т. е. подготовки полностью эффективного дознания, являющегося не средством, а целью самой по себе, по отношению к которой всякое приложение имеет только характер «случая», который не может ничего ни вызывать, ни определять). Если мы в этих вопросах стараемся о том, чтобы не сказать ни слишком много, ни слишком мало, то потому, что, с одной стороны, мы хотим быть понятыми насколько можно более ясно, а с другой, мы всегда должны учитывать непредвидимые сейчас возможности, которые обстоятельства могут заставить проявиться позже; элементы, способные вступить в игру, являются чрезвычайно сложными, и в такой нестабильной среде, как современный мир, было бы не слишком большим преувеличением говорить о непредвиденном, пусть не в абсолютном смысле, относительно чего мы не признаем за собой права предвосхищения. Вот почему возможные уточнения являются, в первую очередь, негативными, в том смысле, что они отвечают на возражения, если они действительно сформулированы или просто могут возникнуть, и они освобождают от ошибок, недоразумений, различных форм непонимания в той мере, в какой представился случай их отмечать; но, следуя, таким образом, через исключение и устранение, можно придти к более четкой постановке вопроса, что, в целом, уже есть ценный и позитивный результат, несмотря ни на что. Мы хорошо знаем, что западная нетерпеливость трудно приспосабливается к подобным методам, и что она скорее склонна пожертвовать надежностью в пользу быстроты; но мы не должны учитывать эти требования, не позволяющие воздвигнуть ничего стабильного и совершенно противоположные той цели, которую мы имеем в виду.

Тот, кто неспособен обуздать свое нетерпение меньше будет

способен вести хоть какую-нибудь работу метафизического порядка; в качестве начального упражнения пусть просто попытаются ни во что не вовлекаться, сконцентрировать свое внимание на одной единственной идее, все равно какой, в течение полминуты (кажется, это не слишком много), и они увидят что мы не ошиблись, поставив под сомнение их способности[33].

Итак, нам нечего больше добавить относительно тех средств, с помощью которых интеллектуальная элита может быть учреждена на Западе; даже предположив самые благоприятные обстоятельства, нельзя сказать, что ее учреждение сразу станет возможным, но это не значит, что не надо думать о ее подготовке уже сейчас. Что касается выпавшей на долю этой элиты роли, то она выявляется достаточно четко из всего того, что было сказано до сих пор: это, по существу, возврат Запада к традиционной цивилизации, с ее принципами и всем ансамблем ее установлений. Этот возврат должен осуществляться по порядку, идя от принципов к следствиям, спускаясь постепенно до самых случайных приложений; это можно сделать только используя одновременно восточные данные и то, что осталось от традиционных элементов на самом Западе, восполняя одни другими, наслаивая их, но не изменяя их самих, предоставляя им, в том самом глубоком направлении, к которому они восприимчивы, всю полноту их собственного смысла существования. Мы говорили, что прежде всего надо придерживаться чисто интеллектуальной точки зрения, и, как совершенно естественное отражение, мало-помалу последствия будут распространяться, более или менее быстро, во всех других областях, включая и сферу социальных приложений; кроме того, если какая-нибудь значимая работа окажется уже выполненной в других областях, то, очевидно, это надо только приветствовать, но не на это надо обращать внимание в первую очередь, так как не следует давать преимущество второстепенному перед главным. До тех пор, пока не достигнут желательного момента, соображения, касающиеся второстепенных точек зрения, должны приниматься во внимание только в качестве

примеров или, скорее, «иллюстраций»; действительно, они могут, если они представлены вовремя и в соответствующей форме, содействовать облегчению понимания самых существенных истин, давая им что-то вроде опоры, и пробуждать внимание людей, которые, из-за ошибочной оценки своих собственных возможностей, считают себя неспособными достичь чистой интеллектуальности, не зная, впрочем, что это такое; пусть вспомнят то, что мы сказали выше о неожиданных средствах, которые могут при случае определить индивидуальное развитие в самом начале. Необходимо самым решительным образом указать на различие между существенным и случайным; но, установив это различие, мы не хотим определять никаких ограничивающих роль элиты пределов, в которых каждый всегда сможет найти (как бы сверх необходимого) применение своих специальных способностей и без всякого ущерба для существенного. В общем, первоначально элита будет работать на саму себя, поскольку, естественно, ее члены приобретут от своего собственного развития непосредственное преимущество, составляющее постоянное и неотчуждаемое приобретение; но в то же время и в силу этого, она будет работать с той же необходимостью, хотя и не непосредственно, и для всеобщего, потому что невозможно, чтобы подобная работа осуществлялась в некой среде, не произведя рано или поздно значительных изменений. Более того, умственные течения подвержены совершенно определенным законам, и знание этих законов позволит действовать гораздо более эффективно, чем при использовании чисто эмпирических средств; но здесь, чтобы достичь применения и реализации во всей ее полноте, надо опереться на надежно устроенную организацию, это не означает, что частные, ощутимые результаты не могут быть получены до этого момента. Сколь бы ни были неполны и несовершенны имеющиеся в распоряжении средства, надо, тем не менее, начинать с того, чтобы их пускать в ход как они есть, без чего никогда нельзя приобрести чего-то более совершенного; добавим, что самое малое, но исполненное в гармоническом согласии с порядком принципов, несет в себе

виртуально возможности, распространение которых способно вызвать самые необыкновенные последствия, причем, во всех областях, по мере того, как его отражения будут распространяться в соответствии с их иерархическим распределением и путем бесконечной прогрессии [34].

Естественно, говоря о роли элиты, мы предполагаем что ничто внезапно не прервет ее воздействия, т.е. мы принимаем самую благоприятную гипотезу; но ведь может быть, что западная цивилизация погибнет в каком-нибудь катаклизме до того, как осуществится это воздействие, так как существует прерывность в исторических событиях. Если такое произойдет даже до того, как элита будет полностью сформирована, то результаты предшествующей работы, очевидно, ограничатся интеллектуальными преимуществами, которые приобретут те, кто будет участвовать в этом; но эти преимущества сами по себе являются чем-то бесценным, таким образом, даже не имея от этого ничего другого, все же стоит предпринимать эту работу; результаты в таком случае будут предназначены для кого-то другого, но и они достигнут существенного для себя. Если элита, будучи уже созданной, не будет иметь времени для осуществления воздействия, достаточно всеобщего для того, чтобы глубоко изменить западную ментальность во всем ее ансамбле, то кое-что все-таки будет получено: эта элита в течение периода потрясений и переворотов будет поистине символическим «ковчегом», плавающим на водах потопа, и впоследствии она сможет послужить точкой опоры, через воздействие которой Запад, вероятно, совершенно утративший свое самостоятельное существование, получит, тем не менее, от других выживших цивилизаций принципы нового развития, на этот раз нормального и правильного. Но в этом втором случае следует еще рассмотреть, по ходу дела, досадные случайности: этнические революции, о которых мы уже упоминали, будут, конечно, более пагубными; более того, для Запада было бы предпочтительней, вместо того, чтобы просто исчезнуть, суметь трансформироваться

так, чтобы приобрести цивилизацию, сравнимую с восточными, но приспособленную к собственным условиям, избавляя массы от более или менее тяжкого усвоения традиционных форм, не созданных для него. Такую трансформацию, осуществляющуюся плавно и как бы спонтанно, мы только что назвали благоприятной гипотезой; такова будет работа элиты, конечно, с опорой на держателей восточных традиций, но с западной инициативой как отправной точкой; теперь надо понять, что последнее условие, даже если бы оно не было столь строго необходимым, каким оно является в действительности, принесло бы не менее значительное преимущество в том смысле, что это позволило бы Западу сохранить свою автономию и даже сберечь для своего дальнейшего развития ценные элементы, которые он смог приобрести, несмотря ни на что, в своей современной цивилизации. Наконец, если бы у этой гипотезы было время для реализации, то она бы избежала катастрофы, которую мы имеем в виду в первую очередь, потому что западная цивилизация, вновь став нормальной, заняла бы свое законное место среди других и не была бы, как сегодня, угрозой для остального человечества, фактором притеснения и нарушения равновесия в мире. Во всяком случае, надо действовать так, как если бы цель, нами здесь указанная, была достижимой, потому что, даже если обстоятельства помешают этому, ничто из того, что будет выполнено в этом направлении, которому надлежит следовать, не будет утрачено; стремление к этой цели может предоставить тем, кто способен войти в состав элиты, мотив для приложения своих усилий к пониманию чистой интеллектуальности чем вовсе не следует пренебрегать, пока полностью не приобретут осознания чего-то менее случайного, мы хотим сказать, интеллектуальности, ценной самой по себе, независимо от результатов, которые она может дополнительно производить в более или менее внешних порядках. Рассмотрение этих результатов, какими бы вторичными они ни были, может оказаться, тем не менее, «вспомогательным средством» и, с другой стороны, не будет препятствием, если позаботятся, чтобы оно занимало точно свое место и во всем соблюдалась необходимая

иерархия, т.е. чтобы существенное никогда из виду не терялось и не приносилось в жертву случайному; мы уже достаточно объяснились выше, чтобы подтвердить в глазах тех, кто эти вещи понимает, принимаемую нами точку зрения, если это не передает нашу мысль полностью (и не может этого, с тех пор как чисто доктринальное и умозрительное рассмотрение для нас является выше всех других), то все же представляет вполне реальную ее часть.

Мы здесь не имеем в виду ничего большего, чем очень отдаленные, по всей вероятности, возможности, которые все же являются возможностями и только в этом качестве заслуживают того, чтобы их приняли во внимание; даже сам факт их рассмотрения, уже может способствовать, в некоторой степени, приближению реализации. Однако в такой, существенно подвижной среде, как современный Запад, события могут, при определенных обстоятельствах, развернуться с быстротой, намного превосходящей всякие предвидения; не будет слишком рано взяться за дело, чтобы подготовиться к противостоянию, лучше видеть как можно дальше, чем позволить непоправимому захватить себя врасплох. Конечно, мы не создаем себе иллюзий относительно шансов, что предупреждения такого рода могут быть услышаны большинством наших современников; но, как мы сказали, интеллектуальная элита не обязана быть многочисленной, особенно, вначале, для того, чтобы ее влияние могло осуществляться весьма эффективным образом даже на тех, кто не догадывается о ее существовании или совсем не подозревает о важности ее работы. Это позволит понять бесполезность всяких «тайн», о чем упоминалось выше: есть действия, которые по самой своей природе остаются совершенно неизвестными публике не потому, что их от нее скрывают, а потому, что она не способна их понять. Элита никогда не будет публично демонстрировать средства своей деятельности прежде всего потому, что это бесполезно, а также потому, что, при желании, она не смогла бы их объяснить на понятном для большинства людей языке; она заранее будет знать, что это напрасный труд и что усилия, которые она на это затратит, могли бы получить гораздо лучшее

употребление. Мы не оспариваем, впрочем, опасность или несвоевременность разглашения некоторых сведений: многие могли бы, если им укажут средства, соблазниться и попробовать свои силы в реализации, для которой у них ничего не было бы готово, только для того, «чтобы посмотреть», не понимая ее истинного смысла и не зная, куда она может их привести; и это было бы только еще одной дополнительной причиной нарушения равновесия, которые вовсе не следовало бы прибавлять ко всем остальным, сотрясающим сегодня западную ментальность (они, несомненно, еще долго будут ее сотрясать), и это тем более досадно, что речь идет о вещах самой глубокой природы; но все те, кто обладает определенными познаниями, являются, тем самым совершенно квалифицированными для оценки подобных опасностей и они всегда знают, как вести себя в соответствии с этим, не будучи связанными другими обязательствами, кроме тех, которые совершенно естественно предполагаются достигнутой ими степенью интеллектуального развития. Наконец, необходимо начинать с теоретической подготовки, единственно существенной и поистине необходимой, а теория может быть всегда предана гласности без ограничений, или, по крайне мере, только с одним ограничением, что она невыразима и непередаваема; каждый понимает в меру своих возможностей, а что касается тех, кто не понимает, то если они не извлекают никакой пользы, то они тем более не испытывают неудобства и просто остаются такими, какими были раньше. Возможно, удивятся, что мы так настаиваем на вещах, которые, в общем, являются такими простыми и не должны вызывать никаких трудностей; но опыт нам показывает, что в этом отношении предосторожности никогда не будут излишни, и мы предпочитаем о некоторых моментах дать больше объяснений, чем подвергнуться риску увидеть нашу мысль ложно истолкованной; уточнения, которые нам осталось сделать, вызваны той же заботой, а поскольку они отвечают на непонимание, которое мы, действительно, во многих обстоятельствах констатировали, то они достаточно подтверждают, что наше опасение перед недоразумениями отнюдь не преувеличено.

Глава IV.
СОГЛАСИЕ, А НЕ СЛИЯНИЕ

Все восточные цивилизации сравнимы между собой, несмотря на очень большое разнообразие форм, в которые они облекаются, потому что все они, по существу, обладают традиционным характером; каждая традиция обладает своим выражением и своими собственными модальностями, но повсюду, где есть традиция в собственном и глубоком смысле слова, необходимо существует согласие относительно принципов. Различие заключается исключительно во внешних формах, в случайных приложениях, естественно, обусловленных обстоятельствами, особенно, этнического характера, способных, в определенных границах, изменяться для данной конкретной цивилизации, поскольку это область адаптации. Но там, где существуют лишь внешние формы, ничего не передающие из более глубокого порядка, уже ничего нельзя найти, кроме различий по отношению к другим цивилизациям; согласие больше невозможно с того времени, как нет принципов; вот почему отсутствие эффективной связи с традицией нам представляется как бы началом западного отклонения. Таким образом, мы четко заявляем, что основной целью, которую должна для своей деятельности принять интеллектуальная элита, если однажды она будет учреждена, является возврат Запада к традиционной цивилизации; добавим, что если когда-нибудь было собственно западное развитие в этом направлении, то мы можем привести в качестве примера Средние века, но речь идти не о копировании или простом восстановлении того, что существовало в то время (что явно невозможно, потому что история не повторяется, как это думают некоторые, в мире существуют только аналогичные вещи, но не идентичные), а о том, чтобы вдохновиться этим при необходимом приспособлении к обстоятельствам. Мы всегда говорим буквально это и намеренно воспроизводим в терминах,

которыми мы уже пользовались[35]; нам все кажется достаточно ясным, чтобы не оставить места ни для какой двусмысленности. Однако некоторые составляют себе об этом ложное представление самым необычным образом и приписывают нам самые фантастические намерения, например, намерение восстановить нечто вроде александрийского «синкретизма»; мы позже к этому вернемся, но прежде уточним, что, говоря о Средних веках, мы имеем в виду период, простирающийся от царствования Карла Великого до начала XIV века; это довольно далеко от Александрии! Поистине странно, что когда мы утверждаем фундаментальное единство всех традиционных учений, то нас понимают так, как будто речь идет о том, чтобы произвести «слияние» между различными традициями, не отдавая себе отчет, что согласие относительно принципов не предполагает никакого единообразия; не происходит ли это от весьма западного недостатка, состоящего в неспособности идти дальше внешней видимости? Как бы то ни было, представляется полезным вернуться к этому вопросу и остановиться на нем подольше, чтобы наши намерения не извращались подобным образом; но даже помимо таких соображений, это интересно и само по себе.

По причине универсальности принципов, как мы уже говорили, все традиционные учения обладают одинаковой сущностью; есть и может быть только одна метафизика, каковы бы ни были различные способы ее выражения, в той мере, в какой она выражаема, в соответствии с имеющимся в ее распоряжении языком, который впрочем играет всегда только роль символа; и это так просто потому, что истина одна, потому что, будучи абсолютно независимой от любых концепций, она заставляет одинаковым образом ее признать всех тех, кто ее понимает. Следовательно, две истинные традиции ни в коем случае не могут противостоять как противоречащие друг другу; если существуют неполные доктрины (были ли они всегда таковыми или утратили одну свою часть) и те, которые идут более или менее далеко, то тем не менее, верно, что до того пункта, где эти

доктрины останавливаются, согласие с другими продолжает существовать, если даже современные их представители не осознают этого; для всего того, что по ту сторону, не может быть вопроса ни о согласии, ни о несогласии, только дух системы может оспаривать существование этого «по ту сторону»; за исключением этого предвзятого отрицания, слишком напоминающего привычные предубеждения современного духа, все, что может сделать неполная доктрина, это признать свою некомпетентность по отношению к тому, что ее превосходит. В любом случае, если находят видимое противоречие между двумя традициями, то из этого не следует заключать, что одна истинная, а другая ложная, но что одну, по крайней мере, понимают несовершенным образом; исследуя более внимательно, замечают, что, действительно, там есть одна из тех ошибок интерпретации, которые очень легко возникают из-за разницы выражения, если недостаточно освоились в этом. Однако мы должны сказать, что не находим таких противоречий, напротив, мы очень ясно видим, как под всеми различными формами проявляется сущностное единство всех учений; и нас удивляет, что те, кто в принципе принимает существование единой «изначальной традиции», общей для всего человечества при его происхождении, не видят последствий, заключающихся в этом утверждении, или не знают, как их извлечь, а иногда так же, как и другие, упорно стремятся обнаружить оппозиции, всегда совершенно воображаемые. Мы, разумеется, говорим только об истинно традиционных учениях, если угодно, «ортодоксальных»; существуют средства для того, чтобы безошибочно распознавать их среди всех остальных, так же как и определить точную степень понимания, соответствующую определенному учению; но сейчас речь идет не об этом. Чтобы обобщить нашу мысль в нескольких словах, мы можем сказать следующее: всякая истина исключает ошибку, но не другую истину (или, лучше сказать, другие аспекты истины); повторим, любое другое исключение присуще только духу системы, не совместимому с постижением универсальных принципов.

Согласие, относящееся, главным образом, к принципам, может

быть поистине сознательным только для учений, содержащих в себе по крайней мере частично, метафизику или чистую интеллектуальность; его нельзя достичь для тех учений, которые строго ограничены частной, например, религиозной формой. Тем не менее, в подобном случае это согласие может существовать не менее реально в том смысле, что теологические истины могут рассматриваться как перевод, с особой точки зрения, некоторых метафизических истин; но чтобы проявить это согласие, надо осуществить преобразование, которое восстановит в этих истинах их самый глубокий смысл, и только метафизик может это сделать, потому что он располагается по ту сторону всех частных и специальных форм во всех отношениях. Метафизика религия не находятся и никогда не будут находиться на одном уровне; из этого следует, что чисто метафизические учения и религиозные доктрины не могут ни соперничать, ни вступать в конфликт, потому что их сферы четко различаются. Но, с другой стороны, из этого также следует, что существования одной религиозной доктрины недостаточно, чтобы установить глубокое согласие, подобное тому, которое мы имеем в виду, когда говорим об интеллектуальном сближении Востока и Запада; поэтому мы и настаиваем на необходимости в первую очередь выполнить работу метафизического порядка, и только после этого религиозная традиция Запада, восстановленная и ожившая в своей полноте, смогла бы снова стать полезной для этой цели, благодаря присоединению внутренних элементов, недостающих ей в настоящий момент, которые очень хорошо могут туда включиться безо всякого внешнего изменения. Если согласие между представителями различных традиций возможно, а мы знаем, что в принципе этому ничего не мешает, то это согласие может совершиться только сверху, таким образом, чтобы каждая традиция всегда сохраняла свою полную независимость, со всеми свойственными ей формами; народные же массы, разделяя выгоды от этого согласия, не будут этого сознавать непосредственно, так как это касается только элиты, и даже «элиты из элит», согласно

выражению, употребляемому в некоторых мусульманских школах.

Очевидно, насколько от нас далеки все эти проекты «слияния», совершенно нереализуемые, по нашему мнению; традиция это не то, что может быть искусственно создано или изобретено; собирая кое-как элементы, заимствованные в разных учениях, никогда не сконструируют ничего другого, кроме псевдотрадиции, лишенной ценности и значения, эти фантазии надо оставить оккультистам и теософам; чтобы так действовать, надо игнорировать то, чем является традиция на самом деле, не понимать реального и глубокого смысла элементов, соединяемых в один более или менее бессвязный ансамбль. Все это есть только некий вид «эклектизма»; нет ничего, чему бы мы противостояли более решительно, как раз потому, что мы видим глубокую согласованность под разнообразием форм и в то же время мы видим смысл существования этих множественных форм в различии условий, к которым они должны быть приспособлены. Если изучение различных традиционных учений имеет очень большое значение, то потому, что оно позволяет констатировать это утверждаемое нами согласие; но речь не идет о том, чтобы извлечь из этого изучения новую доктрину, что совсем не согласуется с традиционным духом, а абсолютно ему противоположно. Несомненно, когда элементы некоторого определенного порядка отсутствуют, как дело обстоит со всем, чисто метафизическим на современном Западе, то эти элементы надо искать в другом месте, там, где они есть; но не надо забывать, что метафизика, по существу, универсальна, так что это не то же самое, как если бы дело касалось элементов, относящихся к любому частному порядку. Кроме того, восточная выразительность может быть усвоена только элитой, которая должна затем предпринять работу по адаптации; знание учений Востока позволило бы при разумном использовании аналогии восстановить саму западную традицию в ее целостности, оно также могло бы позволить понять исчезнувшие цивилизации: оба эти случая совершенно сравнимы, поскольку, надо признать, что, по большей части, западная традиция полностью утрачена.

Там, где мы рассматриваем синтез трансцендентного порядка,

как единственно возможную отправную точку всех последующих реализаций, кое-кто воображает себе, что вопрос может быть только о более или менее беспорядочном «синкретизме»; однако, эти вещи не имеют ничего общего между собой, не имеют никакого отношения друг к другу. Есть, также, такие, кто, услышав слово «эзотеризм» (можно убедиться, что мы им не злоупотребляем), не могут сразу же не вспомнить об оккультизме или о чем-нибудь подобном, в чем нет и следа подлинного эзотеризма; невероятно, что самые необоснованные претензии столь легко выдвигаются как раз теми, кто больше всего заинтересован в их опровержении; единственным средством победить оккультизм было бы показать, что в нем нет ничего серьезного, что он является совершенно современным изобретением, и что эзотеризм в подлинном смысле слова есть, на самом деле, нечто совершенно иное. Есть также те, кто, из-за другого заблуждения, думают, что можно переводить «эзотеризм» как «гностицизм»; здесь речь идет о концепции, доподлинно более древней, но ее интерпретация не становится поэтому более строгой и более правильной. Сегодня достаточно трудно узнать в точности, чем были эти довольно разнообразные доктрины, объединяемые под этим родовым именем «гностицизм», среди которых, разумеется необходимо проводить различия; но в целом, представляется, что там имеются более или менее обезображенные восточные идеи, возможно, плохо понятые греками и облеченные в фантастические формы, почти несовместимые с чистой интеллектуальностью; конечно, можно найти и более достойные внимания вещи, менее смешанные с чужеродными элементами, ценность которых менее сомнительна, а значение гораздо более несомненно. Это вынуждает сказать нас несколько слов о том, что касается в целом александрийского периода: нам кажется бесспорным, что греки тогда находились в достаточно непосредственном контакте с Востоком и что их дух, следовательно, открывался перед концепциями, для которых он раньше оставался закрытым; но к несчастью, результатом этого, видимо, был в большей мере «синкретизм», чем истинный синтез. Мы не хотим

чрезмерно умалять значение таких доктрин, как неоплатонизм, которые, в любом случае, несравненно выше всей продукции современной философии; наконец, лучше прямо подняться к восточному истоку, чем проходить через каких-либо посредников; более того, преимущество здесь в том, что это сделать гораздо легче, потому что восточные цивилизации существуют всегда, тогда как греческая цивилизация реально больше не имеет продолжателей. Знакомством с восточными учениями можно воспользоваться, чтобы лучше понять не только неоплатонические доктрины, но и чисто греческие идеи, поскольку, несмотря на значительные различия, Запад тогда был гораздо ближе к Востоку, чем сегодня; но невозможно поступить обратным образом, желая приступать к Востоку через посредство греков, подвергают себя многим ошибкам. Ведь чтобы восполнить то, чего не хватает на Западе, можно обращаться только к тому, что сохранило свое действенное существование; речь вовсе не идет о занятиях археологией, а рассматриваемые здесь вещи не имеют ничего общего с забавами эрудитов; если познание античности и может играть здесь роль, то только в той мере, в какой оно на самом деле поможет понять определенные идеи и еще раз подтвердить то единство доктрин, в котором сходятся все цивилизации, за исключением одной лишь западной, не имеющей ни принципов, ни доктрины и находящейся вне нормальных путей человечества.

Если нельзя допустить никакой попытки слияния разных доктрин, то тем более не может быть вопроса о замене одной традиции на другую; множественность традиционных форм не только не имеет никакого неудобства, но напротив, она имеет вполне определенные преимущества; ; в то время, как эти формы по сути совершенно равнозначны, каждая из них обладает своим смыслом существования, потому что она лучше приспособлена, чем все другие, к условиям данной среды. Тенденция сводить все к единообразию происходит, как мы уже говорили, от эгалитаристских предрассудков; намерение проводить ее тут означало бы сделать уступку западному духу, пусть невольную, но не менее реальную и

способную привести к плачевным последствиям. Только если Запад решительно продемонстрирует свою неспособность вернуться к нормальной цивилизации, тогда могла бы быть им принята чужестранная традиция; но тогда бы не было слияния, поскольку ничего специфически западного больше не осталось бы; тем более не было бы и замены, так как чтобы дойти до такой крайности, надо, чтобы Запад потерял все до последнего остатка от традиционного духа, за исключением небольшой элиты, без которой, не будучи в состоянии даже воспринять эту чужестранную традицию, он неизбежно погрузился бы в самое худшее варварство. Но, повторяем, еще можно надеяться, что дело не дойдет до этой крайней точки, что элита сможет полностью организоваться и исполнит свою роль до конца, так что Запад не только будет спасен от хаоса и распада, но и обретет принципы и подходящие для него средства развития, оставаясь в гармонии с развитием других цивилизаций.

Что касается роли Востока во всем этом, то для большей ясности и насколько можно более точно подведем итоги; в этом отношении мы можем различить период учреждения элиты и период ее эффективного действия. В течение первого периода, призванные принять участие в этой элите смогут приобрести и в самих себе развить чистую интеллектуальность изучением восточных доктрин больше, чем любыми другими средствами, потому что ее нельзя обрести на Западе; и также только через это они смогут узнать то, чем является традиционная цивилизация с ее различными элементами, так как в этом случае важно насколько можно более прямое познание, при исключении всякого просто «книжного» знания, бесполезного для рассматриваемой нами цели. Чтобы изучение восточных доктрин было таким, каким оно должно быть, необходимо, чтобы некоторые индивиды служили посредниками, как мы это уже объясняли, между держателями этих доктрин и не сложившейся еще западной элитой; вот почему мы говорим, что познание для нее должно быть не абсолютным, а насколько возможно более прямым, по крайней мере, вначале. Но позже, когда начальная работа будет исполнена, ничего уже не будет мешать

тому, чтобы сама элита (поскольку именно она должна будет взять на себя инициативу) обращалась более непосредственным образом к представителям восточных традиций; и те, заинтересовавшись судьбой Запада из-за самого присутствия этой элиты, не будут пренебрегать ответом на этот призыв, так как им нужно только одно условие — понимание (это единственное условие вызвано силой вещей); мы можем утверждать, что никогда не видели ни одного восточного человека, продолжающего замыкаться в себе со своей привычной осмотрительностью, когда он встречает кого-то, способного, по его мнению, его понять. Именно во второй период может действенно проявиться поддержка восточных людей; мы уже сказали, почему это предполагает уже созданную элиту, т. е., в общем, западную организацию, способную вступить в отношения с восточными организациями, которые работают в чисто интеллектуальном плане, и получать от них для своей деятельности помощь, которую могут предоставить силы, аккумулированные с незапамятных времен. В подобном случае, восточные люди всегда будут для западных руководителями и «старшими братьями»; но Запад, не претендуя обращаться с ними на равных, не в меньшей степени будет заслуживать, чтобы его рассматривали как самостоятельную силу с того самого времени, как он будет владеть такой организацией; глубокое отвращение восточных людей ко всему, что напоминает прозелитизм, будет достаточной гарантией независимости Запада. Восточные люди отнюдь не стремятся ассимилировать Запад, они предпочтут способствовать западному развитию в согласии с принципами, как только они увидят хоть малую возможность этого; для тех, кто входит в элиту, эта возможность состоит в том, что им надлежит показать, доказывая это собственным примером, что интеллектуальное падение не является непоправимым. Речь идет, следовательно, не о навязывании Западу восточной традиции, формы которой не соответствуют ее складу ума, но о восстановлении западной традиции с помощью Востока; сначала непрямой помощью, а затем и прямой, или, если угодно, в первый период — вдохновение, а во второй — действенная

поддержка. То, что невозможно для большинства западных людей, должно быть возможным для элиты: для того, чтобы она могла реализовать необходимое приспособление, ей надо, постичь и воспринять традиционные формы, существующие в других местах; надо также пойти дальше, по ту сторону всех форм, каковы бы они ни были, чтобы постичь то, что составляет сущность любой традиции. Тем самым, когда Запад снова будет владеть правильной и традиционной цивилизацией, роль элиты еще сохранится: тогда она будет тем, посредством чего западная цивилизация будет постоянно сотрудничать с другими цивилизациями, так как такая связь может установиться и поддерживаться только посредством того, что в каждой из них есть самого высокого; чтобы не быть просто случайной, она предполагает присутствие людей, свободных (в том, что их касается) от всякой частной формы, полностью осознающих то, что стоит за всеми формами, которые, находясь области наиболее трансцендентных принципов, могли бы участвовать во всех традициях без различия. Иными словами, надо, чтобы Запад, в конце концов, достиг своего представительства в том, что символически обозначается как «центр мира» или другими подобными выражениями (это не должно пониматься буквально как указание на определенное место, каково бы оно ни было); но здесь уже речь идет о вещах слишком отдаленных, слишком недоступных сейчас и еще долгое время, чтобы стоило на этом останавливаться дольше.

Поскольку, чтобы пробудить западную интеллектуальность, надо начинать с изучения доктрин Востока (мы говорим об истинном и глубоком изучении, со всем тем, что оно в себе заключает относительно личностного развития тех, кто ему себя посвящает, а не о том внешнем и поверхностном изучении на манер ориенталистов), то мы теперь должны указать на мотивы, по которым вообще следует предпочтительно обращаться к этим учениям, нежели к другим. Действительно, можно было бы спросить, почему мы принимаем за главную точку опоры скорее Индию, чем Китай, или почему мы не рассматриваем возможность, как более предпочтительную для нас, опираться на то, что ближе всего к

Западу, т.е. на эзотерическую сторону мусульманского учения. Мы ограничимся рассмотрением этих трех больших подразделений Востока; все остальное является или менее важным, или, как тибетские доктрины, настолько плохо известными европейцам, что было бы очень трудно о них говорить вразумительным образом, пока они поймут вещи, даже менее чуждые их обычной манере мыслить. Что касается Китая, то имеются сходные причины, по которым ему не отводится первое место; формы выражения этих доктрин, поистине далеки от западной ментальности, а методы обучения, используемые там, такой природы, что они могут быстро обескуражить самых одаренных европейцев; очень немногочисленны те, кто смог бы выдержать работу, предпринимаемую такими методами, и если бы в любом случае имелся основательный отбор, то все равно надо было бы избегать, насколько возможно, трудностей, зависящих только от обстоятельств и исходящих от темперамента, присущего расе, чем от реального недостатка интеллектуальных способностей. Формы выражения индуистских доктрин, совершенно отличных от всего того, к чему привыкла западная мысль, являются относительно легче усваиваемыми и предоставляют больше возможностей для адаптации; мы можем сказать, что в этом отношении, Индия, занимая среднюю позицию в ансамбле восточных стран, является ни слишком далекой, ни слишком близкой к Западу. При опоре на наиболее близкую к нам цивилизацию также имелись бы несоответствия, которые, находясь на другом плане, чем только что упоминавшиеся, являются не менее серьезными; реальных преимуществ для их компенсации не так много, ведь мусульманская цивилизации почти так же плохо известна западным людям, как и более восточные цивилизации, и ее метафизическая составляющая, особенно нас интересующая, ускользает от них полностью. Это правда, что мусульманская цивилизация с ее двумя сторонами, эзотерической и экзотерической, и с облекающей ее религиозной формой, более всего походит на то, чем могла бы быть западная традиционная цивилизация; но само присутствие этой религиозной формы, в силу которой ислам в некотором роде

принадлежит Западу, рискует пробудить определенную самолюбивую чувствительность, которая, как ни была бы она оправдана, все же заключает в себе определенную опасность: тот, кто неспособен отличать разные области, ошибочно надеется на сотрудничество на религиозной почве; конечно, на Западе в массе (среди которой, мы думаем, большинство псевдоинтеллектуалов) есть гораздо больше ненависти по отношению ко всему мусульманскому, чем ко всему остальному Востоку. Страх составляет большую часть движущих сил этой ненависти, особенно яростной в англосаксонских странах; это состояние духа обязано только непониманию, но раз оно существует, то самая элементарная осторожность требует, чтобы ее в определенной мере учитывали; элита на своем пути становления должна приложить усилия для того, чтобы победить враждебность, с которой она сталкивается со всех сторон, не увеличивая ее без нужды, давая место ложным предположениям, чем не замедлят воспользоваться глупость и недоброжелательство вместе взятые; они могут быть разного вида, но если их можно предвидеть, то лучше сделать так, чтобы они не возникали, сделав все возможное для того, чтобы не вызвать более тяжелых последствий. Поэтому нам не кажется своевременным опираться главным образом на мусульманский эзотеризм, что, естественно, не мешает этому эзотеризму, метафизическому по своей природе, предлагать эквивалент тому, что встречается в других доктринах; следовательно, повторяем, речь идет только о своевременности, вопрос о которой возникает только потому, что для всего следует находить наиболее благоприятные условия, но он не задевает сами принципы.

Наконец, если мы примем индуистскую доктрину в качестве центра исследования, о котором идет речь, то это не означает, что мы будем соотноситься только с ней; напротив, важно при любом случае и каждый раз, когда позволяют обстоятельства, обнаруживать согласие и единообразие всех метафизических доктрин. Надо показать, что под различными выражениями имеются тождественные концепции, потому что они соответствуют одной и той же истине;

иногда встречаются аналогии, тем более поразительные, что они относятся к очень частным точкам зрения, есть также определенная общность символов между различными традициями; было бы нелишне привлечь внимание к этому, ведь реальные сходства констатируются вовсе не из за «синкретизма» или «влияния»; этот вид параллелизма, существующий между всеми цивилизациями, обладающими традиционным характером, может удивлять только людей, которые не верят ни в какую трансцендентную истину, одновременно превосходящую и находящуюся вне человеческих концепций. Что касается нас, то мы не думаем, что такие цивилизации, как Индия и Китай должны были необходимым образом общаться между собой непосредственно по ходу их развития; это не мешает, наряду с очень четкими различиями, объясняемыми этническими и другими условиями, обнаруживаться в них замечательным сходствам; мы здесь говорим не о метафизическом порядке, где эквивалентность всегда совершенная и абсолютная, а о приложениях к порядку условного. Естественно, всегда надо сохранять то, что принадлежит к «изначальной традиции»; но она, будучи по определению предшествующей конкретному развитию цивилизаций, о которых идет речь, своим существованием не ущемляет ничем их независимости. К тому же, «изначальную цивилизацию» надо рассматривать как касающуюся, главным образом, принципов; однако, на этой почве всегда была определенная постоянная связь, установленная изнутри и свыше, как мы только что отмечали; но это тоже не влияет на независимость различных цивилизаций. Если везде встречаются одни и те же определенные символы, то очевидно, в этом надо признать проявление фундаментального традиционного единства, так повсеместно не признаваемого в наши дни, которое «сциентисты» упорно отрицают как особенно неприемлемую вещь; такие находки не могут быть случайными, тем более, что сами по себе модальности выражения подвержены бесконечным вариациям. В итоге, всегда можно увидеть единство, стоящее за разнообразием; оно является как бы следствием единообразия принципов: то, что истина равным

образом предстает перед людьми, которые не имеют между собой никакой непосредственной связи или то, что между представителями различных цивилизаций поддерживаются фактические интеллектуальные отношения, становится возможным только в силу этой универсальности; и если хотя бы немногие не придут к единству относительно нее, то никакое стабильное и глубокое согласие будет невозможным. А общим для всех нормальных цивилизаций являются принципы; если их теряют из виду, то для каждой из них не остается ничего другого, кроме особенных характерных черт, отличающих их друг от друга, когда даже сами сходства становятся чисто поверхностными, потому что их истинное основание игнорируется. Нельзя сказать, что абсолютно ошибаются, объясняя некоторое общее сходство ссылками на человеческую природу; но обычно это делают очень неясным и совершенно недостаточным образом, к тому же умственные различия гораздо значительнее и заходят гораздо дальше, чем могут предположить те, кто знает только один человеческий тип. Само это единство не может быть четко понято и получить свое четкое значение без определенного знания принципов, вне которого это единство является несколько иллюзорным; истинная природа человечества и его глубинная реальность — вот об этом эмпиризм не может создать себе никакой идеи.

Но вернемся к вопросу, который привел нас к этим размышлениям; речь никоим образом не может идти о «специализации» в изучении индуистских доктрин, поскольку порядок чистой интеллектуальности полностью ускользает от всякой специализации. Все полностью метафизические доктрины, совершенно эквивалентны между собой, мы можем даже сказать, что они по сути и с необходимостью идентичны; таким образом, осталось только спросить себя, какая из них предоставляет наибольшие преимущества для изложения, и мы думаем, что в самом общем смысле, это индуистская доктрина; именно поэтому мы принимаем ее в качестве основы. Если, тем не менее, некоторые моменты будут трактоваться при помощи других доктрин в форме,

представляющейся более приемлемой, то, очевидно, здесь нечего возразить; в этом заключается еще одно средство выявления той согласованности, о которой мы только что говорили. Мы пойдем дальше: традиция, вместо того, чтобы быть препятствием для адаптации, требуемой обстоятельствами, напротив, всегда предоставляет адекватный принцип для всякого необходимого приложения, и эта адаптация абсолютно законна до тех пор, пока она проявляется в строго традиционном направлении, что мы называем также «ортодоксией». Таким образом, когда потребуется новая адаптация (тем более это естественно, когда имеют дело с отличающейся средой), тогда ничего не будет мешать сформулировать ее, вдохновляясь тем, что уже существует, но учитывая также ментальные условия среды, лишь бы это делалось с надлежащей осторожностью и компетенцией, а в первую очередь, был бы глубоко понят традиционный дух со всем тем, что он заключает в себе; рано или поздно интеллектуальная элита должна сделать то, для чего невозможно найти на Западе выражения. Очевидно, насколько далеко это от точки зрения эрудиции: происхождение идеи нас само по себе не интересует, так как эта идея, если она истинна, не зависит от человека, выражающего ее в той или иной форме; исторические случайности не должны сюда привходить. И раз мы не претендуем сами и без всякой помощи достичь идей, известным нам как истинные, то мы полагаем, что хорошо назвать тех, через кого они нам были переданы, тем более, что так мы покажем и другим, куда они могут направиться, чтобы тоже их найти; действительно, только восточным людям мы обязаны этими идеями. Что же касается вопроса древности, то он, если его рассматривать только исторически, отнюдь не имеет большого значения; только когда его связывают с идеей традиции, он принимает совершенно другой вид, но тогда, если понимают, что такое традиция на самом деле, этот вопрос сразу же разрешается, потому что известно, что все уже изначально заключено в принципе, т. е. в том, что представляет собою саму суть доктрины, и ее надо только извлечь оттуда посредством развертывания, которое по сути,

если не по форме, не содержит в себе никакого новшества. Конечно, такого рода достоверность почти не передаваема; но если ею обладают некоторые, то почему же и другим не достичь этого так же хорошо, особенно, если им предоставлены средства во всем возможном размере? «Цепь традиции» иногда возобновляется самым неожиданным образом; некоторые люди, веря, что они спонтанно поняли некоторые идеи, получают помощь, которая, хотя она может ими не осознаваться, оказывается, тем не менее, эффективной; по очень важной причине эта помощь не должна принести вред тем, кто специально готовится, чтобы ее получить. Разумеется, мы не отрицаем возможности непосредственной интеллектуальной интуиции, потому что мы как раз предполагаем, что она абсолютно необходима и что без нее не существует действительной метафизической концепции; но для этого надо быть подготовленным, и каковы бы ни были скрытые способности индивида, мы сомневаемся, чтобы их можно было развить только его собственными средствами; по крайней мере, нужно какое-то обстоятельство, послужившее поводом для этого развития. Это обстоятельство, бесконечно изменчивое в зависимости от конкретного случая, может быть произвольным только лишь по видимости; в реальности, оно порождается действием, модальности которого, хотя они, разумеется, избегают всякого внешнего наблюдения, могут предчувствоваться теми, кто понимает, что «духовное потомство» не является пустым словом. Важно, однако, отметить, что случаи такого рода всегда исключительны и если они происходят при отсутствии всякой непрерывной и регулярной передачи, осуществляющейся традиционно организованным образованием (примеры этого можно найти как в Европе, так и в Японии), то они никогда не смогут восполнить это отсутствие, во-первых, потому что они редки и рассеяны, а также потому, что они завершаются приобретением знания, всегда остающегося фрагментарным, какова ни была бы его ценность; надо еще добавить, что одновременно не могут быть предоставлены средства координации и выражения того, что получено таким образом,

поэтому польза от этого остается почти исключительно личной[36]. Конечно, это уже кое-что, но не надо забывать, что даже с точки зрения личной пользы, частичная и неполная реализация, достигаемая в подобных случаях, представляет собою только незначительный результат по сравнению с истинной метафизической реализацией, определяемой любой восточной доктриной как высшая цель для человека (не имеющей, скажем по ходу дела, ничего общего с «квиетистским сном», странная интерпретация, которую мы однажды встретили и которая, разумеется, ничем, из того, что мы сказали, не подтверждается). Более того, там, где реализации не предшествовала достаточная теоретическая подготовка, могут возникнуть многочисленные неясности и всегда есть возможность затеряться в одной из этих областей-посредников, где совершенно нет защиты от иллюзии; только в области чистой метафизики можно иметь такую гарантию, которая, будучи раз приобретенной, впоследствии позволяет безо всякой опасности приступать к любой другой области, как мы это уже раньше говорили.

Истина факта может показаться почти незначительной перед истиной идей; однако, даже в порядке условного надо соблюдать степени, и существует способ рассматривать вещи, привязывая их к принципам, придающим им совершенно иное значение, чем то, которое они имеют сами по себе; того, что мы сказали о «традиционных науках», должно быть достаточно, чтобы это было понятно. Совсем нет необходимости заниматься вопросами хронологии, часто неразрешимыми, по крайней мере, обычными методами истории; но не безразлично знать, какие идеи принадлежат к традиционному учению, а также какой способ их представления имеет традиционный характер; мы полагаем, что больше нет необходимости останавливаться на этом после всех представленных нами размышлений. Во всяком случае, если истина факта, являющаяся вспомогательной, не должна заслонять собою истину идей, являющуюся существенной, то было бы ошибкой отказываться

учитывать дополнительные преимущества, которые она может дать, и которыми, хотя они тоже случайны, как и она, все же не следует пренебрегать. Знать, что определенные идеи нам предоставляют восточные люди, тоже является истиной факта; но это не столь важно, как понимание этих идей и признание того, что они сами по себе истинны; и если они к нам пришли из другого места, то это не может быть причиной отказа от них «априори»; поскольку мы нигде на Западе не нашли эквивалента этим восточным идеям, то мы считаем, что это надо сказать. Конечно, можно было бы достичь легкого успеха, представляя некоторые концепции, как если бы они были целиком заново созданы, скрывая их реальное происхождение; но мы не принимаем такие подходы, более того, это привело бы, с нашей точки зрения, к лишению этих концепций их истинного значения и авторитета, так как в этом случае они сводятся к тому, что они предстают как «философия», тогда как на самом деле они являются совершенно иным; мы еще раз здесь касаемся вопроса об индивидуальном и универсальном, который лежит в основе всех различений этого рода. Останемся пока на почве случайного: решительно заявляя, что чистое интеллектуальное знание может быть получено только на Востоке, стремясь в то же время пробудить западную интеллектуальность, тем самым подготавливают сближение Востока и Запада единственно эффективным способом; и мы надеемся, что поймут, почему этой возможностью не следует пренебрегать, ведь к этому вело все то, что мы здесь сказали. Реставрация западной цивилизации может быть только случайностью, но, еще раз, является ли это основанием, чтобы полностью остаться к этому равнодушным, даже если являешься прежде всего метафизиком? К тому же, кроме собственного значения, которое эти вещи имеют в их относительном порядке, они могут быть средством реализации, уже не принадлежащей к области случайного и для всех, кто в этом прямо или косвенно в этом участвует, имеющей последствия, перед которыми все временное сотрется и исчезнет. Для этого есть множество причин; может быть мы остановились не на самых глубоких из них, потому что мы не

могли в настоящее время помышлять об изложении метафизических теорий (и даже в некоторых случаях космологических, например, относящихся к «циклическим законам»), без которых полностью их нельзя понять; мы намереваемся это сделать в других исследованиях в свое время. Как мы сказали вначале, мы не можем объяснить все сразу; но мы ничего не утверждаем попусту, и по крайней мере за неимением других заслуг, никогда не говорим того, чего мы не знаем. Если же кто-то находит странным размышления, непривычные для него, то пусть лучше он потрудится более внимательно об этом подумать, и, возможно, он заметит, что эти размышления, далеко не поверхностные и не бесполезные, как раз являются одними из самых важных, или же то, что им кажется на первый взгляд посторонним для нашего предмета, напротив, относится к нему самым непосредственным образом. Существуют, на самом деле, вещи, связанные между собой совершенно иным образом, чем обычно думают, а истина имеет столько аспектов, что западные люди об этом даже и не подозревают; лучше показаться слишком скромным, выражая определенные вещи, чем дать повод предполагать слишком обширные возможности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы могли бы к предшествующему изложению не добавлять заключения, от которого мы, кажется, освобождены достаточно ясным изложением; ничего другого мы сделать не можем, кроме как повторить, в более или менее краткой форме, некоторые размышления, уже развитые нами, мы достаточно останавливались на них, чтобы выявить всю их важность. Действительно, мы думаем, что достаточно ясно и насколько возможно эксплицитно показали, каковы главные предубеждения, в настоящее время отдаляющие Запад от Востока; и если они отдаляют его, то потому что противостоят истинной интеллектуальности, которую Восток сохранил в полноте, тогда как Запад дошел до того, что потерял о ней всякое понятие, пусть даже путаное и смутное. Те, кто это поймут, тем самым также поймут и «случайный» характер (во всех разнообразных смыслах этого слова) отклонения Запада по отношению к Востоку; сближение этих двух частей человечества и возвращение Запада к нормальной цивилизации, есть, в сущности, одно и то же, в этом и состоит наибольший интерес сближения, возможность которого для более или менее отдаленного будущего мы рассматривали. Нормальной цивилизацией мы называем такую, которая основывается на принципах в истинном смысле этого слова, где все упорядочено и иерархизировано в соответствии с принципами таким образом, что все там проявляется как приложение и продолжение чисто интеллектуальной или метафизической в своей сущности доктрины; именно это мы хотим сказать, когда говорим о традиционной цивилизации. Когда думают, что традиция может хоть в малейшей степени чинить препятствия мышлению или ограничивать его, удерживая от заблуждений, то с этим мы никак не можем согласиться; можно ли говорить, что исключение ошибки было бы ограничением истины? Отбросить невозможное, являющееся чистым небытием, вовсе не означает внести ограничения

в тотальную и универсальную возможность, необходимо бесконечную; ошибка тоже есть только отрицание, «недостаток» в аристотелевском значении этого слова; в ней, в той мере, в какой она ошибка (ибо там могут находится частички непонятой истины), нет ничего позитивного, вот почему ее можно исключить безо всяких доводов со стороны систематического ума. Традиция, напротив, допускает все аспекты истины; она не противостоит никакому законному приложению; она допускает, для тех, кто ее понимает, гораздо более обширные концепции, чем все мечтания философов, считающиеся самыми дерзкими, но одновременно гораздо более обоснованные и значительные; наконец, она открывает перед интеллектом, как сама истина, неограниченные возможности.

Из всего этого непосредственно следуют черты метафизического познания, единственного абсолютно неограниченного, потому что оно принадлежит к универсальному порядку; представляется уместным вернуться здесь к вопросу, который мы уже рассматривали в другом месте, об отношении метафизики и логики[37]. Последняя, относящаяся к условиям, свойственным человеческому рассудку, является случайной вещью; она принадлежит к индивидуальному и рациональному порядку, и то, что называется ее принципами, является принципами только в относительном смысле; мы хотим сказать, что они могут быть только приложением и спецификацией истинных принципов к определенной области, так же как и математические принципы и всякой другой частной науки. Таким образом, метафизика доминирует над логикой, как и надо всем остальным; не признавать этого означает переворачивать иерархические отношения, присущие природе вещей; но каким бы очевидным нам это ни казалось, мы должны констатировать, что есть нечто, что наших современников в этом удивляет. Они полностью игнорируют то, что принадлежит к метафизическому и «сверхиндивидуальному» порядку; они знают лишь вещи, принадлежащие к рациональному порядку, включая «псевдометафизику» современных философов; и в этом

рациональном порядке логика, действительно, занимает первый ранг, все остальное ей подчинено. Но истинная метафизика не может быть зависимой ни от логики, ни от любой другой науки; ошибка тех, кто думает противоположное, происходит оттого, что они представляют себе познание только в области разума и не имеют ни малейшего подозрения о том, что такое чистое интеллектуальное познание. Мы это уже говорили; и еще мы должны отметить, что следует различать постижение метафизических истин, которые сами по себе ускользают от всяких индивидуальных ограничений, и их сформулированное выражение, которое, насколько оно вообще возможно, может состоять только в переводе в дискурсивный и рациональный модус; следовательно, если это представление принимает форму рассуждения, логическую и даже диалектическую видимость, то потому, что без этого ничего нельзя было бы сказать, ведь такова конституция человеческого языка; но это только лишь внешняя форма, ни в малейшей степени не задевающая истин, о которых идет речь, потому что они по своей сути выше разума. С другой стороны есть два очень разных способа рассматривать логику: есть западный способ, состоящий в ее рассмотрении философским образом и в усилиях связать ее с какой-нибудь систематической концепцией; и есть восточный способ, когда логика конституируется как «традиционная наука» и связывается с метафизическими принципами, что придает ей, как и другим наукам, несравнимо большее значение. Разумеется, может оказаться, что результаты во многих случаях будут представляться практически теми же самыми, но различие двух точек зрения от этого вовсе не уменьшится; этого нельзя оспаривать, как нельзя заключить из сходства действий различных индивидов, что они совершались с одними и теми же намерениями. Вот к чему мы хотим придти: логика сама по себе не является чем–то таким, что специально представляет «философский» характер, потому что она существует и там, где нет очень особого способа мышления, коему только и подходит это наименование; если метафизические истины могут облекаться в логическую форму (до определенной степени и всегда с

той оговоркой, что они содержат невыразимое), то пригодна для этого только традиционная логика, а не философская; да и как может быть иначе, если философия стала такой, что может продолжать существовать лишь при условии отрицания истинной метафизики? Из этого объяснения видно, как мы понимаем логику, если мы используем некоторую диалектику, без чего невозможно было бы вообще ни о чем говорить, то не следует упрекать нас в противоречии, так как вовсе не в этом, по нашему мнению, заключается дело философии. Наконец, даже когда речь специально идет об опровержении концепций философов, можно быть уверенным в том, что мы умеем всегда сохранять необходимую дистанцию посредством различия точек зрения: мы не располагаемся на одной территории с теми, кто критикует или сражается с одной философией от имени другой философии; мы говорим это потому, что традиционные доктрины нам позволяют понять абсурдность и тщетность некоторых теорий, и если мы неизбежно туда привносим какую-то незавершенность (что следует вменять нам самим), то характер этих доктрин таков, что он нам запрещает всякий компромисс. Общего с философами мы имеем только диалектику; но для нас она только инструмент, служащий принципам, игнорируемым ими; само это сходство является, таким образом, совершенно внешним и поверхностным, как и то сходство, которое можно иногда констатировать между результатами современной науки, с одной стороны, и результатами «традиционных наук», с другой. Говоря по правде, мы даже не обращаемся при этом к методам философов, так как то, что есть в этих методах значимого, не принадлежит им, но представляет собою просто нечто, являющееся общим достоянием всех людей, даже тех, кто больше всего удален от философской точки зрения; философская логика есть только сокращение традиционной логики, обладающей приоритетом над первой. И если мы настаиваем на этом различении, представляющимся нам существенным, то не для своего личного удовольствия, а потому что важно утверждать трансцендентный характер чистой метафизики, а все то, что из нее исходит, даже

вторичным образом и в случайном порядке, становится причастным этому характеру, который есть, фактически, нечто совершенно иное, нежели чисто «профанное» познание западного мира. Этот род познания и его отличие от других характеризуется не только своим предметом, но прежде всего, тем способом, которым этот предмет рассматривается; вот почему вопросы, которые по своей природе могут иметь определенное метафизическое значение, полностью его теряют, когда они оказываются внедренными в философскую систему. Но различение метафизики и философии, которое при всем том является фундаментальным и которое никогда не следует забывать, если хотят понять что-либо в учениях Востока (поскольку без этого нельзя обойтись из-за опасности ложных уподоблений), является настолько для западных людей необыкновенным, что многим не удается его схватить: так мы были удивлены встречать то тут, то там утверждение, что мы говорили о «индуистской философии», когда мы старались показать, что то, что существует в Индии, есть нечто совершенно иное, нежели философия! Может быть, то же самое будет и относительно того, что мы только что сказали о логике, и несмотря на все наши предосторожности, мы не слишком удивимся, если в определенной среде нас будут упрекать в том, что мы «философствуем» против философии, тогда как, в действительности, мы заняты совсем другим. Если мы, например, представим математическую теорию и если кто-нибудь захочет назвать ее «физикой», то у нас, конечно, не будет никаких средств помешать этому, но все те, кто знает значение слов, будут знать, о чем они должны в этом случае думать; хотя здесь речь идет о менее употребляемых понятиях, но недоразумения, которые мы хотим предупредить, сравнимы с этим. Если кто-то пытается сформулировать какую-то критику, основанную на подобной путанице, то мы предупреждаем, что это приведет к ошибке, и если нам удастся таким образом освободить их от некоторых ошибок, то мы будем очень счастливы; но мы ничего большего сделать не можем, так как не в нашей власти, как, впрочем, и ни в чьей-либо еще, дать понимание тем, кто сам для этого не имеет средств. Таким

образом, если, несмотря ни на что, все равно возникает плохо обоснованная критика, то у нас есть право ее не учитывать; напротив, если мы замечаем, что определенные различения мы еще не отметили с достаточной четкостью, то мы к ним возвращаемся до тех пор, пока двусмысленность станет невозможной или, по крайней мере, она может тогда быть приписана уже только неисцелимому ослеплению или очевидной недобросовестности.

То же касается средств, с помощью которых Запад мог бы сблизиться с Востоком, возвратившись к истинной интеллектуальности: мы верим, что представленные нами в этом исследовании размышления помогут рассеять многие неясности в этом отношении, это же относится и к способу рассмотрения последующих состояний западного мира, какими они будут, если однажды будут реализованы возможности, которые мы имеем в виду. Однако мы не можем предвидеть все недоразумения; если таковые возникнут и будут иметь реальное значение, то мы всегда также будем стараться их рассеять и тем более охотно, что это нам даст замечательный повод уточнить нашу мысль в определенных моментах. Во всяком случае, мы никогда не позволим себе свернуть с пути, проложенного для нас всем тем, что мы постигли благодаря традиционным учениям Востока; мы обращаемся ко всем, кто, в свою очередь, хочет и может постичь это, кем бы они ни были и откуда бы они ни пришли, но не к тем, кого могут остановить даже самые незначительные и самые иллюзорные препятствия, у кого есть фобии относительно некоторых вещей и слов, или кто считает себя потерянным, если ему приходится нарушить определенные конвенциональные и произвольные ограничения. Действительно, мы не видим, какая польза для интеллектуальной элиты может быть от этих боязливых и беспокойных умов; тот, кто не способен глядеть истине в лицо, тот, кто не чувствует в себе сил проникнуть в «великое одиночество», согласно принятому выражению дальневосточной традиции (для него в Индии тоже есть эквивалент), тот не может продвигаться в метафизической работе, о которой мы говорили и от которой все остальное строжайшим образом зависит.

Кажется, что у некоторых есть как бы предвзятое непонимание; но не думаем, что те, кто обладает подлинными развитыми интеллектуальными способностями, были бы подвержены этим пустым страхам, так как они достаточно уравновешены для того, чтобы иметь уверенность, почти инстинктивную, что они никогда не поддадутся риску уступить какому-нибудь умственному замешательству; надо сказать, что эта уверенность не является полностью обоснованной до тех пор, пока они не достигнут определенной ступени действительного развития, но сам факт обладания ею, даже если не отдают себе ясно в этом отчет, уже дает им значительное преимущество. При этом, мы не хотим говорить о тех, кто к самим себе испытывает более или менее чрезмерное доверие, те, о которых идет речь, даже если они этого еще не знают, возлагают свое доверие на что-то более высокое, чем их индивидуальность, потому что они представляют собою, в некотором роде, эти высшие состояния, общее и окончательное завоевание которых может быть достигнуто через чистое метафизическое познание. Что касается тех, кто не осмеливается заходить ни слишком высоко, ни слишком низко, то они не могут видеть по ту сторону определенных ограничений, вне которых они даже не могут различать высшее и низшее, истинное и ошибочное, возможное и невозможное; вообразив себе, что истина должна соответствовать их мерке и оставаться на среднем уровне; они чувствуют себя удобно в рамках философского духа, и даже тогда, когда они усвоили некоторые частные истины, они никогда не смогут воспользоваться этим, чтобы бесконечно расширить свое понимание; ограниченность их «интеллектуального горизонта», обязана ли она их собственной природе или полученному образованию, является с этого времени непоправимой, так что их предвзятость, если она присутствует, поистине, непроизвольна, если не совсем неосознаваема. Среди них есть, конечно, и жертвы среды, в которой они живут, и это особенно вызывает сожаление; их способности, которые в нормальной цивилизации могли бы развиться, напротив, были подавлены и атрофировались вплоть до полного уничтожения; а современное

образование, будучи тем, что оно есть, наводит на мысль, что невежды имеют больше шансов сохранить невредимыми свои интеллектуальные способности. По сравнению с умственными деформациями, являющимися обычным следствием ложной науки, простой невежда нам, поистине, кажется меньшим злом; и хотя мы ставим познание выше всего, это вовсе не является ни парадоксом, ни непоследовательностью с нашей стороны, так как только истинное знание достойно этого имени в наших глазах и полностью отличается от того, что культивируется современными западными людьми. И пусть нас не упрекают в слишком непреклонной позиции; эта позиция внушена нам чистотой доктрины, тем, что мы назвали «ортодоксией» в интеллектуальном смысле слова; будучи освобожденной от всякого предубеждения, она никогда не будет способствовать несправедливости по отношению к чему бы то ни было. Мы принимаем всю истину целиком, под каким бы видом она ни предстала; но не будучи ни скептиком, ни эклектиком, не можем принимать ничего другого, кроме истины.

Мы хорошо знаем, что наша точка зрения не из тех, что обычно принимаются на Западе и что, следовательно, она не так легко понятна с первого взгляда; само собою разумеется, что мы ни от кого не требуем принимать ее без обсуждения. Мы хотим только подтолкнуть к размышлению тех, кто еще на это способен; каждый из них поймет то, что сможет, и сколько бы это ни было, это уже будет кое-что; к тому же мы полагаем, что всегда найдется кто-нибудь, кто пойдет дальше. То, что сделали мы сами, смогут сделать и другие; несомненно, при современном состоянии западной ментальности, это будут исключения; но достаточно и того, чтобы такие исключения были, даже пусть немногочисленные, чтобы наши предвидения были оправданы и чтобы указанные возможности, можно было реализовать рано или поздно. Впрочем, все, что мы будем делать и говорить, будет способствовать более благоприятным условиям, которые нам самим не удалось обрести; в этом, как и во всем другом, самое трудное это начать работу, а усилия по ее выполнению должны быть тем большими, чем более

неблагоприятными являются условия. Что вера в «цивилизацию» более или менее поколеблена у людей, которые еще недавно не осмеливались даже обсуждать ее, что «сциентизм» в определенной среде в настоящее время на спаде, эти обстоятельства могут нам несколько помочь, потому что из этого следует некоторая неуверенность, позволяющая умам вовлекаться без всякого сопротивления в самые различные направления; это все, что мы можем об этом сказать; а новые, отмеченные нами тенденции, так же обескураживают, как и те, которые они пытаются вытеснить. Рационализм или интуитивизм, позитивизм или прагматизм, материализм или спиритуализм, «сциентизм» или «морализм», с нашей точки зрения, это совершенно равноценные вещи; переходя от одного к другому, ничего не выигрывают, и пока от этого полностью не освободятся, не смогут сделать даже первого шага в области подлинной интеллектуальности. Мы это хотим специально заявить, как мы хотим также еще раз сказать, что всякое изучение восточных учений, предпринятое «извне», совершенно бесполезно для имеющейся в виду цели; то, о чем идет речь, обладает другим значением и принадлежит к крайне глубокому порядку.

Наконец, мы хотим заметить нашим возможным противникам, что если мы оцениваем с полной независимостью и совершенно свободно науки и философию Запада, то потому, что мы осознаем, что ничем им не обязаны; тем, чем мы являемся в интеллектуальном плане, мы обязаны одному Востоку, таким образом, мы ничего не оставляем позади, чтобы могло нам хоть в малейшей степени помешать. Если мы и изучали философию, то делали это тогда, когда наши идеи были уже полностью и окончательно фиксированы на самом существенном, возможно, что это единственное средство не получить от этого изучения никакого пагубного влияния; и то, что мы тогда увидели, лишь весьма точно подтвердило все, что мы думали относительно философии до этого. Мы знаем, что никакой интеллектуальной выгоды от нее ожидать нельзя; и действительно, единственное, извлеченное из этого преимущество то, что мы стали лучше отдавать себе отчет в необходимых предосторожностях ради

избежания путаницы и несообразности, возникающей при использовании определенных терминов, что может породить двусмысленности. Это вещи, которых восточные люди иногда недостаточно остерегаются; в этом плане, есть много трудностей выражения, о которых мы даже не подозревали до того, как ближе познакомились со специальным языком современной философии, со всей ее бессвязностью и бесполезными ухищрениями. Но это единственное преимущество только для изложения в том смысле, что заставив себя проникнуть в сложности, ничего существенного в себе не содержащие, нам удалось предвидеть многочисленные ошибки интерпретации, слишком легко совершаемые теми, кто привык только к западному мышлению; для нас лично это не является преимуществом, поскольку это не принесло нам никакого реального знания. Если мы это говорим, то вовсе не для того, чтобы поставить себя в пример, но чтобы привести свидетельство того, что даже тот, кто не совсем разделяет наш способ видения, не смог бы, по меньшей мере, не доверять нашей искренности; и когда мы особенно настаиваем на нашей абсолютной независимости по отношению ко всему западному, это может способствовать лучшему пониманию наших истинных намерений. Мы думаем, что имеем право обнаруживать заблуждение везде, где оно встречается, когда мы считаем своевременным сделать это; но есть распри, в которые мы не хотим вмешиваться никакой ценой, полагая, что не занимали предвзятую позицию по отношению к той или иной западной концепции; то, что может встретиться интересного в какой-нибудь из них, мы всегда охотно признавали со всей беспристрастностью, но нам никогда ничего большего не встречалось, кроме очень маленькой части уже известного из другого источника, а там, где одни и те же вещи рассматриваются различными способами, сравнение никогда не было выгодным для западной точки зрения. Только после длительного размышления мы решили представить идеи, составляющие предмет настоящей работы, и мы отметили, почему нам показалось необходимым это сделать до развертывания концепций, обладающих более доктринальным характером; к

последним может появиться интерес у людей, которые в противном случае не уделили бы этому достаточного внимания, они никак не были бы к этому подготовлены и еще меньше были бы способны их понять.

В сближении с Востоком Запад выиграл бы во всем; и если Восток тоже имеет от этого какую-то пользу, то она не того же плана и не сравнима по важности, ее было бы недостаточно ни для малейшей уступки в существенных вещах; к тому же, ничто не может главенствовать над правами истины. Показать Западу его дефекты, его ошибки, его недостаточность, вовсе не означает враждебности к нему, как раз наоборот, потому что только таким образом можно исцелить зло, от которого он страдает и от которого он может умереть, если во время не опомнится. Конечно, задача трудная и не застрахована от неприятностей; но это не важно, если убеждены, что она необходима; если кто-то поймет, что она поистине такова, то это все, чего мы желаем. К тому же, когда это поймут, то на этом не остановятся, так же точно, когда усвоены определенные истины, то их уже нельзя потерять из виду или отказаться принять все последствия; есть обязательства, присущие всякому истинному познанию, по сравнению с которыми все внешние обязанности кажутся пустыми и ничтожными; эти обязательства, как раз потому что они чисто внутренние, являются единственными, от которых никогда нельзя освободиться. Когда у себя имеют могущество истины и ничего другого, чтобы преодолеть самые грозные препятствия, то не надо уступать унынию, так как это могущество таково, что ничто не может в конечном счете его одолеть; сомневаться в этом могут только те, кто не знает, что всякое частное и временное нарушение равновесия должно с необходимостью содействовать тотальному равновесию Вселенной.

---

notes

Примечания

1

«Le Thtosophisme, histoire d'une pseudo-religion».

2

И это, действительно, несколько раз случалось в нашей работе об «Ошибке спиритов» по поводу некоторых экспериментальных исследований, интерес к которым, как представляется, не компенсирует несообразностей, а забота об истине которых обязывает нас, тем не менее, указать на эту возможность.

3

«L' Evolution creatrice», p.l 51.

4

Ibid., p. 174.

5

L'Avenir de la Civilisation: Revue Universelle, 1-er mars 1922, pp. 586-587.

6

Слово «материализм» было изобретено Беркли, который использовал его только для обозначения веры в реальность материи; материализм в современном смысле, т.е. теория, согласно которой ничего другого, кроме материи, не существует, восходит только к Ламетри и Гольбаху; не следует ее смешивать с механицизмом, примеры которого встречаются в античности.

7

Фрагмент из «Трактата о пустоте»

8

Вопреки влиянию «социологической школы», даже в среде «официальных» ученых есть такие, которые думают так же, как и мы по этому вопросу, а именно, г-н Георг Фукар, защищающий тезис во введении к своей работе, названной «История религий и сравнительный метод», о «вырождении» и упоминающий многих, кто к этому тезису присоединяется. Г-н Фукар предлагает по этому поводу замечательную критику «социологической школы» и ее методов, и заявляет (по его собственному выражению), что «не надо смешивать тотемизм, или социологию, с серьезной этнологией».

9

«Общее введение в изучение индуистских доктрин», сс. 98-204.

10

Мы говорим о практическом материализме, чтобы обозначить тенденцию и отличить от философского материализма, представляющего собой теорию, от которой эта тенденция не является необходимо зависимой.

11

«The Miscarriage of Life in the West», par P. Ramanathan, procureur general a Ceylan: Hibbert Journal, VII,1; cit par Benjamin Kidd, La Science de Puissance, с. 110 французского перевода.

12

Kritik der reinen Vernunft, ed. Hartenstein, p. 256. В русском переводе: «Философия служит не органоном для расширения, а дисциплиной для определения границ». (Критика чистого разума. М., 1994, с. 466.)

13

Мы говорим о натурализме факта, потому что это ограничение принимается многими людьми, которые не исповедуют натурализм в более специальном философском смысле; так же как существует позитивистский склад ума, вовсе не предполагающий позитивизма как системы.

14

«La logique de Leibnitz», pp. 474-475.

15

Точная дата 3 468 лет до н. э., согласно хронологии, основанной на точных описаниях состояния неба того времени; добавим, что имя Фу-Си на самом деле служит обозначением целого периода китайской истории.

16

Гуа (Каиа) — это китайское название «триграмм», т. е. фигур, которые содержат по три целые и разорванные черты, комбинированные всевозможными способами, которых, действительно, восемь.

17

Речь идет здесь о 64 «гексаграммах» Ба-Гуа, т. е. фигурах из шести черт, образованных комбинацией восьми «триграмм» по два. Отметим по ходу дела, что интерпретация Лейбница совершенно неспособна объяснить, между прочим, почему эти «гексаграммы», так же как и «триграммы», от которых они производятся, всегда расположены в таблице круговой формы.

18

«Explication de l'Arithmetique binaire, qui se sert des seuls caracteres 0 et 1, avec des remarques sur son utili te, et sur ce qu'elle donne le sens des anciennes figures chinoises de Fohy», Memoires de l'Academie des Sciences, 1703: «CEuvres mathematiques de Leibnitz», ed. Gerhardt.t.VII, pp. 226-227. — См. также: «De Dyadicis:» ibid., t.VII, PP. 233-234. Этот текст заканчивается так: «Ita mirum accidit, ut res ante ter et amplius (miilia?) annos nota in extremo nostri continentis oriente, nunc in extremo ejus occidente, sed melioribus ut spero auspiciis resuscitaretur. Nam non apparet, antea usum hujus characterismi ad augendam numerorum scientiam innotiusse. Sinenses vero ipsi ne Arithmeticam quidem rationem intelligentes nescio quos mysticos significatus in characteribus mere numeralibus sibi fingebant.» (Удивительно, но так случилось, что вещь, известная много (тысячу?) лет на крайнем Востоке нашего континента, теперь известна и на крайнем Западе, но с лучшими, как я надеюсь, основаниями. В самом деле, не очевидно, что прежде не были известны эти характеристики для расширения науки о числах. Поскольку сами же китайцы не понимают смысл арифметики, то я не знаю, какие мистические значения они вкладывают в чисто числовые характеристики.)

19

Французский перевод И-Цзина, выполненный Филастром (Philastre) («Annales du Musee Guimet», t. VIII et XXIII), работа крайне замечательная, имеет тот недостаток, что почти исключительно рассматривает астрономический смысл.

20

Напомним здесь то, что мы говорили о множественности смыслов всех традиционных текстов, в особенности, китайских идеограмм: «Общее введение в изучение индуистских доктрин», сс. 149– 150.—Добавим еще только цитату, заимствованную у Филастра: «В китайском языке слово (или знак) почти никогда не имеет абсолютно определенного и ограниченного смысла; смысл образуется обычно исходя из позиции во фразе, но прежде всего, исходя из его употребления в той или иной более древней книге и принятой в этом случае интерпретации… Слово имеет ценность только через его традиционно принятые значения» (И-Цзин, 1 –я часть, с. 8).

21

Мы уже это отмечали по другому поводу, относительно двух противоположных разновидностей «монизма», одной спиритуалистической, а другой материалистической.

22

«Творческая эволюция», с. 270.

23

Возможно, тем не менее, что существовали предшествующие западные цивилизации, но сегодня нет их наследников, и даже утрачена память о них; мы не будем здесь останавливаться на этом.

24

В речи, произнесенной в Палате депутатов г. Браком в ходе дебатов о реформе образования, мы отметили весьма характерный пассаж: «Мы живем в греко-романской цивилизации. Для нас и нет другой. Греко-романская цивилизация для нас и есть собственно цивилизация». Эти слова и, в особенности, единодушные аплодисменты, с которыми они были приняты, полностью подтверждает все то, что мы сказали о «классическом предрассудке».

25

Мы не можем, за неимением случая ближе познакомиться, сказать что-нибудь о недавних попытках псевдоориенталистов, которые появились в Германии, а именно, о попытке графа Кайзерлинга, который основал в Дармштадте «Школу мудрости»; но представляется, что концепция, на которой она основана, это прежде всего «философия жизни», т.е. все же нечто западное. Более того, у нас есть основание думать, что граф Кайзерлинг не обошелся без определенных связей с теософским движением и его производными; во всяком случае, разъяснения, которые нам довелось получить от индуистов, совершенно неблагоприятны.

26

«Теософия, история псевдорелигии». См. также: «Общее введение в изучение индуистских доктрин», сс. 305-314.

27

«Общее введение в изучение индуистских доктрин», сс. 95-106. 6-423

28

Обычно переводят на русский как «ничто», это не совсем правильно, так как «ничто» является оппозицией «чему-то». — Прим. пер.

29

Эта фраза содержит намек на тибетский символизм Авалокитешвары.

30

Только Лейбниц попытался вновь ввести некоторые элементы, заимствованные из схоластики, но он смешал их с размышлениями совсем другого порядка, что лишило их почти всякого значения и что доказало, что он понимал их весьма несовершенно.

31

Здесь стоит сделать сопоставление с институтом каст и тем способом, каким обеспечивается для них причастность к традиции.

32

Можно вспомнить здесь о «неподвижном двигателе» Аристотеля; естественно, ему присуще многообразное исполнение.

33

Отметим очень ясно выраженное мнение Макса Мюллера: «Концентрация мысли, называемая индусами ekagrata (или ekagrya), есть нечто, совершенно нам не известное. Наши умы представляют собою как бы калейдоскопы мыслей, находящихся в постоянном движении; закрыть наши умственные очи для всех других вещей, фиксируясь на одной только мысли, стало для большинства из нас почти так же невозможно, как услышать одну музыкальную ноту без ее обертонов. При такой жизни, которую мы сегодня ведем, … стало совершенно невозможно или почти невозможно достичь когда-нибудь той интенсивности мысли, которую индусы называют kkbgratв и обретение которой является для них необходимым условием всякого философского и религиозного умозрения» (Предисловие к «The Sacred Books of the East», pp. XXIII-XXIV). Невозможно лучше охарактеризовать рассеянность западного ума, мы можем внести в этот текст только два уточнения: то, что касается индусов, то это в равной мере относится и к прошлому, и к настоящему, так как это для них верно всегда, и речь вовсе не идет о «философском и религиозном умозрении», а исключительно об умозрении метафизическом.

34

Мы здесь имеем в виду крайне важную метафизическую теорию, которую мы называем «теорией поступка», о которой мы, несомненно, когда-нибудь расскажем в специальной работе. Слово «прогрессия» принято здесь в значении, которое является переносом по аналогии с математическим его смыслом, переносом, делающим его применимым к универсальному, а не только к одной лишь области количества. — См. также об этом то, что мы говорили об «апурва» (apurva) и о «согласованных действиях и противодействиях»: «Общее введение в изучение индуистских доктрин», сс. 258-261.

35

«Общее введение в изучение индуистских доктрин», сс. 337-338.

36

Здесь следует сделать сопоставление с тем, что мы говорили в другом месте по поводу «мистического состояния»: это вещи, если не тождественные, то, по крайней мере, сравнимые; мы, конечно, еще вернемся к этому при случае.

37

«Общее введение в изучение индуистских доктрин», С. 128-131.